

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2012

№ 1 (17)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.

Журнал входит в "Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук" Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ»**

Демешкина Т.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. русского языка, декан филологического факультета (председатель); Айзикова И.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего литературоведения, издательского дела и редактирования (зам. председателя); Ершов Ю.М., канд. филол. наук, доц., зав. каф. телерадиожурналистики, декан факультета журналистики (зам. председателя); Катунин Д.А., канд. филол. наук, доц. каф. общего, славяно-русского языкознания и классической филологии (отв. секретарь); Каминский П.П., канд. филол. наук, доц. каф. теории и практики журналистики (зам. отв. секретаря); Дронова Л.П., д-р филол. наук, проф. каф. общего, славяно-русского языкознания и классической филологии; Иванцова Е.В., д-р филол. наук, проф. каф. русского языка; Кручевская Г.В., канд. филол. наук, доц., зав. каф. теории и практики журналистики; Резанова З.И., д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего, славяно-русского языкознания и классической филологии; Рыбальченко Т.Л., канд. филол. наук, доц. каф. истории русской литературы XX века; Суханов В.А., д-р филол. наук, проф., зав. каф. истории русской литературы XX века; Янушкевич А.С., д-р филол. наук, проф., зав. каф. русской и зарубежной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Ефанова Л.Г. Категориальная семантика нормы в значениях лексических единиц.....	5
Инютина Л.А. Семантическое поле пространства в отражении лексики Сибирских летописей XVII–XVIII вв. как модель пространственной картины мира	14
Карабыков А.В. Смысл и судьба риторики в христианской культуре Средневековья	23
Солопова О.А. Остаться с умирающей державой?... (Когнитивно-дискурсивная модель будущего России)	34

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ашеулова И.В. Исторические повести В. Сосноры: проблема понимания и интерпретации текстов истории	46
Киселев В.С. Эволюция коммуникативно-повествовательной структуры «Вестника Европы» В.А. Жуковского (1808–1811).....	61
Ковтун Н.В. Образ городской цивилизации в поздних рассказах В.М. Шукшина: миметический и семантический аспекты	74
Седельникова О.В. «Итальянские драматурги исключительны...» <i>Статья первая.</i> Заметки об итальянской драматургии в путевом дневнике А.Н. Майкова 1842–1843 гг.	94
Скрипник А.В. Гоголевский дискурс в творчестве Ф.М. Достоевского (на материале «Записок сумасшедшего» Гоголя и «Записок из Мертвого дома» Достоевского).....	109

ЖУРНАЛИСТИКА

Голуб В.А. Проблемы современной фотожурналистики в контексте прогресса цифровых фотографических технологий.....	122
Жиликова Н.В. «В защиту умственного центра»: полемика «Сибирского вестника» и «Гражданина» по поводу открытия Императорского Томского университета (1888 г.)	129

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Каминский П.П., Налегач Н.В. Региональная конференция «Взаимодействия в поле культуры: преемственность, диалог, интертекст, гипертекст». Кемерово, КемГУ, 29 июня – 2 июля 2011 г.	140

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Щитова О.Г. Неисконная лексика в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII в.: Монография [Рец. З.М. Богословской, В.П. Васильева].....	147

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	152
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	153

CONTENTS

LINGUISTICS

Yefanova L.G. Norm category semantics in meanings of lexical units	5
Inyutina L.A. Semantic field of space in lexical representation of Siberian chronicles of 17–18 centuries as a fragment of the language model of space	14
Karabykov A.V. Meaning and fate of rhetoric in the Christian medieval culture	23
Solopova O.A. To stay with the dying empire? (Cognitive-discursive model of Russia's future)	34

LITERATURE STUDIES

Ashcheulova I.V. Historical tales by V. Sosnora: the issue of understanding and interpretation of historical texts	46
Kiselev V.S. Evolution of communicative and narrative structure of <i>Vestnik Evropy</i> V.A. Zhukovsky (1808–1811)	61
Kovtun N.V. Image of urban civilization in late stories by V.M. Shukshin: mimetic and semantic aspects	74
Sedelnikova O.V. “Italian playwrights are exceptional...” Article 1. Notes on Italian drama in A. Maikov's traveller's diary of 1842–1843	94
Skripnik A.V. Gogol's discourse in Dostoevsky's works (by Gogol's <i>Diary of a Madman</i> and Dostoevsky's <i>Notes from the Dead House</i>)	109

JOURNALISM

Golub V.A. Problems of modern photojournalism in the context of digital photography technologies progress	122
Zhilyakova N.V. “In support of intellectual centre”: polemic of <i>The Sibirskiy Vestnik</i> and <i>The Grazhdanin</i> on opening of Imperial Tomsk University (1888)	129

SCIENTIFIC LIFE

Kaminskiy P.P., Nalegach N.V. Regional conference “Interactions in the field of culture: succession, dialogue, intertext, hypertext”. Kemerovo, Kemerovo State University, June 29–July 2, 2011	140

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Shchitova O.G. Non-native Vocabulary in Russian Informal Speech of the Middle Ob of the 17th c.: Monograph [Rev. by Z.M. Bogoslovskaya, V.P. Vasilyev]	147

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	152

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	153

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811

DOI 10.17223/19986645/17/1

Л.Г. Ефанова

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА НОРМЫ В ЗНАЧЕНИЯХ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В статье исследуется концепт нормы, лежащий в основании одноименной семантической категории. Исследование проводится на материале слов, обозначающих норму, и производных от них языковых единиц с учетом их лексической сочетаемости и ассоциативно связанных с ними понятий. Используемый подход позволяет рассмотреть содержание концепта нормы и соответствующей ему семантической категории в количественном и качественном аспектах, а также описать отдельные разновидности норм, отраженных в семантике названных языковых единиц.

Ключевые слова: норма, семантическая категория, концепт, оценка.

Категориальная семантика нормы – это имеющиеся в сознании носителей языка представления о должном и в силу этого положительно оцениваемом состоянии объекта. Эти представления могут формироваться под влиянием а) потребностей человека (у утилитарных норм); б) его возможностей или способностей (у функциональных норм); в) воспринимаемых человеком объективных закономерностей реального мира (у онтологических норм); г) нравственного идеала (у этических норм); д) представлений человека о прекрасном (у эстетических норм).

Представления о должном могут быть отражены в языке как при помощи производных слов и особых синтаксических конструкций, называющих те или иные отклонения от нормы (напр.: *недосолить – пересолить; Ему уже 40 лет, а он не женат*), так и путем прямого обозначения понятия нормы специальными лексическими единицами. В последнем случае можно говорить о непосредственном языковом выражении концепта нормы.

По мнению Н.Д. Арутюновой, «под родовой концепт нормы подводится следующая серия частных, нечетко разграниченных групп понятий: 1) космос, порядок, упорядоченность, сформированность, система, структурированность; 2) строй, гармония, лад, пропорциональность (соразмерность), ритм, регулярность, уравновешенность, слаженность, инертность; 3) кодекс, закон, заповедь, запрет, норма, правило (учредительное, регулятивное), конституция, предписание (прескрипция), инструкция, установление, указ, статут, договор; 4) режим, регламент, расписание, распорядок, последовательность, связность, непрерывность (континуальность), цикл; 5) канон, парадигма, модель, образец, трафарет, форма, стереотип, стандарт, тип; 6) направление, курс, план, программа, алгоритм; 7) организм, организация, механизм, целостность, кругооборот. Нормативные концепты объединены некоторым «фамильным сходством», не предполагающим наличия у всех групп единого понятийного ядра» [1. С. 6–7].

По нашим наблюдениям, многие из перечисленных понятий представляют собой частные разновидности норм, различающиеся условиями и сферой применения (напр.: *кодекс, закон, заповедь, правило, предписание (прескрипция), инструкция, установление, указ, статут, режим, образец, трафарет, форма, стандарт, тип* и т. д.). Среди названных слов есть и такие, которые связаны с понятием нормы только ассоциативно (напр.: *космос, направление, курс, организм, организация, механизм, кругооборот, строй, ритм, запрет, последовательность, связность, цикл, уравновешенность* и т. д.). Некоторые из перечисленных понятий соотносятся с признаками нормы как универсальной категории, в число которых входят системность (*система, структурированность*), распространенность (*регулярность*), формальная определенность (*сформированность*), стабильность (*инертность*), воспроизводимость (*непрерывность*) и т. д. (см.: [2. С. 7–11]).

Категориальные признаки нормы, описанные в логике норм и теории стандартов, представляют собой свойства, присущие любой из норм, и в том числе норме как семантической категории. К этим признакам наряду с названными относятся и некоторые другие. В частности, *оптимальность* предполагает закрепление в норме представлений о наиболее желательном состоянии объекта. *Мерный характер* нормы отражает способность нормы выступать как «одинаковый и общий масштаб для измерения упорядочиваемых объектов» [3. С. 139]. Наконец, *двойственность* (билатеральность) нормы означает её одновременное существование в виде идеальных образов, моделей, с одной стороны, и реальных объектов – с другой [4. С. 16].

Цель данной статьи – определить круг лексических единиц, семантика которых соответствует содержанию концепта нормы, а также описать эту семантику с точки зрения свойств, присущих норме как универсальной и как семантической категории, и выявить специфику проявления названных признаков в значениях обозначающих норму слов.

Основные принципы организации нормы как семантической категории – антонимичность и оценочный характер обозначающих ее языковых единиц, одни из которых называют положительно оцениваемую ситуацию соответствия норме, а другие – негативно воспринимаемую аномалию. Оба принципа дополняют друг друга, поскольку «слова становятся антонимами благодаря оценочному, ориентированному относительно чего-то (точки отсчета, нормы) характеру своего значения» [5. С. 11]. В том случае, если понятие нормы обозначается в языке при помощи специального средства, это обозначение обязательно вступает в отношения антонимии с названием соответствующей аномалии. По этой причине оказалось возможным представить соотносительное описанной выше структуре концепта нормативности «поле “анти-нормы”»: 1) хаос, аморфность (бесформенность), смешанность, недискретность, нерасчлененность (диффузность); 2) дисгармония, несоразмерность (непропорциональность), неслаженность, аритмия (неритмичность), прерывистость, нерегулярность, бессвязность, перебой, сбой, разнобой; 3) беззаконие, анархия, беспорядок, безалаберность, непорядок, путаница; 4) аномальность, неправильность, искажение, ошибка, нарушение, преступление, погрешность, брак; 5) нетипичность (атипичность), несообразность, неканоничность, апокрифичность, нестандартность, оригинальность; 6) отклонение,

отход (от курса), девиация, невыполнение (программы, плана), заблуждение; 7) а) расстройство, дисфункция, ненормальность, патология; б) неполадка, поломка, авария, кризис, катастрофа, катаклизм» [1. С. 7–8].

Учитывая сформулированные нами выше свойства нормы как семантической категории (в том числе семантику отношения к должному, участие в ее выражении антонимических пар, свойственную обозначениям соответствующих норме положений дел позитивную оценочность и обязательную негативную оценку аномалий), мы приходим к выводу, что в наибольшей степени категориальную семантику нормы выражают следующие используемые при обозначении полей нормы и “антинормы” антонимы: норма – аномалия (*анормальность, ненормальность*), порядок (*упорядоченность*) – беспорядок (*непорядок*), (*правильность, правильный, верный*) – *неправильность (неправильный, неверный)*, лад (*слаженность*) – *неслаженность (нелады)*, а также их производные.

1. Толковые словари отмечают в значениях слова *норма* два аспекта: количественный и качественный. С точки зрения первого из них норма предстает как «установленная мера, размер чего-л.», напр.: *норма выработки, норма прибыли, технические нормы; норматив* – «показатель норм, в соответствии с которыми производится какая-л. работа, устанавливается что-л.» (МАС). Будучи рассмотренными со стороны, не поддающейся количественной оценке, представления о норме различаются по источнику (причинам) возникновения: это могут быть сознательно принятые образцы, правила, законные установления (напр.: *правовые нормы, нормы партийной жизни*) или обычный, общепринятый порядок, состояние чего-либо (напр.: *климатическая норма, языковые нормы*).

Очевидно, что оба типа значений слова *норма* не совпадают с семантикой описываемой нами категории. (О неспособности этого слова выражать категориальную семантику см. также: [6. С. 74]). Между тем наиболее важные составляющие этой семантики, а именно отраженные в ней представления носителей языка о должном состоянии обозначаемого объекта, а также оценочные коннотации нашли выражение в особенностях сочетаемости слова *норма* с другими языковыми единицами и в значениях его производных.

В наибольшей степени оценочность свойственна производным от существительного *норма* признаковым словам, обозначающим отклонения от нормы, и устойчивым выражениям. В частности, в отличие от прилагательного *нормальный*, которое в большинстве своих употреблений обозначает «соответствие норме, вытекающей из самой природы вещей, но не устанавливаемой человеком» [7. С. 127] и не содержит оценочных коннотаций (напр.: *нормальный рост, нормальная температура, нормальная обстановка, нормальное поведение*), слово *ненормальный*, как правило, используется для выражения отрицательного отношения говорящего к обозначенному им положению дел (напр.: *ненормальная полнота, ненормальное положение вещей, ненормальный* – «психически больной», «умственно неполноценный»). Приобретению словом *нормальный* оценочного значения может способствовать фразеологизация его семантики при употреблении в составе устойчивых выражений (напр.: *войти (или прийти) в норму, быть в норме, все нормально* – «все хорошо, все в порядке»).

Глаголы *нормализовать* и *нормализоваться* отражают возможность существования как самой нормы, так и отклонений от нее. Обозначая ту или иную степень приближения к норме (напр.: *давление постепенно нормализуется*), а также подчинение нормам (напр.: *нормализовать обстановку в коллективе*), они свидетельствуют о градуируемом характере оцениваемого с точки зрения нормы признака. В тех случаях, когда норма представляет собой сознательно установленное правило, ее источником может быть определенное лицо – *нормализатор*. При этом приведение в состояние нормы, как правило, оценивается говорящими положительно. Например, именно наличие в значении производящего слова положительных коннотаций способствует эвфемизации термина *нормализованное молоко* (молоко, разбавленное водой для достижения нормативно установленной степени жирности), поскольку позволяет представить обозначенный им продукт как имеющий улучшенное качество.

Анализ семантики слова *норма* и его производных показал, что они чаще всего используются для обозначения соответствия или несоответствия утилитарным (напр.: *правовые нормы, нормализованный, нормальная обстановка*), функциональным (напр.: *нормальное телосложение, состояние больного нормализовалось, психически нормален*) и онтологическим нормам (напр.: *норма выпадения осадков, атмосферное давление нормализовалось*), причем отклонения от онтологических норм чаще всего обозначается при помощи слов *аномалия* и *аномальный* (напр.: *магнитная аномалия, аномальное явление*). Несколько реже эти слова обозначают отношение к этическим нормам (напр.: *этикетные нормы*) и почти никогда не обозначают эстетических норм. Кроме того, слово *норма* и его производные могут приобретать общеоценочное значение: *прийти в норму, все нормально*.

2. Вероятно, в наибольшей степени категориальная семантика нормы при-суща слову **порядок** и его производным. Слово *порядок* означает «состояние налаженности, организованности, благоустроенности; правильность, систематичность чего-л.» (МАС), «надлежащий вид чего-л.» (БАС), напр.: *Образцовый порядок. Полный порядок в делах. Привести (прийти) в порядок*. По мнению Н.Д. Арутюновой, этим словом, как и словом *норма*, могут быть обозначены «и естественные нормы природы, и созданные человеком правила и законы» [1. С. 6]. Косвенным подтверждением близости понятий, обозначенных этими словами, является смысловая и структурная идентичность оборотов *быть в норме (прийти в норму)* и *быть в порядке (прийти в порядок)*.

Вместе с тем слово *порядок* проявляет значительно большую, чем слово *норма*, активность при обозначении ситуаций, связанных с нормативной оценкой. Сочетания со словом *порядок* и его производные обозначают ситуации соответствия (напр.: *своим порядком, Порядок!*) и несоответствия норме (напр.: *не в порядке, непорядок, беспорядок*), а также приведение в соответствие с нормой (напр.: *привести в порядок, восстановить порядок, навести порядок, упорядочить*, сделать что-л. *для порядка*). При помощи этих слов могут быть названы разные степени упорядоченности: *в полном порядке, от-носительный порядок, непорядок* (нарушение порядка, которое может быть частичным), *(полный) беспорядок*. Причиной большей, чем у заимствования

норма, мотивационной активности слова *порядок* является не только его исконно русское происхождение, но также и особенности его семантики.

Существительное *порядок* производно от слова *ряд* в значении «определенная последовательность, ход чего-л.» (напр.: *рассказать по порядку*). Благодаря тому, что это слово может обозначать не только временную, но и логическую последовательность, отражающую причинно-следственные отношения, оно оказалось способным к выражению семантики нормы. Н.Д. Арутюнова отмечает, что понятие причины и причинных отношений фундаментально для развития систем знаний. «Объяснить причину часто значит свести ненормативное явление к норме или открыть нечто дотоле неизвестное (новую норму)». Благодаря этому «связь ненормативных явлений с концептом причины зафиксирована и в семантике и в синтаксисе» [8. С. 77].

Порядок предполагает строгую определенность в размещении объектов (напр.: *алфавитный порядок*, *хронологический порядок*), которая придает ему необходимую системность, облегчая таким образом восприятие предметов и ориентацию в их среде человека. Благодаря этому порядок воспринимается как положительное явление, в то время как его отсутствие или нарушение оценивается отрицательно. Эта оценка отразилась в семантике слов *беспорядок* и *непорядок*, а также их синонимов: *хаос*, *неразбериха*, *ералаш* и т. д. О значимости порядка для носителей русского языка свидетельствует, в частности, то, что для обозначения его отсутствия в разных сферах человеческого бытия используются особые слова и выражения, например: отсутствие порядка «в деле, организации: *анархия*; *неурядица*, *содом*, *безалаберщина*, *бестолковщина* (разг.) /в деле, а также в изложении, в теории, в голове: *сумбур*, *путаница*; *сумятица*, *каша* (разг.) /при скоплении народа: *светопредставление*, (*вавилонское*) *столпотворение*, *бедлам*, *кутерьма* (разг.); *катавасия* (прост.) /обычно среди вещей: *разгром*, *погром*, *разор*, *кавардак*, *тарарам* (разг.) < в знач. сказ.: (*сам*) *черт ногу сломит* // среди вещей: *поэтический* (или *художественный*) *беспорядок* (шутл.) /в знач. сказ.: *все вверх дном* (или *ногами*); (*как*) *Мамай воевал* (прост.) // при скоплении народа: *сумасшедший дом*» [9. С. 38].

Как и в случае со словом *норма*, производные от существительного *порядок* могут использоваться для характеристики количественной и качественной сторон объекта, а также для выражения оценки человеческих свойств. Производные от слова *порядок* с количественным значением (*порядком*, *порядочно*, *порядочный*) указывают на большое количество объектов или высокую степень проявления признака. При этом роль количественного значения в семантике этих производных настолько велика, что они могут сочетаться с наименованиями нежелательных состояний (напр.: *порядком устать*, *порядочные морозы*), а также отрицательных свойств человека (напр.: *порядочный трус*, *порядочная злючка*).

Напротив, при употреблении слов *порядочный* и *добропорядочный* как самостоятельных обозначений моральных качеств человека эти производные приобретают положительный смысл «честный, не способный на низкие поступки», в то время как слова *непорядочный* и *недобропорядочный* имеют значение «способный на бесчестные, низкие поступки».

Слова *порядок* и его производные употребляются в основном для обозначения соответствия или несоответствия утилитарным (напр.: *порядок в делах, упорядочить*), онтологическим (напр.: *в порядке вещей*) и этическим нормам (напр.: *порядочный человек*) и не обозначают функциональных норм. Для эстетических норм порядок, по мнению носителей языка, не является обязательным условием, что отразилось в выражении *художественный (поэтический) беспорядок*. Слово *порядок* может выражать также семантику общей оценки (напр.: *все в порядке*).

3. Представления о должном являются основным содержанием семантики слов **правильный** (*правильно*) и **верный** (*верно*), напр.: *верное (правильное) решение задачи; Это верно (правильно)*.

Хотя при обозначении отношения к норме эти слова могут использоваться как синонимы, исследователями отмечается нетождественность их концептуального содержания. Так, в частности, слово *правильный* чаще выражает значение «“соответствующий техническим (в широком смысле) правилам, нормам”»: *(не)правильно собрал приёмник, (не)правильно держит ручку, правильно выполнил упражнение, правильное произношение* и т. д.». «Здесь имеются в виду только те нормы, которые устанавливаются (хотя бы в конечном итоге) по соглашению между людьми, т. е. те же правила. Норма в таком понимании – это совокупность, комплекс правил» [7. С. 127]. Появление у слова *правильный* с этим значением положительных коннотаций обусловлено тем, что «здесь за норму, как правило, принимается то, что приносит наибольший положительный эффект, является благом (в утилитарном смысле) для человека. Отсюда наличие в *правильный* прагматически обусловленного компонента “хорошо” и ситуативная эквивалентность *правильный* и *хороший* в «утилитарных» и «технических» контекстах: *правильное = хорошее произношение, правильно = хорошо выполнил упражнение* и т. д.» [7. С. 128].

Значение соответствия искусственно установленным правилам позволяет распространить использование слова *правильный* и на обозначение других закономерностей, например проявления равномерности, ритмичности, пропорциональности и симметрии (*правильный ритм, правильные черты лица, правильный треугольник*).

У слова *верный* основанием для формирования значения отношения к норме является наличие в его семантике указания на соответствие обозначенного действительности, т. е. логическая истинность. По этой причине словом *верный* чаще обозначаются не конкретные физические действия, а способности человека к точному воспроизведению реальности, а также результаты его ментальной деятельности – «первоосновы, аксиомы, принципы, предпосылки, основания» [10. С. 78]. Различия между словами *правильный* и *верный* проявляются, например, при оценке художественных артефактов в том, что «правильность характеризует технику исполнения, верность – выражение духа оригинала; ср.: *правильный рисунок и верный рисунок, правильный слепок и верный слепок*» [Там же].

Обозначенное словом *верный* соответствие результатов человеческой деятельности норме (как объективной истине или ее отражению в сознании человека) становится причиной их позитивной оценки, благодаря чему это слово приобретает положительные коннотации (напр.: *Я рад, что принял верное решение*).

Позитивную оценку получает и способность человека к адекватному восприятию и отражению реальности: *верный глаз, верный взгляд* и т. д.

В разговорной речи слово *правильный* может использоваться для выражения этической оценки человека или коллектива. Эта оценка бывает положительной, когда человеку или группе лиц приписывается стремление следовать идеалам справедливости (напр.: [Нанайцы] *честные и правдивые, обмана не терпят. Очень правильный народ* (В. Ажаев); *Нонешняя власть много правильнее прежней* (В. Шефнер). При этом «правильно = этическому хорошо» в большинстве употреблений: *Ты поступил правильно = хорошо*. Эквивалентность между *правильно* и *хорошо* нарушается в тех случаях, когда следование моральному правилу связано с причинением вреда, зла другим людям (ср. библейский принцип: «Око за око, зуб за зуб») [7. С. 128]. Слово *правильный* может выражать отрицательную оценку поведения человека и тогда, когда он не проявляет необходимой гибкости в общении или придает чрезмерное значение формальностям (напр.: *Слишком уж он правильный*).

Представления о правильности/верности имеют не только качественный, но и количественный аспекты, отмечая высокую степень соответствия норме. Это значение слова *правильный* и *верный* приобретают в контекстах, обозначающих точные, безошибочные действия и их результаты (напр.: *совершенно правильный/верный расчет (перевод текста), вполне правильное/верное суждение, правильно считать, глубоко верная мысль*). Как правило, степень соответствия норме, обозначенной названными прилагательными, является результатом определенных процессов, в том числе и целеполагающей деятельности человека (*исправителя*). Подтверждением этого мнения может служить наличие значения «устранять недостатки» у глагола *править* и его производных *поправить, поправка, исправить, исправиться, выправить, выправиться, переправить, правка* и т. д.; сходной семантикой обладают глагольные производные от слова *верный*, напр.: *проверить, сверить* и *сверщик, выверить*.

Слово *правильный* и его производные чаще всего обозначают соответствие или несоответствие утилитарной норме (напр.: *исправить ошибки, неправильное решение*), но могут использоваться и для обозначения этических (*правильный человек, правильный поступок*) и эстетических норм (*правильные черты лица*). Для слова *верный* основными являются значения соответствия утилитарной норме надежности (напр.: *верное средство, из верных источников*) и логической истине как онтологической норме (*правильный ответ*), в то время как на соответствие этической норме справедливости (*правильный человек*) и эстетической норме соответствия оригиналу это слово указывает реже (напр.: *верное изображение, верный глаз*).

4. Категориальная семантика нормы присутствует и в значениях многих производных от слова *лад*. Некоторые словари отмечают у названного существительного ЛСВ «порядок», однако это значение является обычно фразеологически связанным (напр.: *ни складу, ни ладу* в чем; *идти (пойти) на лад*). В остальных случаях слово *лад* обозначает, как правило, гармоничные отношения между людьми, напр.: *быть в ладу* или *в ладах/не в ладу, не в ладах* с кем-л.; *Лады всего дороже; На что и клад, когда у мужа с женой лад*. Этот вариант значения слова *лад* является исторически первичным и восходит к

имени божества древних славян *Ладо*, который считался покровителем семейного благополучия [11. С. 311]. В настоящее время данное значение слова *лад* считается устаревающим и активно вытесняется заимствованием *гармония* и его производными. Тем не менее в современной речи продолжают использоваться производные от слова *лад*, обозначающие некоторые виды межличностных отношений (напр.: *(по)ладить* с кем-л.; *подладиться* к кому-л., *нелады* между кем-л. и т. д.), в связи с чем некоторые исследователи полагают, что основным значением слова *лад* является «чаемый принцип организации человеческого сообщества» [12. С. 131].

Однако чаще производные от слова *лад* передают представления о должном, распространяющиеся на разные сферы человеческого бытия. В частности, глагол *ладить* и его производные наряду со значением «быть в ладу», «жить согласно, дружно» (*ладить* с кем-л.) используется в значении «приводить в норму, в порядок» (сов. *наладить*), напр.: *Весело я лажу борону и соху* (А. Кольцов); *наладить работу в клубе*; *наладить производство*. Производный от него глагол *отладить* (спец.) означает «привести в исправное, годное для употребления состояние, в норму» (напр.: *отладить пулемет, инструмент*). Напротив, отсутствие порядка обозначается словом *разлад* (напр.: *разлад в работе*; *Дело пошло на разлад*), производным от глагола *разладиться* – «стать неисправным», напр.: *станок разладился*. Некоторые производные от слова *лад* используются для выражения положительной оценки предмета или ситуации, соответствующих норме; таковы, например, определительные слова *ладный*, *ладно*, *ладком*, глаголы *наладить(ся)* и *уладить*. Используемые с отрицанием, такие слова выражают негативную оценку ситуаций отклонения от нормы, напр.: *дело не ладится*, *неполадки*, *нелады*, *дело не ладно*, *будь ты (он) неладен*, *ни складу ни ладу* и т. д.

Производные от слова *лад* языковые единицы выражают отношение к нескольким типам норм, в том числе утилитарным (напр.: *наладить работу механизма*, *отладить инструмент*), эстетическим (напр.: *ладно сшитый пиджак*), а также обозначают соответствие функциональным нормам при обозначении физического сложения, стати животных (напр.: *лады легавой собаки* (охот.)). Кроме того, слово *лад* и его производные способны выражать значение коммуникативного идеала, предполагающего полное согласие и единство во взглядах (напр.: *ладить*, *поладить* с кем-л., *уладить конфликт*, *наладить отношения* и т. д.).

Исследование значений слов *норма*, *порядок*, *правильный*, *лад* и их производных позволяет сделать вывод о том, что названные лексемы обладают способностью выражать категориальную семантику нормы, понимаемой как представления о должном состоянии обозначенных ими объектов. В семантике и функционировании этих слов нашли отражение все основные общекатегориальные признаки нормы. Закрепленность в значениях общеупотребительных языковых единиц отражает высокую степень *распространенности*, регулярную *воспроизводимость* и *стабильность* обозначенных ими явлений. Использование для обозначения нормы специальных слов придает категории нормы и связанному с ней концепту *формальную определенность*. Свойство *системности* нормы при ее обозначении средствами языка обеспечивается за счет регулярного обозначения нормы и соотносимых с нею аномалий при

помощи антонимов. В то же время возможность использовать для выражения отношения к норме слов, одно из которых обозначает аномалию, а другое – соответствующее норме положение дел, отражает *двойственный* характер этой категории. О том, что именно норма является той точкой отсчета, относительно которой производится *измерение* (нормативная оценка) признака, свидетельствует использование для обозначения аномалий производных слов, словообразовательная структура которых содержит элементы, указывающие на отсутствие мотивирующего признака (напр.: *ненормальный, беспорядок, неправильный*), в то время как обозначение аномалий никогда не становится производящим для наименований нормы. Наконец, *оптимальность* нормы проявляется в семантике языковых единиц при выражении ими негативного отношения со стороны говорящего к обозначаемым аномалиям (напр.: *непорядочность, разлад*), а также за счет того, что слова, обозначающие соответствие норме, приобретают способность выражать общую положительную оценку отдельных явлений действительности или ситуации в целом, напр.: *Все нормально! Все в порядке! Порядок! Все правильно! Дело пошло на лад; Жизнь наладилась.*

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык // *Вопр. языкознания*. 1987. № 3. С. 3–19.
2. Ефанова Л.Г. Норма как разновидность предельности глагольного действия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1995. 19 с.
3. Урванцев Б.А. Порядок и нормы. М.: Изд-во стандартов, 1991. 240 с.
4. Плахов В.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. М.: Мысль, 1985. 253 с.
5. Новиков Л.А. Антонимия и словари антонимов // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1978. С. 5–27.
6. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 1. 472 с.
7. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 400 с.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
9. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Сов. энцикл., 1971. 600 с.
10. Арутюнова Н.Д. Вторичные истинностные оценки: ПРАВИЛЬНО, ВЕРНО // *Логический анализ языка: Ментальные действия*. М., 1993. С. 67–78.
11. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
12. Фомин А.И. Форма – образ – лад // *Вопр. когнитивной лингвистики*. 2008. № 4. С. 128–132.

УДК 811.161.1

DOI 10.17223/19986645/17/2

Л.А. Инютина

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПРОСТРАНСТВА В ОТРАЖЕНИИ ЛЕКСИКИ СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XVII–XVIII ВВ. КАК МОДЕЛЬ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

Статья посвящена проблеме концептуализации пространства русским языком в Западной Сибири XVII–XVIII вв. Семантическое поле пространства, реконструируемое на материале текстов Сибирских летописей (а именно Есиповской летописи – официального и наиболее авторитетного исторического сочинения о покорении Сибири), рассмотрено как модель пространственной картины мира. В работе определены особенности лексической репрезентации семантической парадигмы 'Пространство – царство-государство', которая является ядерной в анализируемом поле.

Ключевые слова: летопись, семантическое поле, лексическая единица.

Одним из двух возможных проявлений принципа антропоцентризма в современных лингвистических исследованиях является выяснение воздействия естественного языка на мышление человека [1. С. 214–215]. Это гумбольдтовское, как известно, видение проблемы взаимосвязи языка и мышления выражено, в частности, в широко используемом сегодня в языкознании понятии «языковая картина мира» («наивная», «профанная» и пр.).

Семантическое поле пространства мы рассматриваем в качестве модели пространственной картины мира. Реконструкция семантического поля пространства на материале текстов Сибирских летописей XVII–XVIII вв. позволяет выяснить языковое (а именно лексическое) воплощение представлений о пространстве в этот период и на этой территории.

В статье решается задача реконструкции ядра семантического поля пространства на основании анализа текста Есиповской летописи [2. Т. 36].

Летописный язык традиционно рассматривается как составляющий центр народно-литературного языка. Летописи (в собственно летописной части) – «функционально главенствующие источники, содержательно наиболее четкие, тематически (лексически) наиболее независимые» [3. С. 93]. Представление о пространстве и особенностях его выражения в семантике лексических единиц¹ (ЛЕ) русского языка Западной Сибири XVII–XVIII вв., безусловно, должно быть исследовано на региональном летописном материале этого периода.

Источником исследования стала Есиповская летопись – «наиболее авторитетное сочинение на сибирскую тему из числа упоминаемых в исторической литературе» [8. С. 77]. Важно, что Есиповская летопись большинства ее вариаций (первая треть и вторая половина XVII в.) является историческим

¹ Лексическими единицами мы называем лексемы и устойчивые словосочетания, которые выражают, как и слово, единое понятие, обладают различными видами лексических свойств (структурно-семантических, системных, функциональных и пр.) и являются регулярными в языке в различные периоды его развития [4–7].

повествованием, защищенным авторитетом и канонами «книжной школы», и имеет официальный для данного исторического момента характер текста [9. С. 22]. Создавая летописное сказание о покорении Сибири, Савва Есипов, дьяк Тобольского архиерейского дома, определяет свою задачу: написать, как «взята Сибирь от православных христиан, от русского воинства в наследие российского скиптродержательства», «о храбрости русского полка, собранного и водимого атаманом Ермаком Тимофеевым, и о поставлении градов в Сибирстей земле и о создании церквей православных» [8. С. 78].

Предметом исследования являются семантика и семантические отношения ЛЕ в этом летописном тексте, определенные в ходе анализа как релевантные для семантического поля пространства и рассмотренные как языковое воплощение понимания пространства русскими людьми XVII в.

Пространство – одно из основополагающих понятий философии бытия и теории познания. «Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосма» [10. С. 127]. Оно подробно дифференцируется языковыми средствами во всех языках. В философии, логике и лингвистике принято различать понятия пространства и места в силу их неравноценности и различий в способах их языковой объективации [11. С. 84]. При историческом рассмотрении этих понятий и их концептуализации языком первичным называют концепт места [11–13]. В языковом сознании древнего человека «пространство не является простым вместилищем объектов, скорее наоборот – конституируется ими, и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам. Пространство ощущается, воспринимается именно через вещи, его заполняющие»¹ [13. С. 31]. Поэтому для описания пространственных отношений значимы такие признаки, как «положение наблюдателя», «характер и условия восприятия». В частности, в сибирских летописных текстах XVII в. пространство – это непосредственно наблюдаемое, находящееся в «окрестности говорящего», «исхоженное» место, которое человек «способен непосредственно воспринять, в той или иной мере самостоятельно освоить и узнать» [13. С. 64].

Полевое описание лексики, являющееся методом анализа лексических парадигм различного объёма и типа, предполагает группировку ЛЕ на основании общности инвариантного смысла и наличия семантических связей. С его помощью могут решаться задачи исследования языковой картины мира, идеографического подхода к описанию языковой (лексической) системности, логического анализа языка (концептов). Понятие семантического поля, история его изучения, типология семантических полей восходят к исследованиям Л. Вайсгербера, Э. Косериу, В. Порцига, Й. Трира и др. [14–15] и развивается в современном отечественном языкознании в исследованиях Е.Л. Березович, А.В. Бондарко, Ю.Н. Караулова, Е.А. Нефедовой, Е.В. Падучевой, А.А. Уфимцевой, Е.А. Шенделевой (Юриной), Г.С. Щура и др. [16–23]. Этот метод, разработанный в синхронном языкознании, успешно применяется в исторической лексикологии. Однако исследователь истории языка чаще всего ограничен количеством и качеством сохранившихся памятников письменности.

---

¹ Это так называемое лейбницевское понимание пространства.

сти (это относится и к сибирским источникам) и не может проверить свои наблюдения и выводы, опираясь на речевую практику носителей языка.

Как отмечено выше, целостность структуры любого семантического поля возможна лишь при условии существования внутренних связей, свойственных той системе, в которую входит данное поле. Структура семантического поля пространства рассмотрена в работе как иерархия семантических парадигм (СП). СП – это совокупность смыслов, выраженных в различных лексических рядах. Лексические ряды репрезентированы в текстах сибирских летописей XVII в. ЛЕ разных грамматических классов и разной структуры (слова и устойчивые словосочетания). В ходе анализа учитывались их семантические признаки, общие с именем поля, и количество фиксаций в исследуемых текстах, поскольку это свидетельствует о степени семантического тяготения той или иной ЛЕ к ядру поля или о значительном семантическом расстоянии от него.

Семантическое поле пространства в тексте Есиповской летописи реконструировано как состоящее из ядра и трех периферийных семантических сфер: I «Московское царство, Сибирь»; II «Физическое пространство, простор»; III «Перемещение в пространстве». Каждая семантическая сфера структурирована СП, составляющими ближнюю и дальнюю периферии. В семантической сфере I «Московское царство, Сибирь» СП ближней периферии – ‘Царство-государство – Сибирь’; СП дальней периферии: ‘Царство-государство – его территории’, ‘Царство-государство – чужие территории’, ‘Царство-государство – власть’, ‘Царство-государство – вера’, ‘Царство-государство – человек, герой’, ‘Царство-государство – чужой человек’; в семантической сфере II «Физическое пространство, простор» СП ближней периферии – ‘Пространство – место, сторона’; СП дальней периферии: ‘Место, сторона – география территории’, ‘Место, сторона – поселение’, ‘Место, сторона – жить’ и др.; в семантической сфере III «Перемещение в пространстве» СП ближней периферии – ‘Пространство – путь’; СП дальней периферии: ‘Путь – идти, пойти (перемещение субъектов)’, ‘Путь – послать (перемещение объектов)’, ‘Путь – драка’ и др.

Таблица 1

**Количественные данные о ЛЕ, эксплицирующих семантическое поле пространства
в Есиповской летописи**

Семант. сферы поля пространства	Кол-во ЛЕ	В % к общему кол-ву ЛЕ	Кол-во употреблений	В % к общему кол-ву употреблений
I. Московское царство, Сибирь	302	46,2	1638	45,6
II. Физическое пространство, простор	176	27	1234	34,3
III. Перемещение в пространстве	175	26,8	721	20
Всего	653	100	3593	100

Выборка ЛЕ, эксплицирующих семантическое поле пространства в текстах Есиповской летописи, составила 653 ЛЕ и соответственно 3593 употребления ЛЕ (табл. 1). Анализ лексической репрезентации понимания простран-

ства (места; объектов, занимающих определённое место или имеющих протяжённость; перемещения субъектов и объектов в пространстве) в данных текстах показал, что количественно наиболее представленной в них является семантическая сфера «Московское царство, Сибирь»: 302 ЛЕ (46,2%), или 1638 словоупотреблений (45,6%).

Таблица 2

**Сведения о некоторых ЛЕ, являющихся ключевыми словами
в анализируемых текстах Есиповской летописи**

ЛЕ	Семантическая сфера	Кол-во употреблений
Сибирь	I	47
Иртыш	I	40
Москва	I	28
(город) Сибирь	I	27
Обь	I	27
Сибирское царство	I	22
Сибирская земля	I	19
Русский	I	12
Царство	I	11
Русь	I	10
Река	II	223
Град	II	106
Острог	II	58
Город	II	41
Жить	II	39
Сторона	II	34
Стоять	II	32
Место	II	29
Вверх	II	28
Впасть	II	25
Поставить	II	22
Река ('путь')	III	35
Дойти	III	35
Послать	III	34
Идти	III	26
Пришествие	III	23
Побить	III	20
Взять	III	17
Взятие	III	15
Победить	III	12

Выявление пространственных ЛЕ, наиболее часто встречающихся в исследуемых летописных текстах (ключевых слов¹), позволяет увидеть, что се-

¹ Ключевые слова характеризует частота употребления, степень повторяемости в тексте; способность конденсировать информацию, выраженную целым текстом; соотношение двух содержательных

мантическая сфера I «Московское царство, Сибирь» по преимуществу структурирована семантикой имен собственных и нарицательных, семантическая сфера II «Физическое пространство, простор» – значениями нарицательных имен и глаголов, а семантическая сфера III «Перемещение в пространстве» – семантикой глаголов и отглагольных имен существительных (табл. 2).

Семантической доминантой анализируемых летописных текстов является понимание пространства как державы, централизованного государства, поскольку ядро семантического поля пространства выражено семантической парадигмой ‘Пространство – царство-государство’. Ее экспликация – значения нарицательных имен существительных *царство* (11)¹, *государство* (8), *страна* ‘государство’ (7), *державка* (5), *отчество* (1) и др., а также имен собственных *Русь* (10), *Русия* (6); *Россия* (4), *Москва* (28) и др.

Словом *царство* (12) в летописи называется ‘страна, находящаяся под одним государем; государство, земля, общество и весь народ’ [25. Т. 4. С. 571; 26. Т. 2. С. 362]: *Егда государь услыша божью помощь и силу, яко снабдит господь царство и пространство дарует...* 1649 г. [2. Т. 36. С. 58]; *...держа скипетр Московского царства его благочестивый царь Федор Иванович...* Конец XVII в. [2. Т. 36. С. 74]; *Егда ж побежден бысть царь Кучум и беже из града и с царства своего в поле...* 1649 г. [2. Т. 36. С. 68]; *И живяше в нем царь лета многа и умре. О оттоле [пресечется] царство на реце [Ишиме].* 1649 г. [2. Т. 36. С. 47]; *...бог восхоте царство его разрушити и предати православным христианом.* 1649 г. [2. Т. 36. С. 48]; *Сих же царств, Российскаго и Сибирские земли, облежит Камень превысочайший зело...* 1649 г. [2. Т. 36. С. 43 – 44]; *...яко немногими // вои таково царство взяша божиею помощию.* 1649 г. [2. Т. 36. С. 56].

Лексема *государство* (8) также обозначает страну, землю, государство [27. Вып. 4. С. 108]: *Тут же ропрошаху тутошних живущих людей, х которому государству та земля подошла.* 1649 г. [2. Т. 36. С. 73]; *А сам нача подводити под царскую руку всю Сибирскую землю и иные многие государства.* 1649 г. [2. Т. 36. С. 73]; *Сия убо Сибирская страна от полунощья на север отстоит от государства Российского от царствующаго града Москвы д[о] перваго сибирского града Верхотурья две тысячи верст.* XVII в. [2. Т. 36. С. 75].

Словом *страна* (7) названа в исследуемых текстах ‘местность, край, область, государство // район; часть территории’ [27. Вып. 28. С. 127]: *Гради же // всеа Римския страны разньство имян имеют, оице же Италия нарицается.* 1649 г. [2. Т. 36. С. 47]; *Оттоле ж и вся страна сия прозвася Сибирь.* 1649 г. [2. Т. 36. С. 47].

Лексема *державка* (3), обозначая ‘страну, государство, державу’ [27. Вып. 4. С. 222], также является членом синонимического ряда *царство – государство – страна* ‘государство’ – *державка*: *...[Царь Кучум] вскоре посылает во всю свою державу, дабы ехали к нему воинстии людие во град Сибирь...* 1649 г. [2. Т. 36. С. 52]; *...благочестивый царь и великий князь Иван*

уровней текста: фактологического и концептуального – и «получение в результате этого соотнесения смысла данного текста» [24. С. 186].

¹ В скобках указано количество употреблений ЛЕ.

Васильевич всеа Руси посла в свою державу в Сибирь воевод своих, князя Семена Болховского да Ивана Глухова, со многими воинскими людьми. 1649 г. [2. Т. 36. С. 60].

Кроме того, в этот же синонимический ряд входят лексические единицы *отчество* (1) и *отчина* (1), называющие 'страну, отчество, землю отцов' [28. Т. 2. С. 830, 833; 26. Т. 1. С. 611]: ...идет на него с воинством многим князь // Сейдяк <...> из Бухарские земли, иже от убиения [его] крылся тамо, и, вспомяну отчество свое, и наследити восхоте... 1649 г. [2. Т. 36. С. 59]; Приемлет же сей отчину отца своего Бекбулата и тако пребываши во граде. 1649 г. [2. Т. 36. С. 64].

Семантическую парадигму 'Пространство – царство-государство' формируют значения онимов *Русь* (10), *Русия* (6); *Россия* (4), *Российское царство* (1), *Московское царство* (1), являющихся уникальными, единичными именами пространства, понимаемого в летописных текстах как государство.

Имена *Русь* (10) и *Русия* (6) чаще всего употреблены в исследуемых текстах в составе формул «государь царь и великий князь... всеа Руси»; «патриарх московский и всеа Руси» и под.: ...что изволением всемилостиваго [в троицы] славимаго бога и пречистыя его богоматери и великих всеа Руси чудотворцов молитва[ми], его же, государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, праведною молитвою ко всецедрому богу и счастьем царство Сибирское взяша... 1649 г. [2. Т. 36. С. 57]; В лето 7129-го (...) благословением краснейшаго святителя Филарета Никитича, патриарха московскаго и всеа Руси, поставлен бысть в Сибири, в Тоболск, первый // архиепископ Киприян... 1649 г. [2. Т. 36. С. 69–70]; Благочестивый же государь царь и великий князь Иван Васильевич, всеа Руси самодержец, слыша и повеле отписку у них принятия... 1649 г. [2. Т. 36. С. 58].

Онимы *Россия* (4) и *Российское царство* (1) зафиксированы как в составе таких же формул, так и в свободной сочетаемости: В лето от сотворения 7088, в державе благочестиваго государя и великого князя Иоанна Васильевича, всеа России самодержца, како покори бог под руку царскую царство Сибирское. Первая половина XVII в. [2. Т. 36. С. 78]; Сия убо Сибирская страна полунощ[ная] отстоит же от России царствующаго града Москвы многое разстояние, яко до двоя тысяч поприщ суть. 1649 г. [2. Т. 36. С. 43]; Сих же царств, Росийскаго и Сибирские земли, облежит Камень превысочайш[ий] зело... 1649 г. [2. Т. 36. С. 43–44].

Ойконим *Москва* (28) в анализируемых летописных текстах называет столичный город Российского государства: Того же лета царевича Маметкула Кучюмова сына послаша из Сибири в царствующий град Москву со многими воинскими людьми. 1649 г. [2. Т. 36. С. 60]; В лето 7095-го, при державе благочестиваго государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси и по его царскому изволению, послан с Москвы ево, государев, воевода Данило Чюлков со многими воинскими людьми. 1649 г. [2. Т. 36. С. 65].

Однако, кроме соотношения значения имени *Москва* с денотатом «город», «столичный город», данное значение, вследствие метонимического переноса, отождествляет этот оним с таким пространственным объектом, как «страна», «государство». Сравнение контекстов, рассмотренных попарно, подтверждает сделанное наблюдение: *Москва* – это *Русь*, *Россия*: Атаманы же и казаки

к *Москве* приехала... 1649 г. [2. Т. 36. С. 57] – ...поплыша вниз по Иртишу и по великой Оби, и через Камень бежаи[a] к *Руси*. 1649 г. [2. Т. 36. С. 63–64]; О пришествии воевод и воинских // людей с *Москвы* в Сибирь. 1649 г. [2. Т. 36. С. 59] – В лето 7093-го приидоша с *Руси* воеводы Василий Сукин да Иван Мясной, с ними же многия руския люди. 1649 г. [2. Т. 36. С. 65].

Таким образом, помен *progrium Москва* в значительной части контекстов, в которых оно зафиксировано, выражает такое же значение, как и имена *Русь, Русия, Россия, Российское царство* (см. приведенные выше примеры), т. е. является их синонимом, равно как и оним *Московское царство* (2): ...*держа скипетр Московского царства его благочестивый царь Федор Иванович*. Конец XVII – начало XVIII в. [2. Т. 36. С. 74]; *Отсюда же начахом глаголати, како покори бог под руку царству Московскому*. Конец XVII в. [2. Т. 36. С. 77].

В ядерной СП лексические значения имен прилагательных *российский* (1) и *русский* (12) выражают признак, относящийся к пространству, называемому описанными выше именами существительными, нарицательными и собственными. *Российский, русский* – прил. к *Россия* и к *Русь*: *Начася царство бесерменское в Сибири, и чесо ради Сибирь наречеся, и како божиим изволением взята бысть от православных христиан, [сиречь] // от рускаго воинства, в наследие росийского скипетродержательств [а]...* 1649 г. [2. Т. 36. С. 42]; ...*яко меч обоюду остр идый пред лицом рускаго полка, пожиная и поядая и страша*. 1649 г. [2. Т. 36. С. 60].

Слово *русский* в исследуемых текстах употреблено, кроме того, в качестве обозначения национальной принадлежности человека (прил. к *русский*, м.). Учитывая смысл анализируемых текстов Сибирских летописей и реальных исторических событий, в них отраженных, следует определять семантику этого прилагательного как ‘живущий в России’, ‘пришедший (в Сибирь) из России, из Московского царства’: ...[а] *на русских людей зла никакова не мыслити*. 1649 г. [2. Т. 36. С. 57]; ...*приидоша с Руси воеводы Василий Сукин да Иван Мясной, с ними же многия руския люди*. 1649 г. [2. Т. 36. С. 65]; *Царевича же Маметкула уязвиша от русских вои, тогда бо и пойман был, но свои его увезоша на он пол реки Иртиша*. 1649 г. [2. Т. 36. С. 54]; *Слышав же царь Кучюм пришествие русских вои и мужество их и храбрость*. 1649 г. [2. Т. 36. С. 52].

Итак, ядерная СП ‘Пространство – царство-государство’ структурирована значениями синонимичных лексем, обозначающих страну, государство (*царство, государство, страна, держава, отчество, отчина*). Типичная сочетаемость этих ЛЕ реализована в детерминативных атрибутивных синтагмах со словами *московский, российский, свой, его* и в детерминативных именных синтагмах с именами собственными, например: *Сибирь, Сибирская земля, Италия* и др. В контекстах называется (часто даже именуется) властитель: *царь, государь, князь*. Синонимы употреблены контактно.

Можно сказать, что имена собственные также образуют в исследуемых летописных текстах синонимический ряд и их проприальные значения отождествляют онимы *Русь, Русия, Россия, Российское царство, Московское царство, Москва* с теми же денотатами, которые обозначены проанализированными нарицательными именами.

Исследователи Есиповской летописи, историки и лингвисты, отмечают, что в этом произведении, цельном идеологически и исторически, сибирские события рассматривались как общегосударственные, свидетельствующие о царственности Москвы [9. С. 9; 29. С. 100–101; 30. С. 10–11]. «Присвоение субъектом пространства» [31. С. 141], как обычно трактуется антропоцентричность в применении к теме концептуализации языком пространства, в исследуемом летописном тексте имеет «государственное» преломление. Семантическое поле пространства, имеющее ядерную СП 'Пространство – царство-государство', моделирует пространственную картину мира, полностью выражающую эту господствующую идею. Выраженное ядерной СП представление о пространстве как едином централизованном государстве далее конкретизируется в семантике ЛЕ, формирующих СП ближней и дальней периферии трех названных выше семантических сфер семантического поля пространства в текстах Есиповской летописи.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144–230.
2. Есиповская летопись основной редакции // Полн. собр. русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи / отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 42–72.
3. Панин Л.Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: Изд-во НИИ МОО НГУ, 1995. 217 с.
4. Блинова О.И. Двусловные номинации в аспекте образности и лингвокультуры // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 132–136.
5. Голев Н.Д. Речевые описательные наименования: (Место в системе номинативных единиц. Некоторые особенности структуры и функционирования) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8. С. 92–105.
6. Климовская Г.И. О синлексическом слое словарного состава русской народно-разговорной речи XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 18–26.
7. Торопцев И.С. Очерк русской ономастологии: (Возникновение знаменательных лексических единиц): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Л., 1970. 37 с.
8. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «История Сибирская»: (Повествовательное пространство и повествовательная достоверность) // Тέχνη ὑρασιματικῆ. Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та; Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2004. Вып. 1. С. 67–84.
9. Дергачева-Скоп Е.И. Сибирское летописание в общерусском литературном контексте конца XVII – середины XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2000. 49 с.
10. Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 127–134.
11. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84–93.
12. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
13. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.
14. Косериу Э. Лексические солидарности // Вопросы учебной лексикографии. М., 1969. С. 93–104.
15. Гальперин И.Р., Колианский Г.В., Слюсарева Н.А. О методах структурной лингвистики в исследовании словарного состава языка // Филологические науки. 1962. № 2. С. 45–47.

16. *Березович Е.Л.* К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 3–24.
17. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976. 255 с.
18. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 354 с.
19. *Нефедова Е.А.* Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М.: МАКС Пресс, 2008. 464 с.
20. *Падучева Е.В.* К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 23–33.
21. *Уфимцева А.А.* Теория «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. 254 с.
22. *Шенделева Е.А.* Ассоциативно-образное семантическое поле как единица анализа обр-разного строя языка // Актуальные проблемы русистики: сб. статей / под ред. Т.А. Демешкиной. Томск, 2000. С. 116–128.
23. *Шур Г.С.* О новом и старом в теориях поля в лингвистике // Романо-германские языки: Учен. зап. Ярослав. пед. ин-та. 1970. Вып. 73. С. 3–27.
24. *Николина Н.А.* Филологический анализ текста: учеб. пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2003. 256 с.
25. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1989–1991.
26. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1994.
27. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М.: Наука, 1975–2008. Вып. 1–28.
28. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского и церковно-славянского языка: в 3 т. СПб.: Изд. ОРЯС ИАН, 1893–1912.
29. *Ромодановская Е.К.* Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск: Наука, 2002. 391 с.
30. *Зувев А.С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России: учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2007. 120 с.
31. *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. 207 с.

УДК 801

DOI 10.17223/19986645/17/3

А.В. Карабыков**СМЫСЛ И СУДЬБА РИТОРИКИ В ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Цель предлагаемой статьи – дать общую характеристику отношению к ораторскому искусству, которое сложилось в элитарной культуре Средних веков. Автор показывает, что данное отношение было далеко не однозначным, и вскрывает причины этой сложности. Он утверждает, что помимо радикального отвержения риторики (более декларируемого в теории, чем осуществляемого на практике) исследуемая культура имела опыт её христианской адаптации, суть которой, равно как и мотивы отказа от красноречия, описывается в работе.

Ключевые слова: риторика, христианство, патристика, Средние века.

В научных кругах до сих пор ещё бытует мнение, что христианство, в результате своей победы «монополизировав» истину и интеллектуальное знание, едва не погубило ораторское искусство – это «детище демократии» и идейного плюрализма (см.: [1. С. 57–60]). Однако этот распространённый тезис не соответствует действительности. Классическая риторика деградировала ещё в языческом Риме, о чём с прискорбием свидетельствовали современники¹. И потому, когда мы замечаем, с какой решимостью многие раннехристианские интеллектуалы её отвергали, надо иметь в виду, что зачастую они отрицали не столько это искусство как таковое, сколько ту вырожденческую форму, которую оно приобрело в их время. Вместе с тем нужно признать, что, судившие изнутри конкретного исторического момента, эти люди далеко не всегда могли различить современное им состояние красноречия и его, скажем так, не скованную временем сущность. Данное обстоятельство, безусловно, усложняло проблему, которая интересует нас в этой статье главным образом, – проблему средневекового отношения к риторическому искусству, взятому в его существе.

1. Каковым было общее восприятие риторики в исследуемой культуре? Ответ на этот вопрос может быть найден только в более широком контексте средневекового понимания природы и назначения искусства вообще. Начнём с того, что, рассматриваемое как таковое, искусство считалось благом. Способность к нему была заложена в человеческую природу Творцом. А поскольку Бог ничего не творит напрасно, эта потенция должна была реализовываться. В соответствии со Своим промыслом, Он создаёт условия для её успешного осуществления. Так, если говорить об ораторском искусстве, оно

---

¹ «Искусства погубила праздность», – утверждал Плиний Старший (I в.) (Nat. hist. XXXV, II, 5–6) [2. С. 79]. Тацит (I–II вв.), посвятивший этой проблеме отдельное сочинение, полагал, что красноречие выродилось в бессильную декламацию, во-первых, вследствие изменения политического строя. Во-вторых, в утрате старого мастерства были повинны «нерадивость молодежи, беспечность родителей и невежество обучающихся», сведшие ораторское искусство к «крайне скудному кругу мыслей и несколькими избитым суждениям» (Dial. de orat.) [3. С. 395]; см. также у Петрония: Satyr. I–IV [4. С. 25–27].

есть не что иное, как плод развития речевой способности, естественно присущей человеку. Однако характер этого развития, определяющий конечное качество «плода», во многом зависит от самих людей, наделённых свободой воли и ответственностью за свой «жизненный проект». Иными словами, возможность зла скрывается не в вещах и способностях, а в человеческой воле, определяющей образ их использования. «Никакая вещь сама по себе не должна считаться злом, но она делается такою от злоупотребления пользующихся ею», – учит Мефодий Патарский (III в.), одним из первых сформулировавший этот топос христианской онтологии [5. С. 40]. Согласно мысли Августина, злоупотребление предметами (в нашем случае к ним можно отнести и искусства), как правило, подчинено одной тенденции: мы наслаждаемся ими вместо того, чтобы пользоваться; именно похоть (в широком смысле) портит правильное обращение с вещами (De doctr. 3, XIX) [6. С. 139].

Противопоставив два названных типа отношения к предметам, «учитель Запада» различил в соответствии с ними сами объекты. С его точки зрения, наслаждению подлежит только Бог. Всё остальное, что имеется в мире, должно использоваться таким образом, чтобы вести нас к единственно самоценному Объекту, существующему ради Себя Самого (De doctr. 3, XVI) [6. С. 136]. В этом смысле все вещи суть знаки, так или иначе отсылающие нас к Божеству. Данное представление служило теоретическим остовом символической картины мира, отличавшей Средневековье.

Учение Августина (IV–V вв.), соединившее в одно целое онтологию, гносеологию и этику, во многом предопределило ключевые принципы средневековой эстетики. Широко известно, что эта эпоха культивировала функциональный подход к искусству, подчиняя его решению религиозных задач. Но какими были эти задачи? Исходя из этимологии слова *religio*, возводящей его к глаголу *religare* («связывать»), смысл религии видели в связи, приобщении человека к Богу. И потому искомые задачи различались в зависимости от направления указанной связи. В отношении человека общее назначение искусства состояло в том, чтобы обращать и приближать его к Господу; в отношении Бога – в том, чтобы Его славить.

Как видим, первая из этих целей выражала утилитарно-назидательный аспект средневекового искусства. Он, безусловно, имел чрезвычайно существенное значение, поскольку само христианство было, прежде всего, *учением*. И как таковое оно должно быть сначала *преподано*, чтобы затем реализовываться в жизни. Не случайно Исидор Севильский (VI–VII вв.) говорит о христианах как о живущих «подобием будущего отечества, при помощи знания, которому можно научиться» (Etym. II, 24) [7. С. 90]. Сам Творец предустановил для людей этот образ существования, создав мир таким, чтобы он служил «училищем и местом образования душ человеческих» (Нехаѣт.1) [8. С. 61].

Однако при всей значимости рассмотренного аспекта было бы несправедливым полностью сводить к нему смысл средневекового искусства, имевшего и другое – не утилитарное – назначение: воспевать и славословить Бога. Будь это иначе, вместо великой культуры той эпохи мы знали бы лишь набор более или менее талантливых педагогических пособий. Ведь подлинное искусство не может не иметь в себе момента самодостаточности. В исследуемой культуре оно обретало этот момент в направлении Бога и божест-

венного. Как учил Августин, наслаждаться нужно только Всевышним. Но из всех остальных вещей выделяются те, что принадлежат как символы са-кральной сфере и относятся к Богу наиболее непосредственным образом. Они создаются человеком с намерением прославить Господа, если можно так вы-разиться, в процессе наслаждения Им. И потому на них метонимически рас-пространяется свойство божественного – способность вызывать своей само-достаточностью и бытийным избытком истинное блаженство у смертных. Но если Бог и Его царствие обладают этим свойством сущностно, то эти предме-ты – благодаря своей сугубой причастности к Нему. Средневековая эстетика настаивала на том, что доставляемое ими эстетическое удовольствие – это не что иное как символ высшего духовного блаженства, ожидающего избранных в царстве небесном [9. С. 131]. Вся сфера положительной духовности была пронизана этим чувством. Будучи знаком Божьего присутствия, оно служило критерием подлинно религиозного. Как заметил о Христе евангелист, «мно-жество народа слушало Его с услаждением» (Мк 12:37). И Иннокентий III говорит о знаменующей священные события мессе, что она «полна божест-венной тайны и изобилует исключительной небесной сладостью» (PL 217 col. 775 d) (цит. по: [10. С. 160]).

2. Если мы возьмем искусства, действующие посредством голоса и слуха, и рассмотрим их сквозь призму обсуждаемых воззрений, то увидим оппози-цию: с одной стороны, *риторика*, наиболее соответствующая задаче назида-ния человека, с другой – *пение*, предназначенное для прославления Всевыш-него. У них разные цели и разный источник: красноречие – это человеческое изобретение, как, собственно, сам язык и изучающая его грамматика. Пение же – это в первую очередь ангельское искусство. Согласно средневековым представлениям, именно ангелы, смысл существования которых состоит *par excellence* в вечном воспевании Бога, научили ему людей. В этом же, как у-тверждали христианские платоники, изначально заключалось назначение че-ловека, которое будет вновь восстановлено в вечности по окончании времён. Что ещё представляет собой царство Божие для людей, как не «созерцание Бога, Его славословие и песнопение совокупно с ангелами»? – восклицает Григорий Назианзин [11. С. 380]. Ведь и тогда, когда Господь создал для лю-дей Эдем, «Он желал, чтобы мы были свободными от забот, [и] имеющими одно дело, дело ангелов: неусыпно и непрестанно воспевать хвалу Творцу и наслаждаться Его созерцанием» (De fide orth. II, XI) [12. С. 148]; [5. С. 49].

Важно отметить, что вопреки теоретическим утверждениям эрудитов о нематериальности ангельской коммуникации, визионеры передавали, что на небе в числе иных, несказанных, славословий, небесные умы воспевают псалмы и гимны, общие с земной Церковью. Так, в известном «Видении Фурсея» говорится, что, удостоенный слышать «блаженное пение» ангель-ских сонмов, этот герой позже вспомнил, что «среди прочего они пели «Свя-тые приходят от силы в силу» и «Бог является на Сионе» (Hist. 3, XIX) [13. С. 92]. Судя по всему, описываемое представление возникло под влиянием средневековых молитвенных практик. По наблюдению Ж. Дюби, вплоть до XIV столетия «молиться» означало «петь»: «в романский период немой мо-литвы не существовало» [14. С. 54–55].

Итак, если пение, прежде всего, принадлежит небесному, потустороннему царствию, то риторика, как и вообще человеческое слово, есть «орудие этого мира» (Исаак Сирин). Завершая сопоставление данных искусств, зададимся вопросом: существовали ли точки соприкосновения между ними? Очевидно, что да, они действительно были. С одной стороны, церковные песнопения имели во многом назидательное содержание. А если смотреть шире, то мы придём к выводу, что религиозное искусство в целом имело огромный воспитательный потенциал. Ведь, говоря словами Мефодия Патарского, «что прекрасно, то и полезно» [5. С. 206]. Но и христианская риторика – в той мере, в какой она имела дело с сакральным, – перенимала присущий религиозному искусству элемент самодостаточности, что неизбежно влияло на его природу. Из инструмента убеждения красноречие отчасти превращалась в цель, тем самым сближаясь с пением и поэзией. Вероятно, предельно заметной эта тенденция была в церковном и придворном красноречии Византии, где официальная идеология как бы останавливала историю, превращая земную церковь и государство в символ небесного царствия. Василий Великий, обмолвившийся однажды, что среди христиан «нет ваятелей слова, и везде предпочитается не благозвучие речений, но ясность именований» (Нехаѣт. 6) [8. С. 170], всё-таки сильно преувеличивал. Даже если оставить в стороне знаменитый стиль «плетения словес», развитый чуть позже Дионисием Ареопагитом (V–VI вв.) и существовавший до конца Средних веков, достаточно вспомнить друга Василия, Григория Богослова, о слоге которого другой византийский интеллектуал скажет в XI столетии: «...цвет Григориевой речи вобрал в себя тысячи цветов (т. е. стилей иных ораторов. – А.К.), но отличен от них и гораздо прекраснее их» (цит. по: [15. С. 154]).

3. И теперь нам предстоит выяснить, почему в средневековой культуре было двойственным отношение к риторике по контрасту со всецело благостным пением. В самом общем виде мы только что обрисовали позитивную сторону этого отношения. Риторика была нужна в качестве средства убеждения словом, без которого не могло обходиться духовно-нравственное воспитание. С первых веков христианства учителя Церкви придавали первостепенное значение проповеди. О важности тщательной подготовки к ней писал папа Григорий Великий (VII в.) [16. С. 197]. Августин, до своего религиозного обращения зарабатывавший на жизнь ораторским искусством, связывал пользу церковного красноречия с нуждами апологетики. Если языческие интеллектуалы умело пользуются риторикой в своей борьбе с христианством, то почему мы, христиане, не можем воевать с ними тем же оружием? – обращался Аврелий к церковной аудитории¹.

Приступая к анализу причин негативной оценки ораторского искусства, начнём с того, на что мы уже обратили внимание читателя. В эпоху раннего Средневековья это искусство несло на себе печать упадка, постигшего всю позднеантичную языческую культуру [17. С. 209–237]. Низведённое до смеси аффективных «спецэффектов» и софистической изворотливости, оно не мог-

---

¹ «Вообще говоря, правила риторики нужны и полезны; ибо, если риторика есть искусство убеждать других и в истинном, и в ложном, то кто отважится утверждать, будто истина в руках защитников своих должна оставаться безоружною против лжи?» (De doctr. 4, III) [6. С. 169].

ло служить действенным средством убеждения. Образованные христиане, вместе с Августином, ратовавшие за «воцерковление» риторики, по преимуществу ориентировались на её классический, идеализированный образ, олицетворяемый Катонem Старшим, в меньшей мере Цицероном и некоторыми другими деятелями римского прошлого. Едва ли не общим местом в их рассуждениях было противопоставление старинного, исконно-римского и современного им красноречия. Так, по словам Исидора Севильского, «у латинян [красноречивым] называется тот, кто следует истинным и естественным именам вещей и не бывает в несогласии с речью или образом жизни, как в наши времена» (Etym. II, 16) [7. С. 79]. Автор «Этимологий» утверждает, что в старом добром Риме истинный оратор был обязан не просто произносить убедительные речи, но и жить в соответствии с ними: его слова и дела, как правило, совпадали [Там же]; [5. С. 201].

Однако многие из Отцов Церкви были настроены против риторики гораздо более решительно. Они отрицали сам этот классический идеал, воплощавший дух языческой Античности. «Пестрое египетское одеяло на постели блудницы» – вот образ из притч Соломоновых, который, по их мнению, лучше всего выражает суть красноречия (см.: [16. С. 29]). Особо непримиримо зачастую были настроены те, кто, подобно Блаженному Иерониму, когда-то сам вышел из стен элитарной школы, чтобы позднее из всех сил пытаться изжить в себе язычника. «Еще часто и теперь, с лысою и седою головою, я вижу себя во сне с тщательно причёскою и с подобранной тогой декламирующим перед ритором контроверзу. И, просыпаясь, поздравляю себя с тем, что свободен от опасности многоглаголанья», – свидетельствовал на склоне лет Иероним (PL 12 col. 422) (цит. по: [18. С. 17]). В другом письме он сообщает, как пережил во сне видение Страшного суда. Суд был действительно страшным: как передает автор, Всевышний сурово обличил его давние пристрастия: «Лжешь! Ты цицеронианин, а не христианин. Ибо где сокровище твоё, там и сердце твоё (Мф 6 : 21)» (цит. по: [18. С. 165]).

Очевидно при этом, что одного лишь указания на языческие корни риторики для её дискредитации в глазах христиан было недостаточно. Ведь эти корни роднили её с иными искусствами: медициной, зодчеством, юриспруденцией – чья полезность ни у кого не вызывала сомнений. В таком случае какими дополнительными аргументами располагали стремившиеся ниспровергнуть риторику с пьедестала, возведённого для неё античной культурой? Центральный из этих доводов, на наш взгляд, не был оригинален. Христианские мыслители заимствовали его *par excellence* у философов сократовской школы, которые развивали его в идейной борьбе с софистами. Суть этого аргумента заключалась в том, что тот, кто познал истину, не нуждается в словесном изяществе: она сама будет «гласить» в нём о себе. «Кто украшен красотою истины, тому какая надобность в изысканности прикрас к довершению красоты поддельной и ухищрённой? – вопрошает своих оппонентов Григорий Нисский. – В ком нет истины, тем, может быть, полезно подцвечивать ложь приятностью речений...» (Refut. Eun. 1, 4) [19. С. 11].

Однако естественно, что свои права на обладание истиной предъявляли последователи самых разных учений. Утверждая обсуждаемый тезис, христианские интеллектуалы апеллировали к «свидетельству дел» – свойствен-

ному христианам опыту переживания Истины, который проявлялся в возвышенном образе их жизни. Именно это свидетельство покорило в конечном счете языческий мир. «Всякое слово можно оспаривать словом; но жизнь чем оспоришь?» – замечает в этой связи Григорий Богослов [11. С. 273]. О том же говорит Григорий Палама: «Всякое слово борется со словом. Только свидетельство добрых дел непоколебимо» [20. С. 421]. Как это явствует из самого определения риторики, она нужна там, где есть потребность в убеждении. Но эта потребность возникает при условии недостатка доверия, естественно связующего между собой людей, и их интеллектуальной дезориентированности. Таким образом, ключевая мысль церковных противников ораторского искусства состояла в том, что обществу следует направлять усилия не на то, чтобы изощрять технику убеждения, а на то, чтобы своей жизнью создавать атмосферу духовной ясности и доверия, в которой бы эта техника оставалась не востребованной.

Тем временем общество пребывало в условиях духовной борьбы и идейной конкуренции, делавших острой нужду в словесном убеждении. Так что даже отрицая ценность риторики, идеологи христианства волей-неволей должны были пользоваться ею. Само это отрицание нередко употреблялось ими в качестве искусного полемического приёма. Публично отрекаясь от красноречия, учителя Церкви – в большинстве своём наследники античной образованности – обычно блестяще владели арсеналом её средств. Тот же Григорий Нисский в молодые годы настолько увлекался ораторским искусством, что получил выговор от своего старшего друга, Григория Богослова [11. С. 514–516]. Но и сам Назианзин, как верно заметил его позднейший поклонник Пселл, «на словах разделяя философию (т.е. богословие. – А.К.) и риторику, не проводил такого же разделения их на деле, но философию почтил словесным сладкозвучием и велегласием, а свой риторский язык управил уздой ума» [21. С. 166]. Несмотря на свой декаданс, позднеантичная риторика по-прежнему задавала «планку» приемлемого качества речи, ниже которой было нельзя опускаться, но можно было подниматься выше, устремляясь к классическим образцам. На наш взгляд, данное обстоятельство во многом обусловило тот факт, что риторичность стала универсальной стилистической чертой литературного дискурса патристики.

4. Ещё один аргумент, направленный против ораторского искусства, был тоже связан с апелляцией к истине, но не столько в плане интеллектуального «владения» ею, сколько в аспекте бытийной приобщённости к ней, личностной исполненности её энергии. По сути дела, этот довод развивает предыдущий, раскрывая глубину его христианского понимания. Но если тот по преимуществу противопоставляет знание – незнанию, то в этом знании как таковому противопоставляется благодать. Если знание приобретает путём длительного упражнения, то благодать даётся свыше в награду за веру.

Во все времена христианства, особенно в ранней Церкви, борющейся с миром языческой культуры, всегда находились люди, склонные противопоставлять названные предметы. Мы видим, как уже Павел говорит о себе: «И слово моё, и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор 2 : 4). Позднее Климент Александрийский распространил этот тезис на всех апостолов (Hist. eccl. III, 24, 3) [22.

С. 101]. Антоний Великий (IV в.), в отличие от Павла не имевший даже начального образования, идёт ещё дальше, относя сходное утверждение ко всем христианам: «У нас не искусство владеть словом, но вера, сильная действенно ко Христу любовью» (Vita Ant. 80) [23. С. 47].

Мы полагаем, не будет ошибкой рассматривать обсуждаемый довод как результат радикальной интерпретации специфически средневекового представления, в соответствии с которым слово и речь воспринимались как божественный дар. Жизненной основой для такой радикализации служил факт существования подлинно харизматических натур, чья личность и слово несли на себе осязаемую печать божественной благодати. Таким, без сомнения, был сам Павел. Такими после него были многие святые, например Ассизский «простачок», живший на рубеже XII–XIII столетий. Агиограф Франциска засвидетельствовал, что несколько раз в жизни он решался заранее обдумать и сочинить свою проповедь, но, пытаясь начать выступление, он забывал всё, что подготовил. «И тогда он со стыдом признавался людям, что он многое успел обдумать, а вот вспомнить уже ничего не может, и тогда красноречие внезапно возвращалось к нему» [I Vita Franc. XXVI, 72] [24. С. 78]. Фигуры этих святых были настолько знаковыми в Средневековье, что, несмотря на малочисленность, их совокупный образ придавал влияние данному аргументу, сохранявшему её на всём протяжении той эпохи. Завершая его анализ, отметим, что в нём постулировался отказ от ораторского искусства в пользу того, что можно условно определить как «христианский магизм». Основой названного представления служило убеждение, что, благодаря своей жизненной праведности, человек может удостоиться от Бога благодати, которая, усилив естественно присущую ему «словесность», наделит его речь необычайной силой воздействия. Причём эта сила вовсе не зависит от умений и навыков, сознательно приобретённых самим человеком. Часто даже напротив – так сказать, по «закону» чуда – она проявляется именно у тех, от кого окружающие меньше всего ожидали услышать что-либо впечатляющее.

Помимо представленных «антириторических» доводов, можно упомянуть несколько факторов, имплицитно присутствовавших в исследуемой культуре, которые обуславливали негативное отношение к красноречию. Один из них проистекал из различия между греко-римской ментальностью, с одной стороны, и всеми прочими образами мысли, которые впитало в себя христианское Средневековье – с другой. Главное место среди последних, безусловно, занимала ближневосточная, точнее, древнееврейская ментальность, «привившая» новой культуре антипатию к ключевому принципу античного мировидения – агональности (от греч. *αὐών* – «борьба, состязание»). Риторика же немислима вне интеллектуального спора и артистической конкуренции. Это остро осознавал апостол язычников, бывший до своего обращения пламенным иудеем-традиционалистом, знакомым с греко-римской культурой. По убеждению Павла, «страсть к состязаниям и словопрениям» есть не что иное как болезнь, «повреждение ума», от которых «происходят зависть, распри, злоречие, лукавые подозрения» (1 Тим 6 : 3–5). Если принять во внимание состояние римского общества в его время, то мы должны признать объективность мнения апостола. Желая показать, что неприятие интеллектуальной соревновательности действительно прижилось в интересующей нас культуре, приведем ещё

одно, позднейшее, свидетельство. Взглянем, как начинает своё «Оправдательное слово» Максим Грек (XV–XVI вв.), обвинённый в якобы неоправданном исправлении церковнославянских богослужебных текстов. Составив в данном произведении перечень ошибок предшествующих переводчиков, он в самом начале его объясняет, что предпринял это «не для того, чтобы выставить себя победителем, – *да не попустится мне когда-нибудь быть увлечённым таким неистовством!* (курсив мой. – А.К.) – но чтобы себя очистить от всякого несправедливого мнения некоторых небратолюбцев, которым Бог да простит...» [25. С. 131].

Суть другого фактора состоит в том, что Средневековые, будучи в своей элитарной сфере культурой Книги, в восприятии языка ориентировались на готовый текст, а не на грамматику. По мысли Б.А. Успенского, в эту эпоху было свойственно противопоставлять Богом данный Текст (Писание и творение, символизировавшие друг друга) – рукотворной грамматике, позволявшей создавать какие угодно, в том числе ложные, антихристианские тексты [26. С. 216–217]. Исконная сестра грамматики, риторика служит той же самой цели: если первая отвечает за возведение «каркаса» текста, то вторая – за его «отделку», способную приукрасить самую дерзкую ложь мнимым подобием истины.

5. В завершение разговора о судьбе ораторского искусства в христианском Средневековье ещё раз подчеркнём, что наряду с попытками его решительного отрицания, зачастую носившими декларативный характер, интересующая нас культура работала и над иной возможностью. Пусть сдержанно и осторожно, она стремилась усвоить наиболее здоровую «часть» риторики, не поврежденную тлением языческого мира, чтобы использовать её для собственных целей, о которых было сказано выше. Свидетельством этого стремления служит весь патристический период, в Византии совпавший со временем жизни данной цивилизации. Собственно говоря, Средневековье «забыло» ораторское искусство только на два столетия. То было время расцвета схоластики (XII–XIII вв.), когда всё внимание интеллектуалов сосредоточилось на решении онтолого-эпистемологических проблем. Затем интерес и вкус к риторике стал возвращаться, достигнув своей вершины в период Возрождения.

В чём проявлялась христианская адаптация красноречия, помимо частичного возвращения его к древнеримскому идеалу, который сам был в значительной мере христианизирован? Мы сказали «частичного», потому что многие из апологетов и учителей Церкви были склонны усматривать истоки этого искусства не в Афинах, а в Иерусалиме. По словам Беды Достопочтенного, «ни в какие века учителя красноречия не могут обнаружить... фигуры и тропы, которых уже не было бы в Священном Писании» (PL 90) (цит. по: [16. С. 33]). До Беда идею древнейшего ближневосточного происхождения риторики высказывали в числе прочих Августин (De doctr. 4, XLI) [6. С. 205] и, косвенно, Тертуллиан (De test. 5) [27. С. 88].

Итак, указанная адаптация, прежде всего, состояла в подчинении риторики императивам христианской речевой этики. Вето на праздноречие должно было защитить это искусство от вырождения в декламацию, запрет лжи – от вырождения в демагогию. Оратор должен был осуществлять истину не только на словах, но и самой своей жизнью. Ведь как учили ещё языческие теоре-

тики, чтобы быть убедительным, ему необходимо иметь безупречный этос. Христианство вернуло смысл этим прописным истинам, опустошенным на закате Античности. Более того, учителям и проповедникам следует словом и жизнью утверждать приоритет дела, свершения, поступка. «В действительной победе над слушателями всегда более имеет веса и силы жизнь проповедника, а не слово его», – замечал в этой связи Августин (*De doctr.* 4, LVIII) [6. С. 223].

Являясь частью добродетельной жизни, занятия искусствами рассматривались как разновидность духовного труда, аскезы – этого высшего из искусств, «ваяющего» самого человека: «быть сильным в слове – великое врачевство от страстей» [11. С. 337]. Успех этого труда был результатом синергии человеческих усилий и действия Бога при решающей роли Бога. «Только благодать умудряет», – констатировал Иоанн Солсберийский (XII в.), подчёркивая при этом ценность человеческого действия [28. С. 107]. И посему «не должно думать, что успех проповеди производится собственными нашими примышлениями, но всю надежду надо возлагать на Бога» [29. С. 472]. Представленное понимание ораторского искусства предполагало наличие у занятых им людей соответствующих нравственных качеств: в первую очередь смирения, веры, любви к Творцу и ближним. «Прежде молитвенник, чем проповедник» – именно таким, по мнению создателя христианской риторики, должен быть церковный оратор (*De doctr.* 4, XXXII) [6. С. 194]. И это, на наш взгляд, чрезвычайно важная мысль, которая ясно выражает смысл того, что мы назвали христианской адаптацией красноречия. В ней утверждается, во-первых, приоритет дела над словом: молитва есть первостепенное дело человека, более значимое, чем все остальные его занятия; во-вторых, запрет праздноречия, которое несовместимо с молитвой, и, в-третьих, установка на истинность, ибо ложь и молитва тоже исключают друг друга.

Таким образом, мы можем утверждать, что изложенная концепция риторики зиждется на «мягком» варианте интерпретации, применявшемся к представлению о речи как божественном даре. Если радикальное истолкование этого представления совершенно отрицало пользу ораторского искусства, то согласно умеренной версии последнее являет собой развитие дарованной человеку потенции к речи. С этой позиции, занятие риторикой оправданно в той мере, в какой оно приносит пользу ближним и в какой его успех приписывается не собственным усилиям оратора, но действию Святого Духа: даром является не только исходная способность, но и конечные плоды её осуществления. Рассмотренная концепция, с одной стороны, не возбраняла занятия риторикой, с другой – налагала на увлечение ею определённые рамки. Считалось, что овладение красноречием полезно постольку, поскольку «не препятствует нам к достижению высших целей, для которых всё это, собственно, и должно быть предназначено» (*De doctr.* 2, XL) [6. С. 107]. И потому «хорошо, если в меру поупражнявшись («словесными занятиями и науками». – *А.К.*), человек направляет старания на величайшие и непреходящие предметы», – писал в XIV столетии Григорий Палама (*Triad.* I, 1, 22) [20. С. 402]. Этот великий мистик и учитель исихазма как никто другой знал: путь к «величайшим и непреходящим предметам» оку-

тан тайной безмолвия и божественного мрака, и никакие слова человеческой мудрости уже не в силах раскрыть её.

Подводя итог настоящего исследования, мы можем утверждать, что пространённое мнение, согласно которому рождение средневековой культуры повлекло за собой упадок риторики, характеризуется неточностью и чрезмерным упрощением реальной ситуации. Это искусство продолжало играть в ней важную роль. Но теперь оно основывалось на иной, чем в Античности, мировоззренческой платформе. Незрелость же специальной риторической теории в ту эпоху свидетельствует не столько о кризисе красноречия, сколько о том, что оно оставалось, прежде всего, искусством, т.е. видом полезной практической деятельности, для успешного совершения которой было вполне достаточно греко-римского методического «багажа».

Литература

1. Тодоров Ц. Теории символа. М.: Дом интеллектуальной книги: Русское феноменологическое общество, 1998. 408 с.
2. Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М.: Ладомир, 1994. 941 с.
3. Тацит. Диалог об ораторах // Корнелий Тацит. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Анналы. Малые произведения. Л., 1970. С. 378–402.
4. Петроний Арбитр. Сатирикон // Петроний Арбитр. Сатирикон; Апулей. Метаморфозы. М., 1991. С. 23–152.
5. Св. Мефодий Патарский. Полное собрание его творений. СПб., 1905. 287 с.
6. Блаженный Августин. Христианская наука. СПб.: Библиополис, 2006. 508 с.
7. Исидор Севильский. Этимологии, или Начала: в 20 кн. Кн. 1–3: Семь свободных искусств. СПб.: Евразия, 2006. 352 с.
8. Св. Василий Великий. Беседы на Шестоднев. М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999. 259 с.
9. Бычков В.В. Литература как выразитель эстетического сознания Древней Руси // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 129–135.
10. Карсавин Л.П. Символизм мышления и идея миропорядка в Средние века (XII–XIII века) // Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. М., 1992. С. 158–175.
11. Григорий Богослов. Собрание творений: в 2 т. Минск: Харвест, Москва: АСТ, 2000. Т. 2. 688 с.
12. Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Москва: Братство святителя Алексия; Ростов н/Д: Приазовский край, 1992. 446 с.
13. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англос. СПб.: Алетейя, 2001. 363 с.
14. Дюби Ж. Европа в Средние века. Смоленск: Полиграмма, 1994. 317 с.
15. Миллер Т.А. Михаил Пселл и Дионисий Галикарнасский // Античность и Византия. М., 1975. С. 140–155.
16. Ненарокова М.Р. Досточтимый Беда – ритор, агиограф, проповедник. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 272 с.
17. Буркхардт Я. Век Константина Великого. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2003. 367 с.
18. Диесперов А. Блаженный Иероним и его век. Приложение: Блаженный Иероним. Избранные письма. М.: Канон+, 2002. 400 с.
19. Григорий Нисский. Догматические сочинения: в 2 т. Краснодар: Текст, 2006. Т. 2. 448 с.
20. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолвствующих // Добротолюбие. Москва; Харьков, 2001. С. 391–488.
21. Пселл М. Ипертима Пселла слово, составленное для вестарха Пофоса, попросившего написать о богословском стиле // Античность и Византия. М., 1975. С. 161–171.
22. Евсевий Памфил. Церковная история. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1993. 446 с.

23. *Афанасий Великий*. Избранные творения. М.: Храм святых бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана на Маросейке, 2006. 175 с.
24. *Цветочки* святого Франциска Ассизского. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006. 447 с.
25. *Максим Грек*. Слова и поучения. СПб.: Тропа Троянова, 2007. 374 с.
26. *Успенский Б.А.* Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 208–224.
27. *Тертуллиан*. Избранные сочинения. М.: Изд. группа «Прогресс»: Культура, 1994. 448 с.
28. *Библиотека в саду*: Писатели Античности, Средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве. М.: Книга, 1985. 255 с.
29. *Творения* иже во святых отца нашего Василия Великого архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. 3. М.: Паломник, 1993. 496 с.

УДК 81-115

DOI 10.17223/19986645/17/4

О.А. Солопова

**ОСТАТЬСЯ С УМИРАЮЩЕЙ ДЕРЖАВОЙ?..
(КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ МОДЕЛЬ БУДУЩЕГО РОССИИ)**

Преимуществом когнитивного подхода является возможность выяснить ментальные схемы или когнитивные модели, которые лежат в основе политического текста. Структура и содержание этих когнитивных моделей имеют большое значение для эффективного исследования особенностей мышления представителей государственных и негосударственных политических институтов в определенный исторический период, а также позволяют строить предсказывающие модели в политологии. Когнитивно-дискурсивная модель используется в качестве инструмента, позволяющего получить представление о возможных вариантах будущего развития общества. В настоящей статье представлена когнитивно-дискурсивная модель будущего России, сконструированная на базе публицистического произведения, содержащего политический поисковый прогноз.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивная модель будущего, образ будущего, политический дискурс, когнитивно-дискурсивный подход, метафора.

У каждого человека и у человечества в целом потенциально существует множество судеб. Человек и общество проецируют себя в будущее. Экзистенциально человек относится к будущему с надеждой и пониманием. Интеллектуально он строит его, экстраполируя в будущее тенденции настоящего, выявляя вызовы будущего и возможные ответы на них. Поэтому будущее всегда не единственно. У него разные варианты. В процессах восприятия, мышления и деятельности человек не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит его. В мире настоящего, где социум достиг в своей эволюции высочайшей сложности, проблема будущего заявляет о себе с предельной остротой: «картина будущего» размыта предчувствиями, предсказаниями, сценарными представлениями.

Современный уровень развития лингвистической научно-прикладной парадигмы предоставляет обширную теоретическую базу для разработки новых перспективных подходов в междисциплинарных исследованиях. Предлагаемое направление в исследовании политического дискурса предполагает системное объединение философии, методологии прогностики, политологии и политической лингвистики в исследовании моделей будущего на материале средств массовой информации. Когнитивно-дискурсивное прогнозирование исследует модели будущего, сконструированные на базе поисковых прогнозов авторов политических текстов, используя инструментарий прогностики и когнитивной лингвистики.

Сутью политического дискурса, который является одной из важнейших сфер бытия человека социального, является борьба за власть. Борьба социальных идей и идеологий – это всегда борьба за будущее. Прогнозирование – сложный многоэтапный процесс научного предвидения, который является обязательным компонентом в аналитической деятельности

журналиста. Для аналитической статьи политической проблематики важна логическая цепочка развития событий с возможным прогнозом на будущее. Адресат видит политический мир опосредованно – через призму СМИ, их язык и логику. Журналист интерпретирует факты, подталкивая аудиторию к тому, чтобы она сама сделала нужные ему выводы. СМИ «фильтруют» поступающую информацию таким образом, что предписанное ими восприятие существующей реальности определяет и видение будущего, формирует структуру содержания прогноза. Такая специфика аналитической журналистики, по своей сути представляющей поисковый прогноз, дает возможность изображать не столько реальный, сколько виртуальный мир. Расчет на то, что представление об образе возможной реальности рано или поздно сформирует и саму реальность, приводит к тому, что аналитическая журналистика активно моделирует образ мысли аудитории. СМИ могут быстро и эффективно «посеять публичное негодование и сконструировать то, что можно назвать моральной паникой вокруг определенного типа девиации» [1. С. 193]. Такое моделирование сродни манипуляции, поскольку журналист получает возможность вызвать определенную спровоцированную реакцию на свой материал, заранее управляя заданной им же самой ситуацией.

Конструирование образа будущего служит, прежде всего, тому, что «субъект хочет установить контроль над тем, что он воспринимает» [2. С. 55]. Контроль предполагает модель вещи, которая включает только те аспекты, которые релевантны целям субъекта и его действию. В качестве метамодели в данном направлении предлагается матрица – «методология прогнозирования и ретроспективных моделей» [3. С. 65], которая охватывает динамику различных параметров социально-политической системы (рис. 1). На основе набора общих характеристик будущего можно путем различных сочетаний выработать его вероятностные характеристики, которые не существуют, но могут существовать. Главная стратегическая роль и ценность такой метамодели – служить основой для создания частных моделей, привязанных к текущему состоянию общественно-политической системы, к особым условиям места и времени, к специфике картины мира той или иной лингвокультуры.

В фокусе внимания настоящей статьи – исследование закономерностей пессимистического представления образа будущего России сквозь призму модели статической матрицы на материале статьи *Russia Crumbles* (The National Review, 20.04.2007), в которой прогнозируется развитие нашей страны в первой четверти XXI в. Целью названной аналитической статьи является разбор конкретных ситуаций и процессов, которые могут, по мнению автора, служить отрицательным примером как для всего социума, так и для отдельных его сегментов. Статья включает разъяснение сути общественных событий в России, демонстрацию тенденций их развития, оценку их значимости, а также критику неэффективных путей развития, ложных установок и вредных ориентиров, выявление и изложение связей, направленных как в будущее явления, так и в его прошлое. Выбор журналистом жанра аналитической статьи задает макроструктуру создаваемого текста, т.е. набор содержательных блоков, из которых он должен состоять, и порядок их следования, что объясняет использование

следующих аналитико-синтетических операций: сравнения, оценки, детализации, разъяснения, обобщения и собственно предсказания.

Рис. 1. Когнитивно-дискурсивная метамодель будущего

Показательно, что несмотря на то, что материал исследования ограничен рамками одного публицистического произведения, большинство параметров, определенных нами в качестве базовых на основе анализа корпуса политических текстов СМИ Великобритании и США, являются востребованными для создания модели будущего.

Описание когнитивно-дискурсивной модели будущего, созданной в рамках анализируемой статьи, включает следующие аспекты:

- обработка образных и иных стилистических средств, нацеленных на создание модели грядущего, зафиксированных в политическом тексте;
- соотношение параметров «внутренняя» и «внешняя политика»: установление доминантных концептов, образных и иных стилистических средств, задействованных в конструировании подпараметров, параметров и модели грядущего в целом;
- дискурсивная характеристика модели: концептуальные векторы, ведущие эмотивные характеристики, их взаимосвязь с существующей политической ситуацией, конкретными политическими событиями, политическими взглядами, интенциями субъектов коммуникации и др.;
- характеристика прагматического потенциала когнитивно-дискурсивной модели – способности продуцировать образы «темного/светлого будущего».

Для более детальной интерпретации когнитивно-дискурсивной модели будущего, сконструированной на основе выбранного для анализа текстового документа, составим предмодельный сценарий, который предназначен для содержательного исследования и описания прогнозируемых процессов. Он содержит общие предварительные соображения о возможном состоянии объекта исследования в будущем с учетом данных прогнозного фона — в нашем случае отобранных базовых параметров.

Параметр «внутренняя политика»

Политико-экономическая ситуация. Возврат к политической нестабильности: демократическая трансформация не доведена до конца; политическая инфраструктура и политическая культура очень слабы; правление В. Путина прекращается досрочно вследствие его нездоровья; политическая элита и бюрократия на всех уровнях контролирует политические процессы; коррупция и организованная преступность остаются существенными факторами в будущем России:

• *In the face of these threatening disasters, Putin's centralized regime of siloviki initially maintained stability surprisingly well by a policy that included selective assassination... Moscow's paralysis was due in part to the slow-motion collapse of the Putin regime. Putin himself had resigned on grounds of ill-health and left Russia not long after the Nunavut oil and gas discovery.* (Перед лицом угрожающих катастроф путинский централизованный режим силовиков вначале на удивление неплохо поддерживал стабильность в стране с помощью политики, которая базировалась на избирательных политических убийствах... Паралич Москвы частично был результатом медленного краха путинского режима. Сам же Путин ушел в отставку по состоянию здоровья и уехал из России вскоре после открытия месторождения нефти и газа в Нунавуте.)

Экономическая стагнация или упадок: низкие цены на нефть и прекращение иностранных инвестиций ведут к усилению депрессии с политическими последствиями:

• *Neither private investors nor international agencies were willing to plug the gaps in the Kremlin's finances. Their number declined still further with the fall in the oil price as marginal fields closed down and exploration was curtailed... High oil prices were more a threat than a benefit to Russia in the long run. They stimulated government over-spending, corruption and buying voter popularity. They discouraged moves towards the transparent markets and genuine democracy needed for long-term economic growth. And they camouflaged Russia's worsening social problems... But the EU's stagnation was a mild problem compared to the economic disasters that now began to overwhelm Russia.* (Ни частные, ни международные инвесторы не желали латать дыры в кремлевских финансах... Их число (этнических русских) еще больше уменьшилось с падением цен на нефть, так как приграничные месторождения были закрыты, а работы по обнаружению месторождений сокращены... Высокие цены на нефть были скорее угрозой, чем благом для России в долгосрочной перспективе: они стимулировали чрезмерные траты правительства, коррупцию и покупку популярности избирателей. Они препятствовали движению к прозрачному рынку и подлинной демократии, необходимых для долгосрочного экономического роста, и маскировали обострение социальных проблем России... Но стагнация ЕС была не слишком острой проблемой в сравнении с экономическими бедствиями, обрушившимися на Россию.)

Народонаселение. Депопуляция, необратимый процесс внутреннего перерождения российской цивилизации. Существенные демографические проблемы: продолжительность жизни ниже восполняемого уровня, неуклонная убыль населения. Плотность населения на территории России при простран-

ствах, охватывающих одиннадцать временных зон, низкая. Миграционное нашествие, представляющее одну из основных угроз для внутренней стабильности, национальной безопасности и территориальной целостности страны.

- *By 2020 Russia's population had fallen below 100 million and was still heading downwards... Chinese workers had been migrating to the thinly populated Russian areas of Siberia and the southeast for the previous 30 years "to do the work that Russians won't do." In fact there were simply too few Russians to develop the oil and gas fields in those regions. There may have been as few as ten million ethnic Russians between the Urals and the Pacific by 2015... By 2020 much of the region was Russian in name only. Ethnic Russian provincial governors, appointed by Moscow, ruled over a heterogeneous population of which Chinese migrants were the largest single component. Moscow lacked both the will and ability to evict the trespassers. Russia had gone from weakness to impotence.* (К 2020 население России снизилось до отметки менее 100 миллионов и продолжало снижаться... В течение предшествовавших 30 лет китайские рабочие мигрировали в малонаселенные области Сибири и на юго-восток, «чтобы сделать работу, которую русские делать не станут». Фактически в этих областях было просто слишком мало русских, чтобы разрабатывать месторождения нефти и газа. К 2015 году на территории между Уралом и Тихим океаном этнических русских могло насчитываться лишь десять миллионов... К 2020 году большая часть региона лишь номинально была российской. Губернаторы областей, этнические русские, назначенные Москвой, управляли гетерогенным населением, наибольшей и единой частью которого были китайские мигранты. У Москвы не было ни желания, ни возможности выселять нарушителей. Слабая Россия стала бессильной.)

Территория. Территориальный распад. Новые многочисленные общественно-политические формации на бывшей территории Российского государства.

- *He arrived on stage in the unlikely form of the Commander of Russia's Far East Military District. Together with the governors of Russia's seven most Eastern regions, he proclaimed the establishment of the Far East Republic (DVR) under a provisional military government in Vladivostock, with independent internal and foreign policies. In an anodyne and pacific response, Moscow pretended that this new state was merely a re-arrangement of provincial responsibilities within the Russian Federation. The Kremlin now relaxed, believing that the crisis was over.* (Он появился на сцене в малообещающем образе Командующего Дальневосточным военным округом России. Вместе с губернаторами семи самых восточных регионов России он провозгласил образование Дальневосточной Республики (ДВР) с временным военным правительством во Владивостоке, с независимыми внутренним и внешним политическими курсами. Москва прореагировала спокойно и мирно, сделав вид, что это новое государство было лишь реорганизацией органов местного управления в пределах Российской Федерации. Кремль расслабился, считая, что кризис миновал.)

- *As Oxford's Regius Professor of History, Pavel Stroilov, has written in his classic The Fall of the Russian Republic: "In Russia itself, the successful separation of the Far East provoked a chain reaction. Within a year, another half a dozen independent republics were proclaimed in Siberia. Russia's de facto Eastern bor-*

der was now at the Ural Mountains. Once the siloviki fled Russia entirely, the task of defending its territorial integrity was inherited by colonels. In early 2023 they withdrew the most loyal forces from North Caucasus and stationed them along the Volga River. That left the small Muslim republics in Caucasus to their own fate. The Chechen War, which had continued with varying intensity ever since 1994, was now concluded with the complete defeat of Russia". (Как написал Павел Строилов, профессор истории Оксфорда, в классическом произведении «Падение Российской Республики»: «В самой России успешное отделение Дальнего Востока спровоцировало цепную реакцию. В течение года в Сибири были провозглашены несколько независимых республик. Фактически теперь восточная граница России проходила по Уральским горам. Когда все силовики уехали из России, защита территориальной целостности стала задачей военных. В начале 2023 года они вывели свои самые преданные силы с Северного Кавказа и разместили их на Волге, предоставив мелкие кавказские мусульманские республики их собственной судьбе. Чеченская война, продолжавшаяся с разной интенсивностью с 1994 года, была закончена полным поражением России. Пророссийские лидеры были казнены в считанные дни, иногда их собственными телохранителями.)

Природные ресурсы. Россия зависит от добывающих отраслей промышленности, следовательно, — от цены на нефть. Топливо-энергетические ресурсы исчерпаемы и невозобновимы. Истощение месторождений.

- *Moscow's revenue from oil prices was falling by a larger percentage every year. Neither private investors nor international agencies were willing to plug the gaps in the Kremlin's finances. Their number declined still further with the fall in the oil price as marginal fields closed down and exploration was curtailed...* (Доход Москвы от продажи нефти с каждым годом намного уменьшался. Ни частные, ни международные инвесторы не желали латать дыры в кремлевских финансах... Их число (этнических русских) еще больше уменьшилось с падением цен на нефть, так как приграничные месторождения были закрыты, а работы по обнаружению месторождений сокращены.)

Вооруженные силы. Наращение технической отсталости в сфере вооруженных сил. Стержневым элементом военного планирования в будущем останется возможность использования стратегических ядерных сил. Но даже наличие ядерных вооружений не позволит России поддерживать статус «Великой державы».

- *The Russian army relied on Muslims for 50 percent of its conscripts... Russia's armed forces were showing in the Caucasus that they lacked equipment and morale. Almost the only weapon that the Kremlin had in this crisis was its nuclear armory. But how could it be used?.. High oil prices had been the more important of the two factors sustaining Russia's claim to be a great power. The other was its Soviet-era nuclear armoury.* (Российская армия на 50% от общего числа призывников состояла из мусульман... Вооруженные силы России демонстрировали на Кавказе нехватку боевого духа и техники. Практически единственным оружием Кремля в этом кризисе был его ядерный арсенал. Но разве он мог им воспользоваться?.. Высокие цены на нефть оставались наиболее важным из двух факторов в претензиях России на роль великой державы. Вторым фактором был ядерный арсенал, унаследованный ею от советской эпохи.)

Параметр «внешняя политика»

Отношения со странами Азии. Невозможность правительства России адаптироваться к изменяющимся условиям вызовов, которые исходят непосредственно от ближайшего окружения России – Ирана, Китая; наличие военных конфликтов.

• **Иран.** *Iran had risen to the rank of a regional superpower in the previous decade. It had acquired a modest nuclear capability, effectively guaranteeing it against attack, and conducted a forward foreign policy, largely through Hezbollah, in the Gulf, the Caucasus and Central Asia. But Russia had been a constraint on Iranian ambitions in the latter two regions as well as Iran's ally against the U.S. Now, with Russia descending into poverty, Iran forged an alliance with China to advance their joint interests in security and energy. To be precise, both powers eyed Russia's virtual monopoly of energy pipelines to Europe with predatory intent.* (В предыдущем десятилетии Иран стал региональной сверхдержавой. Он приобрел скромный ядерный потенциал, гарантирующий ему защиту от возможного нападения, и претворял в жизнь преимущественно с помощью «Хезболлы» «развязную» внешнюю политику в заливе, на Кавказе и в Центральной Азии. В двух последних регионах Россия являлась сдерживающим фактором для иранских амбиций, будучи тем не менее его союзником в борьбе против США. Теперь же, когда Россия погружалась в нищету, Иран создал союз с Китаем для продвижения общих интересов в области безопасности и энергетики. Точнее, обе державы внимательно наблюдали за нынешней российской монополией по транспортировке энергоносителей в Европу, вынашивая захватнические намерения.)

• **Турция.** *Turkey was more seriously inconvenienced by Russian developments. Following the EU's rejection of Turkish membership in 2012, the resentful Turks had moved in two directions, emphasizing their Islamic identity in Middle Eastern policy while forging an anti-U.S. alliance with Russia in return for cheap energy.* (Более серьезно событиями в России была обеспокоена Турция. Получив отказ во вступлении в Евросоюз в 2012 году, обиженные турки двинули в двух направлениях, делая акцент на исламской идентичности в политике на Ближнем Востоке и одновременно заключив антиамериканский союз с Россией в обмен на дешевую энергию.)

• **Китай.** *As the UN diplomatic process dragged on, Beijing, citing the precedents of Kosovo and Iraq, threatened unilateral intervention in Russia's Far East. Iran simultaneously moved its own troops northwards to the borders of Armenia and Turkmenistan. Iranian-backed groups also exploded bombs and launched seemingly coordinated guerrilla attacks on Russian forces in Chechnya, Georgia, Dagestan, and other parts of the Caucasus. Taken together, all these moves looked like a Sino-Iranian pincer attack designed to seize the bulk of Asian oil and most of the means of delivering it to Europe. The world held its breath. Russia held its tongue.* (Так как дипломатический процесс, затеянный ООН, продвигался крайне медленно, Пекин, ссылаясь на прецеденты в Косово и в Ираке, в одностороннем порядке вторгся на Дальний Восток России. Иран тут же передислоцировал свои войска на север к границам Армении и Туркменистана. Поддерживающие политику Ирана группировки бомбили территорию и на-

чали, по-видимому, скоординированные партизанские нападения на российские войска в Чечне, Грузии, Дагестане и в других районах Кавказа. Все это выглядело как китайско-иранское двустороннее нападение с целью захвата большей части азиатской нефти и способов ее поставки в Европу. Весь мир затаил дыхание. Россия прикусила язык.)

- *On Aug. 14, 2022, Russia fired "a tactical nuclear missile" into an uninhabited region of the Taklimakan Desert as a "warning to all who might harbour aggressive intentions towards Mother Russia." The following day China fired five tactical nuclear missiles into uninhabited Russian regions of the Arctic.* (14 августа 2022 Россия запустила «тактическую ядерную ракету» в незаселенный район пустыни Такла-Макан как «предупреждение всем, кто мог вынашивать агрессивные намерения по отношению к Матушке России». На следующий день Китай произвел запуск пяти тактических ядерных ракет в незаселенные арктические регионы России).

Отношения со странами ближнего зарубежья. Россия теряет влияние в Средней Азии и на Кавказе.

- *Today's Caucasus is divided between jihadist regimes such as Dagestan allied to Iran, unstable moderate Muslim regimes such as Chechnya, and relatively stable regimes linked to the West such as Georgia.* (Сегодняшний Кавказ разделен между джихадистскими режимами (например, Дагестан, который является союзником Ирана), нестабильными умеренными мусульманскими режимами (такими как Чечня) и относительно стабильными прозападными режимами (такими как Грузия.)

Отношения с США. Российско-иранский, российско-турецкий союзы против США.

Отношения с Евросоюзом. Россия занимает положение поставщика энергоносителей на мировые рынки и прежде всего на рынок Европейского союза. В анализируемой статье отношения с Америкой и странами Евросоюза представлены косвенно. США и Евросоюз являются сторонними наблюдателями событий, происходящих в России.

Рис. 2. Когнитивно-дискурсивная модель будущего

Таким образом, вероятный сценарий развития событий в России будущего выстроен следующим образом (рис. 2).

Властные структуры теряют контроль над страной. Паралич государственной власти сопровождается дискредитацией властных структур, коррупцией, маразмом «державности». Экономический кризис продолжает углубляться. Россия остается зависимой от добывающих отраслей промышленности, следовательно, — от цены на нефть. Низкие мировые цены на нефть уменьшают спрос на российские нефтепродукты на внешнем рынке. Нефтяные месторождения истощены, часть из них закрыта. Усиливающийся приток в страну китайских мигрантов, возрастание в российском обществе удельного веса исламских народов усугубляют демографический кризис. Россия не только теряет статус региональной державы, но и утрачивает суверенитет: полный коллапс и распад страны. Моральная и технологическая деградация армии. Россия более не является ведущей военной силой и гарантом безопасности в Средней Азии и на Кавказе. Ближайшие десятилетия для страны — время эскалации напряженности, масштабных политических провокаций, локальных войн в постсоветском пространстве, в качестве итога — глобальный конфликт в финале существования, реальность нанесения России ядерного удара.

Гнетущая атмосфера ужасного будущего России, созданного автором статьи, усиливается с помощью выбора журналистом лингвистических средств. При моделировании будущего России в рамках данной статьи востребована морбиальная метафорика, отвечающая всем признакам, по которым метафорическую модель можно охарактеризовать как доминантную: частотность использования; представленность в тексте различных фреймов и слотов; использование метафор в различных частях текста; использование метафор в наиболее сильных позициях текста; использование ярких, индивидуально-авторских образов, привлекающих внимание читателей [4. С. 124–125].

Логическое развертывание мысли публициста прослеживается на уровне метафор, которые организованы таким образом, что если их вычленишь из текста, то они образно воссоздадут структуры статьи:

«Russia Crumbles»:
Russia's weakness
a fatally weakened giant
from weakness to impotence
Moscow's paralysis
▼ the dying empire

«Россия гибнет»:
слабость России
гигант смертельно слаб
от слабости к бессилию
паралич Москвы
▼ умирающая империя

Концепты, присутствующие в анализируемом тексте в качестве источников метафорической экспансии, представляют собой яркие знаки явной дисгармонии в обществе «ужасного будущего». Метафорические наименования немногочисленны, но употреблены в сильных позициях текста:

- в названии статьи «Russia Crumbles»;
- в начале абзацев: *China was the first to take direct advantage of Russia's weakness*. (Первым воспользовался слабостью России Китай). *Moscow's paralysis was due in part to the slow-motion collapse of the Putin regime*. (Паралич Москвы частично был результатом медленного краха путинского режима);
- в конце абзацев: *The country enjoyed tense relations with almost all its neighbors... All around Russia, however, its hostile neighbors sensed a fatally*

weakened giant and began to prepare. (Страна была в напряженных отношениях почти со всеми своими соседями... За пределами России враждебные соседи почуяли, что гигант смертельно слаб, и начали готовиться). *Moscow lacked both the will and ability to evict the trespassers. Russia had gone from weakness to impotence.* (У Москвы не было ни желания, ни возможности выселять нарушителей. Слабая Россия стала бессильной). *With growing poverty, unemployment and inflation in their future, Russia's regions had little reason to stay with the dying empire.* (В будущем растущая бедность, безработица и инфляция в регионах России были не слишком весомым поводом для того, чтобы остаться вместе с умирающей империей).

Метафоры болезни в рамках создания модели будущего России не случайны. Подобные метафоры прилагают образ одного фрагмента действительности к другому ее фрагменту, обеспечивая его концептуализацию по аналогии с уже сложившейся системой понятий: статья «Russia Crumbles», являющаяся по своей сути поисковым прогнозом с точки зрения политического прогнозирования, аналогична медицинскому прогнозу в отношении болезни пациента, его жизнедеятельности и трудоспособности. Развитие страны интерпретируется в морбиальных метафорических образах: патологический процесс развивается постепенно, описывается клиническая стадия болезненного состояния — период полного развития болезни с характерными для нее все усиливающимися симптомами. К основной болезни присоединяются новые вследствие создавшихся в организме России условий, способствующих их возникновению (общее ослабление, понижение иммунитета, различные изменения в пораженных органах). Автор не диагностирует болезнь, скорее детально описывает историю болезни ушедшего из жизни пациента, о чем свидетельствует выбор грамматических средств: прогноз, нацеленный на определение того, что произойдет с Россией в *будущем*, составлен с использованием только *прошедших* видовременных форм английского языка:

- Past Simple: *Moscow's paralysis was due in part to the slow-motion collapse of the Putin regime.*
- Past Continuous: *Former president Putin was still fighting to stay in Brazil.*
- Past Perfect: *Russia had gone from weakness to impotence.*
- Past Perfect Continuous: *Chinese workers had been migrating to the thinly populated Russian areas of Siberia and the southeast for the previous 30 years.*

Выбор прошедших времен для описания будущих событий выполняет прагматическую функцию, создавая эмоциональный фон высказывания, усиливая напряженность и выразительность речи, акцентируя текстообразующий потенциал метафор болезни. Употребление прошедших видовременных форм глагола работает на создание образа предсказуемого, предрешенного «ужасного будущего», описывая его атрибуты в ультимативной форме: такой стране было трудно выжить, противостоять происходящим процессам было невозможно: Россия была обречена на гибель. Помимо прошедших форм фатальность и неизбежность «летального исхода» акцентируют конкретные временные рамки, заданные автором публикации, а именно указание года (2015, 2020, early 2023) и даже конкретной даты события — начала ядерной войны (Aug. 14, 2022).

Из параметров модели в качестве основного очага поражения выступает «политико-экономическая ситуация». Поисковый прогноз в политике в пер-

вую очередь выполняет функцию поиска проблемных узлов [5. С. 95]. Именно политическая и как следствие экономическая системы России несовместимы с нормальным функционированием ее организма. Они — причина возникновения и назревания проблемной ситуации. Причем, по мнению автора прогноза, состояние России в 20-х гг. XXI в. — рецидив заболевания:

- *Following his (Putin's) example, other siloviki took their money and themselves to nations which combined warm climates with the absence of extradition laws. The regime's second-string authoritarians – men very similar to the no-hopers who had attempted the 1991 Soviet coup – had no idea of how to cope with Russia's proliferating problems. Their previous policies of high spending and expensive populism evaporated along with the high oil revenues that had sustained them.* (Последовав примеру Путина, остальные силовики, собрав в кучку себя и собственные деньги, эмигрировали в страны с теплым климатом и отсутствием законов об экстрадиции. Управленцы второго эшелона – очень похожие на безнадеег, предпринявших попытку государственного переворота в 1991, – понятия не имели о том, как справиться с растущими проблемами России. Их прежняя политика высоких расходов и дорогого популизма испарилась вместе с доходами от добычи нефти, на которых эта политика основывалась.)

Журналист отбирает в мире фактов и явлений прошлого те, которые, по его мнению, служат некоей моделью, образцом, копией фактов и событий грядущего. Коммуникативные действия автора связаны с выбором второго объекта, с акцентированием и утрированием его негативных свойств и качеств и с максимальным сближением объектов [6. С. 95]. Намеренно проводя параллели с 90-ми, автор прямо сопоставляет явления, индуцируя негативные ассоциации и логические связи. После распада Советского Союза Россия оказалась в ситуации полнейшего политического и экономического развала, которая еще более ухудшилась из-за установившихся в том десятилетии низких мировых цен на нефть. Неожиданно свалившиеся на Россию нефтяные деньги 2000-х не были использованы для модернизации, диверсификации или реформирования политических и экономических институтов. Поэтому спустя несколько десятилетий ситуация повторилась вновь:

- *Energy prices were now cheap everywhere, Russia was in decline.* (Везде были низкие цены на нефть, Россия пришла в упадок.)

Основная проблема России, по мнению автора данного поискового прогноза, – неэффективность сферы управления. Бездействие политической элиты при полностью назревшей проблемной ситуации неизбежно переводит последнюю на следующий уровень: начинает назревать критическая ситуация. Развитие, по существу, прекращается. Мало того, приостанавливается нормальное функционирование одного элемента объекта за другим, что находит отражение в репрезентации других подпараметров «внутренней политики»: «население и территория», «природные ресурсы», «вооруженные силы». Начинается следующая и последняя стадия: назревание катастрофической ситуации. По мере развития этого процесса нормализовать положение оказывается все труднее, попытки становятся безнадежными. Наступление катастрофической ситуации означает гибель, распад, разложение объекта с превращением его в качественно иное состояние:

• *Russia itself is not very different, with some two dozen democracies, kleptocracies, and outright tyrannies.* (В России наблюдается похожая ситуация: десять два демократий, клептократий и откровенных тираний.)

• *There were still loose ends to tie up. Russia and the northern Caucasus had been reduced to new and dangerous Balkan regions with failing and rogue states that offered a haven to jihadists or Russian mafia veterans according to taste.* (Остались лишь последние штрихи. Россия и Северный Кавказ были превращены в новые и опасные Балканские регионы – в слабеющие, неконтролируемые государства-изгои, предоставлявшие убежище джихадистам или ветеранам русской мафии, это лишь вопрос вкуса.)

Отображением и продолжением внутренних общественных отношений является «внешняя политика», т.е. внешнеполитический курс любого государства определяется, главным образом, характером его внутренней политики. Внимательно наблюдавшие за событиями в России недоброжелательные соседи воплотили в жизнь свои хищнические намерения без особых усилий. Все было сделано до них и за них, осталось только раздробить и добить слабое и больное государство:

• *China welcomed the division of Russia and the creation of a weak buffer state that would surely accept its fate as an obedient suzerain of the Middle Kingdom.* (Китай горячо приветствовал раздел России и образование слабого резервного государства, которое наверняка безропотно примет судьбу послушного сюзерена Срединного Царства.)

Таким образом, сценарий возможного будущего предрекает распад страны и как вариант – ее полное уничтожение при условии активного предательства ее интересов нынешней властной федеральной элитой. Когнитивно-дискурсивная модель в целом и каждый ее параметр в отдельности пронизаны откровенно отрицательным концептуальным вектором. Рассмотренный материал в полной мере иллюстрирует мысль об особой значимости концептуального вектора морбиальной метафорики, включающего в себя эмотивные смыслы ужасного, предрежденного, «летального» будущего. Создатели текстов СМИ избирают те средства вербализации, которые в наибольшей степени соответствуют взгляду на событие, который журналист хочет сформировать у аудитории. Журналист не ставит перед собой задачу всестороннего изучения явления, прогноз здесь – лишь в первом приближении к истине. Автор данной корреспонденции, предвосхищая события, не видит способов решения проблемы, скорее готовит общество к их неизбежности.

Литература

1. Ворошилов В.В. Журналистика. СПб.: Кнорус, 2000. 540 с.
2. Князева Е.Н. Синергетически конструируемый мир // Синергетика: Будущее мира и России / под. ред. Г.Г. Малиновского. М., 2008. С. 42–56.
3. Мэтьюз Р., Агеев А., Большаков З. Новая матрица, или Логика стратегического превосходства. М.: Олма-пресс, Институт экономических стратегий, 2003. 239 с.
4. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2006. 256 с.
5. Симонов К.В. Политический анализ. М.: Логос, 2002. 152 с.
6. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2004. 294 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК82/821.0-31

DOI 10.17223/19986645/17/5

И.В. Ащеулова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ В. СОСНОРЫ: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ ИСТОРИИ

В статье анализируются три повести петербургского поэта В. Сосноры, написанные в 1968 г. на материале русской истории XVIII в.: «Державин до Державина», «Спасительница Отечества», «Две маски». Опираясь на мемуарные источники и документы эпохи, автор вступает с ними в диалог, предполагая недосказанности, умолчания и невозможность идентификации фактов, и предлагает субъективную интерпретацию или альтернативный вариант исторического события.

Ключевые слова: В. Соснора, исторический вариант, русская история, смысл, тексты, память.

История в переводе с греческого означает «рассказ, исследование», этимология акцентирует значение не «события бытия», а «события повествования, рассказывания», т.е. создание текста о прошлом лежит в основе истории как науки о развитии общества [1. С. 3]. Исторический факт, становясь историческим документом-текстом, может подвергаться различным толкованиям и интерпретациям, каждая последующая эпоха может создавать свои тексты о предшествующей. В этом смысле факт может искажаться, обрастать мифами и легендами, история начинает восприниматься субъективно, и ее интерпретация предполагает множество индивидуальных точек зрения. Проблема объективности и субъективности в описании исторического факта всегда волновала как самих историков, так и писателей, обращающихся к исторической тематике. Объективное (соответствующее документу повествование) или субъективное (художественный вымысел, авторское отвлечение от фактов или от их истолкования в документе) отношение к закреплённому в текстах или в преданиях историческому факту рождает проблемы, связанные с отношением к событию-факту как таковому, и прежде всего к тексту/текстам о нем, вопросы о подлинности зафиксированного в тексте факта или о его мистификации; вопросы о полноте описания события-факта; вопросы о соответствии факта и его трактовки в документе-тексте; вопросы о границах интерпретации фактов, событий, текстов читателем-историком, пишущим новый текст о факте (или мистифицированном событии).

Для исторической прозы XX в. эти проблемы стали особенно актуальны в связи с резкими историческими изменениями не только социального строя, но всей ценностной системы прошлого: даже не ссылаясь на фальсификацию или сокрытие фактов, можно говорить, что в XX в. трижды менялась история России и мира, и три волны русской исторической прозы представляли попытку художественной интерпретации, альтернативной официальной модели истории: историческая проза 1920–1930-х гг., историческая проза 1960–

1970-х гг. и историческая проза 1980–1990-х гг. При всём принципиальном различии стратегии и поэтики этих волн исторической художественной прозы можно принимать за общую декларацию высказывание Ю.Н. Тынянова 1930 г.: «Есть парадные документы, и они лгут. <...> Там, где кончается документ, там я начинаю. Представление о том, что вся жизнь документирована, ни на чем не основано: бывают годы без документов. Кроме того, есть такие документы: регистрируются состояние здоровья жены и детей, а сам человек отсутствует. И потом сам человек – сколько он скрывает, как иногда похожи его письма на торопливые отписки! Человек не говорит главного, а за тем, что он сам считает главным, есть еще более главное. Ну, и приходится заняться его делами и договаривать за него, приходится обходиться самыми малыми документами. Важные вещи проявляются иногда в мимолетных и не очень внушительных формах. Если вы вошли в жизнь вашего героя, вашего человека, вы можете иногда о многом догадаться сами» [2. С. 154].

Тынянов, соответственно своему времени, не отрицал документа и тем более факта свершившегося события и говорил не только о праве, но и о предназначении художника «заглянуть за документ», дополнить факты и документы смыслом, собственным пониманием истории. Такое понимание делает историческую прозу не иллюстрацией документальных фактов, но и не свободной фантазией возможных случайностей, но текстами-интерпретациями текстов, стоящих за документами. В таком случае цель интерпретации – не столько выяснение подлинности и полноты документа, сколько определение ценностного смысла возможного и гипотетически подлинного факта, смысла, актуального для интерпретатора, живущего в другой исторической ситуации.

Неизбежная субъективность интерпретации преодолевается именно вне-находимостью художника по отношению к изображаемой ситуации. Находясь в другой исторической и экзистенциальной ситуации, художник обретает временную перспективу, и на схождении прошлого героев и настоящего самого автора выходит к надвременной – философской – перспективе, позволяющей прозревать в событии прошлого смыслы, актуальные для настоящего, а в судьбах исторических личностей варианты личностных поступков, свойственных человеку разных исторических эпох, но похожих бытовых, межличностных, ментальных и этических положений. Если постмодернистская проза 1990-х гг. (В. Пьецух, В. Пелевин, В. Шаров и др.) будет открывать вечную повторяемость истории («*déjà vu*», «уже было», как это назвал Саша Соколов), то альтернативная историческая проза второй половины XX в. представляла феноменальность исторических фактов и личностей, искала схождение, общую направленность, инвариантность человеческого смысла исторических поступков и исторических событий. Это относится к экзистенциальной прозе 1960–1970-х гг. (М. Алданов, Б. Окуджава, Ю. Трифонов, Ю. Давыдов). Для этой прозы характерно не столько сомнение в документе (и в действительности самого события), сколько внимание к документу как недостоверному, но единственному источнику знания о прошлом, требующему не игры в альтернативные варианты события и его толкования, а объяснение причин известного варианта и его последствий, видимых из настоящего: на первое место выходит интерпретация. Однако уже в 1960-е гг.

возникает «предпостмодернистская» историческая проза, в которой место анализа и интерпретации факта занимает игра в «было / не было», место художественной реставрации прошлого – фантасмагорическая версия прошлого, и предтечей исторической прозы конца XX в. можно назвать опыты исторической прозы В. Сосноры.

Исторические повести В. Сосноры датированы 1968 г. и собраны в книге «Властители и судьбы: Литературные варианты исторических событий» 1986 г., это первая книга прозы поэта [3]. Они и встраиваются в контекст исторической прозы 1960–1970-х гг., но и отличаются как от официальной (иллюстративной), так и от параллельной (интерпретационной) линий исторического повествования. Задача Сосноры заключается в том, чтобы, во-первых, поколебать уверенность читателя в обладании истиной; во-вторых, изменить представление читателя об историческом событии и, в-третьих, представить собственное понимание смыслов документа, а значит, смыслов свершившегося исторического события. Авторская стратегия Сосноры – опора на автобиографические («Записки» Державина, «Записки» Екатерины), мемуарные и документальные источники (стихи В. Мировича, доклады коменданта Шлиссельбурга Овцына, архивы Шлиссельбургской крепости, протоколы суда, свидетельства современников). С одной стороны, они не вызывают сомнений в подлинности, но с другой – грешат «страстью к самоописанию», а значит, невольно вводят читателя в круг субъективной мифологизации. Поэтому Соснора предлагает читателю возможность интерпретации, расследования события и ставит проблему не подлинности события (в этом у него нет сомнений), но проблему понимания документа-текста, который требует расшифровки. В процессе расследования появляются дополнительные, ранее скрытые варианты понимания события и поведения исторической личности, что в конечном итоге меняет семантику события русской истории. Таким образом, Соснора в решении проблемы соотношения события-факта и документа-текста пользуется методом исторической прозы 1970-х гг., но приходит к постмодернистским выводам о фальсификации истории в текстах. Главная задача в исследовании исторической прозы Сосноры заключается в определении позиции автора по отношению к текстам истории: обнаружение истины, скрываемой сознательно или бессознательно, или поиск собственной субъективной правды, попытка актуализировать историю для современности и современного человека.

Итак, наша задача связана с анализом и обнаружением авторской стратегии В. Сосноры по отношению к документам исторической эпохи XVIII в. Оговоримся, что нас интересуют только повести, написанные на материале русской истории: «Державин до Державина», «Спасительница Отечества», «Две маски».

I

Первая в этом ряду «Державин до Державина». Композиционно повесть разделена на 12 глав, графически выделенных арабскими цифрами. Первая глава может восприниматься как введение, в котором обосновывается позиция автора: «Это не повесть-жизнеописание. Это попытка введения в биогра-

фию Державина» [3. С. 8]. Автор повести опирается на автобиографические «Записки» Державина, как бы полностью доверяя их объективности и подлинности, но обнаруживает односторонность описываемой субъектом «записок» жизни – это записки государственного служащего о своей карьере. Интерес автора повести к автору «Записок» связан с попыткой понять, почему вне перспективы автобиографии великого поэта оказалось то, в чём автор повести видит величие автора мемуаров – поэзия, другие тексты Державина, в которых возникает другой образ человека и поэта. Очевидно, что такой поворот проблемы, проблема сущности человека, проявляющейся в текстах, имеет экзистенциальную философскую основу, важную для самого Сосноры в 1960-е гг., годы становления его поэтической личности: значение поэтического таланта на судьбу человека. Интерпретируя «Записки» Державина – воспоминания частного человека в историческом процессе XVIII в., Соснора выстраивает движение Державина к Державину: среднего чиновника-человека к великому поэту русской словесности. Сюжет жизни Державина, каким его видит автор, – это путь преодоления жизненных тягот и невзгод в обретении себя истинного.

Эта мысль проявляется в композиции. Из «Записок» выбираются ключевые моменты биографии Державина, открывающие беспросветность, бессмысленность, безнадежность жизни человека в своём времени, в социальных условиях XVIII в. Так, глава II описывает сиротское (после смерти отца) детство Державина, простаивание в очередях всевозможных присутствий, притеснение более богатыми соседями, невозможность получения достойного образования. Глава IV воссоздаёт обстоятельства службы рядового Державина в Преображенском полку, когда он подвергался насмешкам и унижениям со стороны солдат и их жен. В главе IX подробно описывается случай, когда Державин чуть не замерз на посту. Эпизоды создают образ жизни как череды невзгод. Записки, пишущиеся по завершении 37 лет государственной военной и статской службы (закончены в 1812 г. 69-летним Державиным), фиксируют, с одной стороны, моменты унижения и испытаний, с другой стороны, удостоверяют успешное преодоление невзгод аргументом успешной государственной карьеры: от рядового до министра. В этом сошлись и ценности времени, но и то, что для самого Державина государственное, служебное признание (чины) было чрезвычайно важно, поэтому именно о нём он пишет в записках, вскользь упоминая исторические события, в которых Державину довелось участвовать, но которые воспринимаются Державиным-автором «Записок» лишь как частные испытания и этапы карьеры.

Именно эта позиция человека частного, но принявшего государственные ценности и цели как главные для жизни любого человека, противна духу Сосноры как личности и как поэта. Рядом с описаниями трудностей и лишений Державина на службе соседствуют фантазмагорические картины приключений, происшествий, случаев, эпизодически упомянутых самим Державиным, но поэтически, метафорически переосмысленных человеком другой эпохи и другого сознания. Речь идет о поездке Державина в качестве геодезиста в город Чебоксары с М.И. Веревкиным, директором Казанской гимназии (глава III), или рассказе об эпидемии холеры (глава VIII), или случайной встрече Державина со знаменитым стихотворцем екатерининской эпохи В. И. Майко-

вым (глава IX). Особое внимание Соснора уделяет эпизоду, который в «Записках» занимает один абзац. В главе X эпизод сжигания архива на карантинной заставе становится идейным центром повествования, позволяющим автору повести выйти к обобщениям и представить собственное понимание судьбы человека и поэта в истории. В главе VI читаем: «Державин придавал первостепенное значение своей государственной деятельности. Он не только получал награды, но и искал случая получить награду и похвастаться в своих смешных автобиографических записках. О своей поэтической деятельности поэт пишет мимолетно, мимоходом...» [3. С. 32]. В главе X читаем: «Державин единственный из русских поэтов относился достаточно хладнокровно к своему творчеству. <...> Для Державина стихи были лишь составной частью его жизни и деятельности. Он в равной мере любил себя и за то, что он министр, и за то, что он написал оду «Бог»» [3. С. 47]. В «смешном» для современного повествователя тексте Державина Сосноре видится главное противоречие жизни Державина: соединение поэта и чиновника, гения и ординарного служаки. Несомненно, в позиции Сосноры проявляются диссидентские ценности «шестидесятников», готовых видеть конфликт поэта и государства, поэта и обывателя. И Соснора находит в поэзии Державина то, что не обнаружил в частных, хотя и написанных для потомков, «Записках». Конфликт конформиста и гения выразился в космическом трагизме поэзии Державина, в осознании поэтом того, что человеческому духу невозможно избавиться от оков брэнного тела, в осознании своей силы и своего бессилия, невозможности бессмертия, преодоления распада. «Другие» тексты Державина, лишённые фактической точности, вводятся в повествование и становятся материалом интерпретации как документы внутренней, духовной биографии поэта. Поэтические тексты Державина создают в интерпретации повествователя образ «другого» Державина, не убежденного в своей честности, правоте и заслугах чиновника, но сомневающегося, философствующего поэта, первым в истории русской словесности понявшего, что «стихотворение – это такое же живое и трепетное существо природы, как человек, цветок, животное. Оно не просто написано, а – рождено, как все в природе, в муках и имеет равноценное право со всем живым – на жизнь...» [3. С. 47–48].

Таким образом, основой для создания образа поэта в историческом времени становятся автобиографические «Записки», выступающие как свидетельства о действительных фактах эпохи, и стихи, предстающие как свидетельства духовной истории личности. Стихи были незначительным содержанием жизни Державина-чиновника, о чем явно свидетельствуют записки, стихи писались «для забавы», «в праздное время», «в угождение домашним» и для «возвращения к себе благоволения монарха» [3. С. 48]. О первой книге стихов Державин упоминает в «Записках» в 1798 г. в связи с проблемами по службе, возникшими от вмешательства цензуры. Соснора видит в этом пренебрежении к творчеству иронию судьбы и иронию творчества: то, что не ценится в своём времени и даже самим творцом воспринимается как помеха, явится в другой исторической ситуации как высшая ценность, выведет поэта из безвестности очевиднее, чем его служебное признание во времени. Соснора убежден, что не государственная служба, а поэзия, творчество, его этапы, метания, «прекрасные и постыдные движения сердца» должны были стать

предметом мемуарных записок. Державин, безусловно, понимал значение своего таланта и значение поэзии. Поразительны его высказывания о силе и ценности слова: «...человек чрез слово всемогущ: Язык всем знаниям и всей природе ключ; Во слове всех существ содержится картина, Сообществ слово всех и действий причина...» [4. С. 40]. Но Державин был человеком своего времени, первостепенное значение он придавал своей государственной деятельности, поэтому служил честно, стремился к чинам и наградам и талант использовал в том числе для внимания властителей. Но именно эта позиция человека XVIII в. противна духу Сосноры как авангардисту и шестидесятнику. Для него немыслимо одновременное служение государству и слову, поэтому критическое восприятие Соснорой «Записок» – это конфликт двух разных ценностных миров, разность заключается в отношении к поэтическому слову, его судьбе в вечности, в судьбе личности, в отношениях личности и власти. Именно из-за разных позиций, с точки зрения Сосноры, Державина не любили Пушкин, Лермонтов, Белинский. О невнимании и холодности читателя XIX в. по отношению к Державину писал Я.К. Грот в монументальном труде о жизни Державина: «Он замечательно правдив в изложении фактов, и с этой стороны записки его составляют весьма важный и ценный материал для истории его времени. <...> Но Державин внезапно явился в них человеком другого времени, с понятиями и взглядами, часто совершенно противоположными тем, которые в ту минуту (год публикации «Записок» – 1859. – И.А.) пробудились с особенной силою» [5. С. 590–591].

В этом смысле особенно значимы темы поэзии Державина, выделяемые Соснорой, он не обращается к жанру торжественной оды в творчестве поэта. В повести цитируются строки из стихотворений «Горелки» (1793), «Храповицкому» (1797), «Мореход» (1802), «Евгению. Жизнь Званская» (1807). Все стихотворения относятся к позднему периоду творчества Державина, когда начинает выходить в свет собрание сочинений поэта. Соснору привлекают стихотворения-«подведение итогов», которые написаны как лирические стихотворения, медитативная лирика, размышления о жизни, бытии, его смыслах. Цитаты из названных стихотворений выступают в повести как эпитафии, определяющие направление размышлений автора повести. По мнению Сосноры, магистральными темами духовной судьбы Державина становятся мысль о разрушительности времени и тема смерти, мысль о подлинной и мнимой свободе человека в жизни, о смысле человеческой жизни, ее предназначенности.

Первая цитата из «Жизни Званской» появляется уже в главе II, она предлагает идиллическое описание жизни Державина-помещика и воспринимается как контраст к тексту «Записок». Общеизвестная первая строфа («Блажен, кто менее зависит от людей, / Свободен от долгов и от хлопот приказных, / Не ищет при дворе ни злата, ни честей / И чужд сует разнообразных!») прямо противоположна 37 годам «страшной службы», несправедливости и зависимости Державина. Описание обедов и сибаритского времяпрепровождения («Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут...»; «Иль в лодке вдоль реки, по берегу пеш, верхом...») контрастирует с «кошмарами скитаний и нужды», испытанными Державиным. Соснора указывает на диссонанс, который, по его мнению, проявляется в судьбе Державина. О «кошмарах скитаний и нуж-

ды» написана целая книга, а как возникают поэтические образы стихотворения, его легкость, игра, ирония, катастрофическая мысль о забвении всего и всех («Разрушится сей дом, засохнет бор и сад...») – об этом в мемуарах ни слова. Поэтому поэт Соснора не согласен с чиновником Державиным, не проявляющим интереса к поэту Державину.

Вторая цитата дается в этой же главе II из стихотворения «Храповицкому» и развивает тему несвободы человека: «Страха связанным цепями / И рожденным под жезлом, / Можно ль орльими крылами / К солнцу нам парить умом? / А хотя б и возлетали, / Чувствуем ярмо свое...». По мнению Сосноры, никто из русских поэтов не смог с такой силой выразить трагедию человеческого существования, конфликт материи, страха, ничтожности человека и его духа, чувств, стремлений. Стихотворение обращено к другу Державина Храповицкому, сравнившему Державина с орлом, но поэт не принимает это олицетворение и обнажает не только свою, но и всеобщую человеческую сущность: «Должны мы всегда стараться, / Чтобы сильным угождать, / Их любимцам поклоняться, / Словом, взглядом их ласкать. / Раб и похвалить не может, / Он лишь может только льстить» [4. С. 247]. Обнаружение зависимости человека от обстоятельств, от произвола начальства и властителей, собственного страха, малости и ничтожности человеческой сущности становится философским прозрением Державина, но в то же время ничего зазорного в стихотворных посвящениях вельможам он не видел. Соснора говорит о космической музе Державина, которой оказалось подвластно и высокое и низкое, но и недоумевает, что истории становления этой музы не нашлось места в записках.

Последней цитатой становится полностью воспроизводимый текст стихотворения «Мореход», неточно названного Соснорой «Мореходец». Принципиальной разницы здесь нет, в словаре Даля это слова-синонимы: «человек, к мореходству относящийся» [6. Т. 2. С. 347]. Вероятно, стихотворение приводится по памяти, что говорит о его значимости в духовной биографии самого Сосноры. Последняя строка не только цитируется два раза, но и графически выделяется, как наиболее значимая: «И С ПЛАЧЕМ ПЛЫТЬ В ТОЛЬ ДАЛЬНИЙ ПУТЬ...». Соснора называет эту строку «символом эпохи», «эпопеей», в ней отражается мысль Державина о жизни как реке времени, о стремлении этой реки к смерти, распаду и о страхе человека перед своим концом и тлением. По мнению автора повести, последняя строка «Мореходца» метафизична, она выражает вневременность, внеисторичность человека, ибо страх смерти сопровождает его всегда.

Итак, в автобиографическом тексте Державина Соснора обнаруживает глубинный конфликт двух обликов исторической личности: чиновника и поэта. Голос чиновника, государственного человека описывает исторические деяния, собственную ревностную честную службу трем русским царям, ни одним из них не оцененную по достоинству. Голос поэта в «Записках» не звучит. Но автор-исследователь, интерпретирующий документ, вводит для своего комментария и истолкования другие тексты Державина, используя поэтические тексты как документ внутренней жизни. В отличие от Тынянова, как и в отличие от последующих авторов постмодернистских исторических мистификаций, Соснора в этой повести не изображает гипотетические эпизо-

ды жизни за границами документа, напротив, он работает только с текстами-свидетельствами. В них он обнаруживает различие, и интерпретация вызвана объяснением природы различия текстов, а выводит к противоречиям сознания человека и поэта, к противоречиям искусства и эмпирической жизни, к противоречиям времени жизни человека, в границах которого хочет найти место человек, и в границах вечности, в которую поэт может войти посредством актуальности своих текстов-безделок (с позиции прагматического действительного времени). Сравнение и комментарий текстов прошлого создают объёмный контекст жизни Державина: явного и значимого для него самого и «другого» не явного, но странным образом значимого и для него – поэта-философа. Поэт-философ оказался не только заложником своего века и прозаической жизни, но и отразил в поэзии духовную атмосферу эпохи, становясь ее судьей, обличая двойственность человека («Бог»), несправедливость общественной жизни, поспание истины («Властителям и судиям», «Вельможе»). Он стал «зеркалом времен» – истории, но и выразителем разрушительной силы времени. Поэтическое слово открывало экзистенциальные основы бытия – это наиважнейшее призвание поэта, что дает ему бессмертие, и Державин первым сказал об этом в русской поэзии («Памятник»). По мнению Сосноры, «Записки» являются обличительным документом российской действительности, в том числе и своего автора. В субъективном прочтении «Записок» Соснора обнаруживает собственное понимание противостояния человека и исторического времени, в котором ему приходится существовать, человека и государства, регламентирующего жизнь человека и оценивающего её смысл. В случае с Державиным поэтическое слово оказалось итогом существования человека в большом времени истории.

II

Повесть «Спасительница Отечества» посвящена событиям дворцового переворота 28 июня 1762 г., в результате которого Екатерина стала императрицей. Свою задачу автор видит в развенчании исторического мифа о Екатерине II как спасительнице Отечества и пытается увидеть истинное лицо Екатерины.

Кольцевая композиция текста повести акцентирует идею случайности исторических событий и мистификацию их причин и значимости. В прологе государственный переворот 1762 г. объясняется как воздействие петербургских белых ночей: «В такие ночи задумываются преступления и восстания. Только бы уйти в темноту, уснуть, отстраниться от этой своей современности. Все больны. Все рассеяны. Все ненавидят друг друга. Кликни клич – и ударят гренадерские барабаны, и взвоятся знамена, и покатаются первые попавшиеся головы, ничуть не повинные во всеобщем раздражении» [3. С. 57]. Пролог отражается в финальной главе X иронической мыслью зависимости социальной и политической жизни Российского государства, национального характера от погодных условий: перечисляются 14 заговоров 1764 г., произошедших от холодного лета, от невозможности согреться и увидеть солнце: «Это лето выдало только четыре теплых дня, да каких там теплых, тепловатых, – проклятое лето. В это лето произошло еще четырнадцать заговоров и

четырнадцать простых процессов над заговорщиками» [3. С. 142]. В утверждении зависимости истории от превратностей погоды видится не столько проявление концепции случайности возникновения и непредсказуемости развития исторических событий, сколько иронический намёк на значение поступков и целей множества лиц в возникновении разного рода положений с разным исходом. В зависимости от исхода ситуации возникают разные объяснения, толкования событий, принимаемые за подлинные (или не принимаемые), в результате чего тексты-интерпретации участников дают начало мифу о событии (миф – с греч. предание, повествование, объясняющее происхождение того, что случилось в прошлом). Потомки узнают о событиях прошлого из разного количества текстов, и их задача не найти одно истинное, но приблизиться к истине из множества прежних интерпретаций, создавая свою интерпретацию-текст. Поэтому в свидетельствах о событиях 1762 г. автор обращает внимание не на явно выраженный факт или идею-объяснение, а на упоминания случайных поступков, слов, среди которых некоторые стали историческими константами, а другие были отброшены как незначашие.

Главное в событии государственного переворота 1762 г. не абстрактная историческая необходимость, не рок и не случайность, а, по мысли автора, противостояние двух сведённых правилами престолонаследия чужих друг другу людей – супругов Петра III и Екатерины Алексеевны, равно неспособных управлять такой империей, как Россия. Экспозицией, введением в будущее историческое событие оказывается глава I, описывающая похороны Елизаветы Петровны, на которых Петр ведет себя как шут, превращая похоронную процессию в комедию, в то время как Екатерина все сорок поминальных дней ежедневно посещала гроб Елизаветы и плакала по усопшей, отдавая дань ее памяти. Так обнаруживается пока ещё скрытая и бессобытийная, но рождённая явно в замысле будущей властительницы ситуация противопоставления себя императору в мнении государственных людей и народа, так выстраивается миф о смирении, любви и почитании авторитетов будущей императрицы, подхваченный историками и развившийся в многочисленных источниках. Соснора отталкивается от этого мифа («ни один историк не попытался поставить хотя бы элементарный опыт объективности»), но проверяет его составляющие, сталкивая различные тексты, анализируя, предлагая собственное понимание поведения Екатерины. Глава II начинается общеизвестным пассажем из многих исторических трудов о Екатерине: «Она очаровательно цитировала Перикла, Солона, Ликурга, Монтескье. Она все знала наизусть: прозу Лесажа и Корнеля, драмы Мольера. Она ослепляла цитатами из Плутарха, Тацита и Монтеня» [3. С. 61]. Екатерина была образованна, эрудированна, красива, ее обожали многие, особенно офицеры гвардии, прощали ей интрижки, жалели ее, по контрасту с мужем-невежей и грубияном. Петр III предстает в мемуарах, на которые ссылается Соснора, пьяницей, кривлякой, ненавистником всего русского: «голштинский герцог-паяц – российский император». Поэтому восшествие на российский престол Екатерины II – истинной патриотки и продолжательницы дел Петровых – в общественном мнении воспринимается как спасение империи от развала – от произвола и немецкого засилья (немка воспринимается как хранительница уважения к

русскому и к прошлому). В таком аспекте даются события с 28 июня по 6 июля 1762 г. в главах II–IV: Соснора дает своеобразный конспект трудов прославленных русских историков Ключевского [7], Платонова [8], Соловьева [9], Костомарова [10], которые повторяют расхожий миф. В главе V Соснора анализирует не тексты-мифы историков, а собственный текст Екатерины, её «Записки», обнаруживая в них мифотворчество, подхваченное историками. Столкновение и интерпретация текстов позволяют Сосноре высказать свою версию прихода Екатерины к власти.

Выделим основные пункты, по которым Соснора обвиняет Екатерину в мистификации истории и лицемерии.

Во-первых, критике подвергается страсть Екатерины к сочинительству («Не написавши, нельзя и одного дня прожить»), которую автор называет графоманством, но приходит к более глубокому объяснению страсти к писательству – страсть к самоописанию позволяет самой дать потомкам исходный текст, который будет принят за документ и за истину. Известно более шести вариантов «Записок» Екатерины о себе, которые все заканчиваются 1762 г., что обнаруживает устойчивое желание оправдать незаконное восшествие на престол. Другой способ самооправдания – создать образ образованнейшей и талантливейшей женщины своего времени: осталось около 12 томов сочинений: пьес, сказок, романов, мемуаров, записок, либретто, свидетельствующих о стремлении записать каждую собственную мысль, каждый шаг. На образ образованнейшей и талантливейшей женщины работают и свидетельства о глубочайшей эрудиции, большом круге чтения, о переписке с французскими энциклопедистами. Но Соснора обращает внимание на оговорки Екатерины, например: «прочла пару страниц», «начала читать, но не могла читать последовательно, это заставило меня зевать», «бросила книгу, чтобы возвратиться к нарядам» [3. С. 86], и делает вывод о поверхностности, мнимой эрудиции, лицемерии в переписке. Подлинными чертами характера Екатерины, по выводам Сосноры, оказываются лживость, хитрость, лицемерие, непомерное тщеславие.

Во-вторых, амурные дела Екатерины, общеизвестные и ставшие материалом для бульварных романов либо медицинского исследования. Соснора не только отрицает возможность истинной любви к фаворитам, но убежден в циничном прагматизме Екатерины. Они ей были нужны по причине одиночества, бессилия, в прагматических целях; она им – по карьерным соображениям.

В-третьих, Соснора обнаруживает в поведении императрицы «царственный цинизм», проявляющийся в поступках и словах. Например, после насильственной смерти Петра III в Ропше «виновники» были не только не наказаны, но и награждены. В этом автор повести видит откровенную жестокость «милосердной» и «человеколюбивой» государыни, недостойную мстительность уже поверженному императору. Екатерину отличало стремление прийти к власти любыми средствами. Соснора перечисляет многое: предательство матери, переход в другую веру, лицемерные отношения с супругом и его теткой, предательство Петра, интриги, желание и умение всем нравиться, обман. Это обнаруживается при подробном анализе «Записок»: Петр всегда выставляется в смешном, нелепом или уничижительном свете, в то время как Екатерина наделяется одними добродетелями. Цинизм распространяется и на сфе-

ру государственного правления, когда, заигрывая с философами просвещенной Европы, декларируя просвещенную монархию, государыня казнила, ссылала, преследовала, подавляла малейшее проявление свободной мысли. Соснора приводит в пример судьбы Новикова и Радищева. Екатерина много писала о просвещенном стиле своего правления, принятого всей Россией, но конкретные исторические факты свидетельствуют о другом. В 1764 г. обнаружилось 14 заговоров в пользу Иоанна Антоновича, а затем кровавое восстание Пугачева, восстание Железняк и Гонты, польское восстание Костюшко. В лицемерном «Наказе» – «каждый пункт – демагогия и ложь, <...> маска, надетая для наивного потомства и для общественного мнения, а также для интеллигенции Запада» [3. С. 88].

Итак, выделяя истинные стремления Екатерины, Соснора демифологизирует не только образ императрицы, созданный ею, но и многочисленные свидетельства о ней. На примере переворота 1762 г. Соснора вскрывает общий для истории механизм мифологизации событий и документов в интересах определенных людей. Выдающиеся историки-классики в своих трудах ссылаются на свидетельства самой Екатерины, тем самым текст, полный вымысла, становится документом, а исторический текст, призванный быть интерпретацией документа, становится тождественным художественному тексту. Историческое событие домысливается, становится версионным. По версии историков, события разворачивались по схеме, предложенной в главах II–IV, по версии писателя, те же события приобретают иное толкование. В VI–VIII главах 28 июня 1762 г. описывается как случайность, скрывающая закономерность, заинтересованность конкретных людей не столько в спасении России, сколько в собственных привилегиях. Петр III слишком резко начал реформы, слишком либеральные на тот момент: упразднение Тайной канцелярии, указ о веротерпимости, указ о необязательности службы в армии, освобождение монастырских крестьян, указ о гласном суде. Петр затронул кровные интересы многих. Но лишь отношения конкретных людей (не только Екатерины) вызвали событие, имеющее исторические (сверхличные) последствия. Соснора пишет о роли Измайловского полка и братьев Разумовских, фаворита Екатерины Орлова и его брата, который после ссоры с Петром спровоцировал Екатерину на взятие власти. Случаен удачный исход переворота: Петр слишком медленно размышлял, верил своему окружению, надеялся на помощь Кронштадта и безропотно подписал отречение. Его смерть окончательно завершила продолжение события. Историки поддались механизму мифологизации текста, принимаемого за документ, что повлекло за собой мифологизацию исторических событий и деятелей. По версии Сосноры, спасительница Отечества не может претендовать на это звание. Она не была ни организатором событий, ни выразителем сил спасения. Она установила лживые механизмы власти: «Главное не что делаем, а как об этом говорим». Этот принцип остаётся главным для всех властителей. Екатерина не случайно становится героиней повести Сосноры (и всех трех исторических повестей): ею были установлены правила игры в историю: создание текстов о событиях, не выявляющих, а скрывающих подлинный ход и смысл событий. Демагогия, ложь и цинизм Екатерины, как нам представляется, для Сосноры были тождественны механизму советской власти, особенно в 1968 г. (год

создания повести), когда после пражских событий окончательно исчезли шестидесятилетние надежды на правду: и на нравственную правду, и на отказ от двоемыслия. Вывод очевиден: в русской истории не меняется сущность власти, её цинизм проявляется не только в подавлении личности, но в отказе от истины, Мифологизация сознания с помощью текстов, культуры оказывается всемогущей, действующей не только на массы, но и на интеллектуалов (историков, в частности).

III

Третья повесть «Две маски» посвящена заговору Василия Миновича против Екатерины. Здесь Соснора использует поэтику, близкую тыняновской, – не интерпретация текстов о событии, а художественная «версия», повествование о событии за границами документов. В первой части «Смерть сумасшедшего и казнь авантюриста» представлена официальная версия заговора, распространенная в многочисленных исторических документах; вторая часть «Смерть узника и казнь поэта» воспроизводит авторскую версию. В центр повести выдвинуты два главных героя, событийно связанных, но даже не знавших друг друга: Иоанн VI и Василий Минович.

Первые две главы посвящены личности и судьбе Иоанна Антоновича VI, претендента на российский престол, узника Шлиссельбургской крепости. Автор опирается на документы, прежде всего на отчет историков журнала «Русская старина», с 1870 по 1879 г. занимавшихся изучением документов о семье Ивана Антоновича. Документы доказывают плохую наследственность претендента на российский престол, сына Анны Леопольдовны, свергнутой Елизаветой Петровной, восстановившей линию Петра в царской династии. Приводятся цитаты из отчета: «Болезненное состояние Иоанна Антоновича само по себе не только лишало его всяких прав на престол, но едва ли могло допустить и самостоятельное пользование правами простого гражданина» [3. С. 154]. Историки пользовались и рассказами-слухами, например конвоиров: «Он боялся воды, поэтому не мылся месяцами и помыть его насильно было мукой, он не видел солнца, не умел читать, грыз ногти, ел мыло, ловил и вешал крыс, дико кричал по ночам и вообще был не в уме» [3. С. 155]. К. Валишевский в книге «Роман императрицы. Екатерина II» ссылается как на слухи, так и на «Историю...» С.М. Соловьева, но констатирует: «Он оставался угрозой. Его печальный образ беспокоил даже Вольтера, предвидевшего, что философы не нашли бы себе друга в этом императоре. И в 1764 г. Иван Антонович скончался. Это событие дало повод к разноречивым толкам, в которых историку разобраться не легко. Сама Екатерина постаралась «замять» дело, в этом ей помогали другие» [11. С. 319]. Соснора доказывает нерелевантность документов, а тем более выводов историков, история отталкивается как от слухов, так и от лживых документов, составленных по повелению властителя. Поэтому любая версия, вычитываемая из исторического документа, может быть возможна. В этом заключается исследовательский метод Сосноры – интерпретируя общеизвестные документы, выделить маргинальные детали и сведения, представляющие иное понимание события, и найти в них новые

смыслы. Писатель выступает в роли защитника от исторического будущего и меняет исторические клише и ярлыки с событий и людей.

Начальная установка: изоляция младенца была нужна для восстановления потомков Петра на престоле (Елизаветы), а выросший претендент, даже заточённый в крепости, стал угрозой воцарившейся в 1862 г. Екатерины. Слухи и документы подтверждали слабоумие Иоанна, но его изоляция должна была стать окончательной при малейшей угрозе власти.

Тот же механизм возведения слухов и сплетен в жанр исторического документа раскрывается Соснорой и в повествовании о Василии Мировиче. Отзыв Екатерины: «Он был лжец, бесстыдный человек и превеликий трус. Он был сын и внук бунтовщиков» [3. С. 157]. Екатерина знала громкую фамилию: дед Мировича, предав Петра I, ушел с Мазепой, отец был сослан в Сибирь за связи с Польшей, немногочисленные родовые имения конфисковала Тайная канцелярия. Екатерина должна была знать, что 24-летний подпоручик участвовал в перевороте 1762 г. и надеялся вернуть славу и состоятельность рода: он писал письма императрице, что влюблен и жаждет послужить ей и Отечеству, однако он получил резолюцию: «Детям предателей Отечества счастье не возвращается». По официальной версии, подхваченной историками, униженное честолюбие, зависть, пьянство и карточные долги толкают Мировича к заговору в пользу Ивана VI. Соснора приводит документ с претензиями Мировича на суде, записанными Паниным: стать любимцем Екатерины, посещать все места, где бывает она, поступить в гвардию, вернуть все имения фамилии. Мирович выступает как плебей, которого обошли милости государыни: «офицерское самолюбие», «программа плебея», «дешевое фрондерство». Такой образ Мировича закрепился в истории и был растиражирован в русской беллетристике. Г.П. Данилевский, автор романа «Мирович», писал: «Я старался быть верным преданию и истории, которые рисуют Мировича самолюбивым, мало развитым и легкомысленным «армейским авантюристом», завистливым искателем карьеры, картежником, мотом» [3. С. 162]. Таким образом, первая часть повести дает одну сторону образа-маски Иоанна Антоновича и Мировича: сумасшедший претендент на престол и авантюрист в поисках собственной выгоды.

Во второй части повести «все факты остаются» в той же последовательности, но меняется их интерпретация, что отражает название: «Смерть узника и казнь поэта». Соснора показывает, как исторический текст может оторвать специально замалчиваемые смыслы, создать новую версию исторического события. Например, донесения коменданта Шлиссельбургской крепости Овцына не содержат прямых указаний на сумасшествие Иоанна, фраза о повреждении в уме вырвана из контекста самой Екатериной и процитирована в Сенате. До бешенства узника доводила, забавляясь, охрана. Соснора приводит свидетельства Петра III, барона Ассбургга, тайного советника датского посла при русском дворе, барона Корфа, полицмейстера Петербурга, обершталмейстера Нарышкина – никто из этих особ не заметил сумасшествия, косноязычия, заикания, дикости Иоанна, наоборот, они свидетельствуют, что «разговор Иоанна не только рассудителен, но и даже оживлен» [3. С. 190]. Он читал, хорошо знал Библию, спорил на богословские темы, он был здоров, волновал своей судьбой Вольтера и других философов, был пятном на репу-

тации просвещенной монархии и был опасен, поэтому требовал немедленного устранения. Интерпретация документов показывает, что ложь об Иоанне сознательно создана в интересах Екатерины Сенатом, а исполнителя устранения Екатерина нашла в романтическом Мировиче.

Главной чертой, легшей в основу мифа о Екатерине, по свидетельствам современников, было умение очаровывать, играть и на пороках, и на достоинствах людей, она умела выбирать людей для подвигов. Мирович, подавший в Сенат жалобу на Екатерину, не был наказан, по свидетельствам близких ему людей, ему была назначена аудиенция у государыни, подробности которой остались неизвестны. Неизвестны обещания Екатерины Мировичу, неизвестны условия договора, но сохранились архивы Шлиссельбургской крепости и Тайной канцелярии, в которых найдены отчеты, доносы, инструкции заказчиков убийства и расписки наемных убийц, получивших по семь тысяч рублей за исполнение. Мирович выступил прикрытием замысла устранения опасного претендента на престол и казнен как государственный преступник. Суд над Мировичем был скорым, Екатерина торопила Сенат, не было проведено дознания пыткой, не было опроса свидетелей, не найдены другие заговорщики, даже родители Мировича не были допрошены. Был нарушен процесс судопроизводства, о чем есть записка члена Сената, барона А. Черкасова, но он не был принят во внимание. Так была создана официальная версия о заговоре Мировича, в результате которого случайно был убит Иоанн Антонович.

Соснора, цитируя осторожные комментарии историка К. Валишевского («В процессе Мировича были действительно странные подробности; так, по личному распоряжению императрицы, не было сделано попыток найти участников заговора, а их, между тем, не могло не быть; даже родителей Мировича не подвергли допросу. Но все-таки это слишком неясные указания, чтобы можно было заключить по ним о виновности Екатерины» [11. С. 320]), разворачивает версию сговора Екатерины и Мировича, в результате которого первая освободилась от постоянной угрозы переворота, второй был обманут и казнен. Мирович в версии Сосноры выступает как умный, образованный, талантливый (хорошо рисовал, писал стихи) человек, понявший, что его обманули, но не выдавший государыню, к которой благоволил. В доказательство своей версии Соснора приводит документ – предсмертное стихотворение Мировича, в котором он увидел поэтически зашифрованные условия договора – обещанную эмиграцию (Париж и Прага).

Обращение поэта В. Сосноры к исторической тематике не случайно: актуальной для шестидесятников, как уже говорилось, была проблема подавления человека властью, и, помимо аллюзий на современность, историческая проза Сосноры обнаруживала повторяемость таких ситуаций, не связанных только с современностью. Поэт-авангардист, предвосхищая русских постмодернистов, заговорил о роли слова, документа в хранении исторической памяти и обнаружил девальвацию документа, необходимость прочитывать документ боковым зрением, обнаруживая вариативность исторических смыслов и даже исторических событий. Самоопределение человека в мире текстов – глобальная проблема, но она связана с проблемой поэта, творящего тексты, и в поэтической системе Сосноры это наиболее значимый мотив. Предраспо-

ложенность к историческим версиям у Сосноры связана с его поэтическим мышлением, предполагающим значение иносказания в открытии прошлого, значении духовного прозрения в определении лжи и истинности текстов. Наконец, авторская стратегия Сосноры, проявившаяся в повестях о русской истории, важна для понимания современной псевдоисторической прозы, прежде всего отсутствием пренебрежения к текстам при понимании возможной фальсификации смыслов в текстах.

Литература

1. Рыбальченко Т.Л. От редактора // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 7: Версии истории в литературе XX века / ред. Т.Л. Рыбальченко. Томск, 2005. С. 3–4.
2. Тынянов Ю.Н. Как мы пишем // Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М., 1993. С. 150–157.
3. Соснора В. Властители и судьбы: Литературные варианты исторических событий: Повести. Л.: Сов. писатель, 1986*.
4. Державин Г.Р. Полное собрание сочинений / под ред. Д.Д. Благого. Л.: Сов. писатель, 1957. (Библиотека поэта. Большая серия).
5. Грот Я.К. Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1997.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1989.
7. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 73–74. Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Kluch/_22.php (дата обращения: 8–9 июля 2011).
8. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ч. 3. Глава «Петр III и переворот 1762 года». Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Plat/_22.php (дата обращения: 8–9 июля 2011).
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен Т. 25. Гл. 1. Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Solov/_22.php (дата обращения: 8–9 июля 2011).
10. Костомаров Н.И. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Гл. 22. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/kost/index.php (дата обращения: 8–9 июля 2011).
10. Валишевский К. Роман императрицы. Екатерина II. М., 1990. Репринтное воспроизведение издания: СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1908.

---

* Все цитаты из повестей приводятся по данному изданию

УДК 82.09

DOI 10.17223/19986645/17/6

В.С. Киселев

**ЭВОЛЮЦИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ
СТРУКТУРЫ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» В.А. ЖУКОВСКОГО
(1808–1811)¹**

Статья посвящена стратегиям формирования ансамблевого единства в журнале «Вестник Европы» в период редактирования В.А. Жуковского (1808–1810 гг.). Устанавливаются ориентиры издателя в пространстве общественно-политических и литературно-критических полемик эпохи. Особое внимание уделено мировоззренческой и художественной программе журнала. Подвергается анализу поэтика циклизации, способствующая тесной интеграции материалов.

Ключевые слова: русская литература, русская журналистика, В.А. Жуковский, «Вестник Европы».

За время редактирования и соредктирования В.А. Жуковского «Вестник Европы» (1808–1811 гг.) прошел несколько стадий развития, трансформировавшись из авторского литературного журнала в энциклопедическое полисубъектное целое. Обе модели предлагали свои подходы к общению с читателем и способы интеграции материала. Заметим, что до настоящего момента они еще не рассматривались в контексте ансамблевого целого, хотя целый ряд исследований позволил выявить несомненную последовательность, системность в составе основных жанрово-тематических групп и разделов журнала [1. С. 108–137; 2. С. 173–192; 3. С. 3–19; 4. С. 10–12; 5. С. 141–222]. Учитывая эти наблюдения, представляется целесообразным сосредоточиться на эволюции коммуникативно-повествовательной структуры «Вестника» от 1808–1809 к 1810–1811 гг.

Главным связующим звеном журнала в 1808–1809 гг. был образ автора-издателя, разворачивавшего перед читателем панораму своих эстетических идеалов и прибегавшего к формам субъективного письма – в журнальных жанрах, беллетристике и лирике. С данной точки зрения журнал доводил до завершения тенденцию «дневниковой» циклизации, основанной на примате индивидуального видения [6. С. 101–112]. Ей, однако, издатель придал обобщенно-символическое звучание, подчинив сенсуалистскую хаотичность дневника авторской целенаправленной рефлексии и сделав личностный кругозор производным универсальной – романтической – концепции человека. В отличие от Н.М. Карамзина, обращавшего своими журналами к динамике бытия личности в «большом мире», т. е. восходившего от дневника к хронике, Жуковский подчинил хроникальную форму задачам самопознания личности, устройства ее малого мира.

---

¹ Статья подготовлена при финансовом содействии гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых МД-3069.2011.6.

Такова была принципиальная позиция журналиста, программно озвученная в статье «Несколько слов о том же предмете» («Писатель в обществе» [7. С. 118–135]). Здесь Жуковский, отталкиваясь от своего опыта, четко разделял две экзистенциальные сферы, «семейственную», в «которой он <писатель> счастлив, любим и любит», «где он беседует с самим собою, <...> совершенствует душу свою», и публичную, «светскую», куда «он входит изредка <...>, желая единственно приобретения некоторых новых понятий, некоторой образованности, необходимой его таланту» [7. С. 134]. Обратной стороной этого самообразования выступало, по Жуковскому, воздействие на своих собеседников и читателей, лишенное глубокой интимности: «Вся деятельность его в сем круге ограничится единственно тем влиянием, которое он может иметь на него посредством своего таланта» [7. С. 134].

Журналист обозначил и скрытую цель влияния, не ограничивающегося распространением знаний. Дело в том, что «писатель имеет в обществе существенное преимущество перед людьми светскими; он может порядочнее и лучше мыслить. От умственной работы, которой посвящена большая часть его дня, приучается он обдумывать те предметы, которые светский человек только что замечает; <...> привычка приводить в порядок, предлагать в связи и выражать с точностию свои мысли дает понятиям его особенную ясность, определенность и полноту, которых никогда не могут иметь понятия человека, исключительно занимающегося светом: последний по причине разнообразия предметов, мелькающих мимо него с чрезвычайною быстротою, принужден, так сказать, ловить их на лету и устремлять на них внимание свое только мимоходом» [7. С. 125]. Таким образом, публичный писатель, «когда желает произвести нечто полезное для общества» [8. С. 19], должен заботиться не только о наполнении ума современников, но и о его развитии.

Эта цель недостижима без знания своего читателя, учета его социального статуса, уровня подготовленности и круга интересов. С данной точки зрения Жуковский сразу ориентировал журнал на светскую публику. Да, утверждал он в «Письме из уезда к издателю», «одинакие понятия о наслаждениях жизнью соединяют чертоги и хижину», различаясь только «средствами находить счастье», которые для светского человека «разнообразнее и тонее», а для простолюдина «проще и легче» [8. С. 15]. Тем самым просвещение, т.е. «искусство жить, искусство действовать и совершенствоваться в том круге, в который заключила нас рука Промысла» [8. С. 14], ориентировано на выявление общечеловеческого смысла, но универсальность эта полнее всего проявлена в образованном дворянине – к нему и обращен «Вестник Европы». Для остальных категорий читателей Жуковский попытался наметить ограниченную программу просвещения, тоже универсальную, только на уровне простейших жизненных понятий и потребностей («О новой книге: Училище бедных, сочинение г-жи ле Пренс де Бомон»/1808. № 21/).

В рецептивном плане типология читателей была произведена журналистом в статье «О критике» [9. С. 33–49], где выделялось «два рода читателей: одни, закрывая прочтенную ими книгу, остаются с темным и весьма беспорядочным о ней понятием – это происходит или от непривычки мыслить в связи, или от некоторой беспечности, которая препятствует им следовать своим вниманием за мыслями автора и разбирать впечатления, в них производимые

красотами или недостатками его творения; другие читают, мыслят, чувствуют, замечают прекрасное, видят погрешности – и в голове их остается порядочное, полное понятие о том, что читали» [9. С. 37–38]. В этом плане журналист целенаправленным отбором, организацией и критическим комментарием к текстам должен давать «Ариаднину нить рассудку и чувству» [9. С. 38] рассеянной светской публики, оставляя «своим», интимно-домашним адресатам и друзьям-писателям свободу самостоятельного восприятия.

Мировоззренческую основу подобного общения Жуковский выявил в переводной статье «О нравственной пользе поэзии» [10. С. 161–172], которую можно назвать манифестом эстетического воспитания. Здесь писатель тщательно разграничил прагматические цели литературы и ее подлинную художественную сущность. Задача нравственного воздействия – «усовершенствование целого существа нашего» [10. С. 166]. Условие поэтического влияния – пробуждение чувственных способностей личности, приведение в гармонию ее воображения, эмоций, мышления. Обе сферы неразрывно связаны, однако не должны отождествляться: «Стихотворцу не нужно иметь в виду непосредственного образования добродетелей» [10. С. 164]. Такие поучения «могли бы заключаться не в самой книге, а разве только в ее предисловии или дополнении» [10. С. 170]. Сам же поэт создает завершенные образные миры, прекрасные и истинные в самих себе. Они являются для читателя живым образцом чувствования, сознания, поведения, а потому легче и глубже воздействуют на развитие личности, опережая исключительно нравственное влияние.

Очевидное применение эта концепция находит в журнале, состоящем, с одной стороны, из художественных произведений, с другой – из нравственно-философских и эстетических комментариев к ним, «предисловий и дополнений». Подробную программу такого журнала Жуковский разработал в «Письме из уезда». Первым делом он подчеркнул сосредоточенность «Вестника» на литературе, преимущественно отечественной, усматривая в ней самое эффективное средство личностного развития: «Читать <...> – действовать в уединении с самим собою для того, чтобы научить себя действовать в обществе с другими, – есть совершенствоваться» [8. С. 7]. Журнальное чтение, кроме того, имеет свою специфику, оно предполагает приоритет занимательности, художественности над прагматическим воздействием, ибо «уроки морали ничто без опытов, и критика самая тонкая ничто без образцов» [8. С. 9].

Художественная установка, по Жуковскому, подчиняет себе все журнальные дискурсы, публицистику, документально-информационные жанры, критику, возводя их к определенному, субъективно ориентированному миру-образу: «Политика <...> питает одно любопытство; и в таком только отношении журналист описывает новейшие и самые важные случаи мира» [8. С. 8]. В этом плане предметы журнала – «сцены кровопролития», «сцены благоденствия и мира», «великие характеры», «новые открытия человеческого ума», а в целом «листы его <...> соединяют читателя со всеми отдаленными и близкими краями земли» [8. С. 8–9]. Личностный смысл данной картины мира открывает нравственно-философская эссеистика, которая «предлагает <...> хорошие мысли <...>, рассуждая как моралист или метафизик о предметах, важных для человека» [8. С. 8], но в первую очередь поэзия и беллетристика,

«в которой идеальное нравилось бы сходством своим с существенностью, которая доставляла бы любопытному удовольствие сравнивать истину с вымыслом, самого себя с романическим лицом и, может быть, объяснять многое, в собственном сердце его казавшееся тайною» [8. С. 8].

Дальнейшая специализация журнала вредна, поскольку уводит от целостного самопознания, ее можно дополнить, что Жуковский и сделал впоследствии, только эстетическими разборами, образующими вкус и мышление читателя, т.е. в идеале всю гамму его чувственно-интеллектуальных способностей (см. статью «О критике»). Составленный таким образом журнал, универсальный, но подчиненный художественному заданию, успешно выполнит цель приготовления человека к деятельности «в своем особенном круге», в том числе к чтению специализированных книг – без утраты единой личностной перспективы. «Итак, существенная польза журнала, не говоря уже о приятности минутного занятия, состоит в том, что он скорее всякой другой книги распространяет полезные идеи, образует разборчивость вкуса и, главное, приманкою новости, разнообразия, легкости, нечувствительно привлекает к занятиям более трудным, усиливает охоту читать и читать с целью, с выбором, для пользы!» [8. С. 13–14].

Столь тщательно отрефлексированная журналистом стратегия эстетического воспитания позволила создать уникальное в своем роде ансамблевое целое, ограниченное в содержательном плане, но в его пределах стремящееся к полному охвату аспектов и ракурсов личностного бытия. Во всей широте эта тенденция развернулась во второй период редактирования «Вестника», с осени 1808 до осени 1809 г., когда «дневниковое» ядро журнала уже заявило о себе, связав номера интимно-мировоззренческой семантикой и общим образом автора, и позволило усложнить метатекстовую структуру. Существенную роль здесь сыграло возвращение М.Т. Каченовского, сначала как сотрудника, взявшего на себя ответственность за хроникально-публицистические и научно-исторические материалы, а затем и как соредактора (с ноября 1809 по конец 1810 г.), настойчиво подвигавшего журнал к специализации, к преобразованию «светского» универсализма в жанрово и содержательно дифференцированный энциклопедизм.

Это до определенной степени совпадало со стремлениями Жуковского и позволяло ввести в журнал элемент стереоскопичности. Соиздатели представляли две диалогически соотнесенные кружковые программы – литературную, построенную на примате дружеского общения и близости художественных поисков, и «ученую», основанную на профессиональных интересах.

Так, по «Вестнику» можно было следить за расширением литературных знакомств Жуковского. На первых порах вкладчиками оставались старые товарищи: «Ты, Блудов, – писал в Петербург издатель, – мог бы доставлять мне рисунки и планы лучших петербургских зданий, разумеется, с описаниями; это было бы полезно для моего журнала, который хочу украшать не только пером, но и резцом» [11. С. 37–38]. Скромным плодом обращения выступили письма Н.Ф. Алферова (1808. № 7, 11), переправленные Д.Н. Блудовым и наполненные описаниями европейских архитектурных достопримечательностей. «Если бы ты не был и ленив и беспечен, – укорял журналист А.И. Тургенева, – то мог бы быть весьма полезен моему изданию. Первое, доставляя

разные известия о ученых обществах петербургских, о литературе, театре и разных разностях, являющихся на горизонте петербургского мира или, по крайней мере, ты мог бы надоумить двух-трех и до полдюжины хлопотливых и умных человек <...>, которые присылали бы мне разные известия» [11. С. 47]. Эти планы не осуществились, и Тургенев дал для «Вестника» лишь материалы из архива А.Д. Кантемира («Георг II, английский король...». 1808. № 4), перевод небольшой статьи-письма О. Ворма «О детях Антона-Ульриха» (1808. № 15) и свой очерк «Путешествие русского на Брокен в 1803 году» (1808. № 22). Н.И. Тургенев поделился еще письмом-отчетом «О пребывании двух императоров в Эрфурте» (1808. № 23).

Более активными участниками журнала, связанными еще со времен «Дружеского литературного общества», выступили А.Ф. Мерзляков и А.Ф. Воейков, регулярно предоставлявшие в распоряжение издателя свои стихи и переводы. Отметим, что память о дружеском круге Жуковский постарался воскресить сразу – стихами Мерзлякова на смерть Ан. Тургенева «К друзьям» с показательной пометой «Писано в 1803» (1808. № 2).

С осени 1808 г. в «Вестник» постепенно приходят новые авторы-карамзинисты. В октябрьском номере дебютировал П.А. Вяземский с ученическим «Посланием к <Жуковскому> в деревню» (1808. № 19). Это знакомство – через Карамзина – быстро переросло в дружбу, а благодаря публикациям в «Вестнике», все более частым и репрезентативным (подборки в № 24 за 1808, № 4, 6 за 1809 и др. [12. С. 42–47]), стало свидетельством плодотворного развития карамзинской школы. Позже, тоже у Карамзина, Жуковский лично встретится с К.Н. Батюшковым, стихи которого уже публиковал (1809. № 6). С ноября 1809 г. участие Батюшкова в журнале будет регулярным (1809. № 21, 23; 1810. № 3 и др.). Нужно подчеркнуть, что издатель старался представить читателю молодых авторов в своеобразии их дарования, печатая эпиграммы и послания Вяземского и элегико-антологические опыты Батюшкова. Они дополняли и оттеняли творчество самого Жуковского, составляя основу младокарамзинистской преромантической словесности.

С возвращением М.Т. Каченовского в «Вестнике Европы» начал расширяться и круг его ученых корреспондентов – митрополит Евгений (Е.А. Болховитинов), П.Ф. Калайдович, И.Р. Мартос, Н.П. Брусилов, И.Т. Буле и др. Их участие в журнале оставалось пока эпизодическим, и «Вестник» сохранял свой монологический каркас, будь то раздел литературный (переводы Жуковского) или научно-публицистический (статьи и переводы Каченовского), но потенциально соседство двух программ, до поры мирное, расслаивало ансамблевый миропорядок на сферы, по удачному определению Г.В. Зыковой, «образцов» и «правил» [13. С. 18–34], целостно-художественного воссоздания действительности и аналитического ее рассмотрения. Взаимодействие этих установок определило новый характер журнального нарратива, превратив его из интимно-психологического размышления в дискурс об историческом бытии.

Прежде всего, с введением в «Вестник» разноаспектного материала изменился регистр восприятия, требовавший более сложной техники проблемно-повествовательного согласования ансамбля. На это в пору начавшихся конфликтов между издателями раздраженно указывал Каченовский (письмо от

24 сентября 1810 г.): «Писать критику и выбирать мелкие статьи гораздо труднее, нежели переводить из готовой книги» [14. С. 91]. Трудность здесь заключалась в следовании за текучестью социокультурного и литературного момента, в освещении новых ситуаций и вопросов, в широте их осмысления.

Жуковский, заметим, сам сознавал эту сложность, открывая для себя сферу историографии, социальной публицистики, критики: «Надобно осудить себя, – писал он А.И. Тургеневу, – на несколько лет ученической деятельности или приговорительной, дабы набрать сведения» [11. С. 84]. При всей авторской скромности, однако, именно его видение, стремящееся к «философическому взгляду на происшествия в связи» [11. С. 75], к выявлению общезначимой и одновременно личностной перспективы явлений, выступало скрепляющим звеном журнала, подготавливая специально-дифференцирующее освещение Каченовского. Причем если одного редактора больше привлекали результаты рефлексии, то другого сам ее процесс.

Подчиняясь действию этой «объективной» установки, в журнальной прозе Жуковского постепенно повышалась роль документальных жанров, смещавших интерес от дневника (этико-психологического начала) к хронике (проблемы «внешнего» бытия личности). Информационно-познавательная составляющая находила воплощение, прежде всего, в регулярных очерках-путешествиях. Показательно, что размещались они в разных рубриках, и ориентиром здесь выступало наличие личностного взгляда: описательно-статистические попадали в отдел политики или науки (в 1809–1810 гг. их переводчиком был в основном Каченовский), а имеющие субъективный колорит – в литературный.

Так, переводы из «Путешествия в Иерусалим» Ф.Р. Шатобриана, насыщенные этнографическим, историческим и географическим материалом, но пронизанные авторской рефлексией и часто лирические по звучанию, публиковались в «Смеси» (1810. № 10, 17, 22). Они своеобразно венчали собой обширный ряд от беллетризованного очерка Г. Меркеля «Путешествие Ж.-Ж. Руссо в Параклет» (1808. № 2) и картинного «Падения Ниагары» Шатобриана (1808. № 3) до «Воспоминаний об Ост-Индии» Я. Хафнера (1809. № 20) и «Отрывков из писем об извержении Везувия» (1810. № 22) [15. С. 43–63]. В них, по справедливому заключению И.А. Айзиковой, «голос повествователя <...> слышится всюду и непосредственно, он описывает окружающий его мир, размышляя при этом и об общем, вечном, и о себе» [5. С. 172]. Продолжением этой линии выступали очерки Н.Ф. Алферова (1808. № 7, 11; 1810. № 8), А.И. Тургенева (1808. № 22), Н.Р. Мамышева (1809. № 6, 7, 8), К.Н. Батюшкова (1810. № 8) и др.

Наличие в журнале такой личностной повествовательной инстанции вносило определенный оттенок в восприятие «объективных» материалов, составлявшихся Каченовским, начиная с очерка «О Персии» (1808. № 15) и заканчивая «Статистическими замечаниями о Франции» Х.Х. Дабелова (1810. № 20). Заимствованные в основном из неспециализированных журналов и популярных книг, они были ориентированы на интерес читателя к экзотическим странам (Восток, Америка, Африка) либо государствам, находившимся в центре политико-экономической жизни Европы (Испания, Франция, Англия, Германия). Тем самым в большей или меньшей мере эти статьи предполагали пусть не эмоциональный, но интеллектуально-ценностный отклик,

связанный, например, с войной в Испании (разножанровый «испанский» № 20 за 1808 г.) или русско-шведской кампанией (цикл материалов от очеркового «Взгляда на шведскую Финляндию» /1808. № 10/ до батюшковской поэтической «Картины Финляндии» /1810. № 8/).

В широком же масштабе страноведческие материалы «Вестника» отвечали на интерес к национальному колориту, народности, и осознанный шаг в этом направлении делал Жуковский, разворачивая очерковое начало в художественный мирозобраз «восточных» повестей (ряд переводов из А. Сарразена), перенося действие в колониальную Индию («Эдуард Жаксон, Милли и Ж.Ж. Руссо»), Америку («Дорсан и Люция»), Швейцарию («Горный дух Ур в Гельвеции»), Германию («Прусская ваза»), Древнюю Русь («Три пояса», «Марьяна роща», «Людмила») и т.п. Так, возвращаясь к субъективному измерению – воссозданию национального сознания, иногда условному, иногда мотивированному более глубоко поверьями, бытом, социальными условиями, – замыкался круг повествовательной трансформации данного содержания.

На подобную реакцию рассчитывались и научно-популярные заметки, сообщения об открытиях, по определению Жуковского, «к известным способам пользоваться жизнью прибавляющих новые или более совершенствующих старые» [8. С. 9]. Самого Жуковского в них интересовал «человеческий» смысл, программно акцентированный в переводном эссе И.А. Эберхарда «Науки» (1809. № 19) с его интерпретацией познания внешнего мира как способа этического самопознания личности и совершенствования общества. Отсюда специфический отбор редактором журнальных материалов, сосредоточенный на успехах медицины (1808. № 19; 1809. № 17, 21), педагогики (1808. № 21; 1810. № 4), психологии (1810. № 13).

Эти сообщения дополнялись обширным рядом очерков об ученых (Эйлер), философах (Юм, Декарт, Кант), педагогах и моралистах (Фелленберг, Песталотти, Руссо, Лафатер, Франклин и др.), не входящих в тонкости их теорий, но рисующих живой облик человека. Иногда эту роль выполнял аутентичный документ, вроде «Писем Иоанна Миллера, историка Швейцарии, к Карлу Бонстеттену, другу его» (1810. № 16), интимно мотивировавший цель и нравственный смысл предпринимавшихся ученым изысканий.

При насыщенности подобного контекста и отсутствии жанрово-тематической рубрикации научно-популярные переводные статьи Каченовского в «Литературе и смеси» приобретали особую, личностную перспективу. Впоследствии, когда они были выделены в специальный блок «Науки и искусства», их журнальный интерес в целом снизился, хотя репертуар стал разнообразнее и позволял, на более или менее занимательном уровне, следить за новинками астрономии, ботаники, психологии, археологии и т.п. Тем не менее связь с ансамблевым целым и здесь не была окончательно потеряна, реализуясь в переключках между «таинственными» повестями и балладами Жуковского («Людмила», «Марьяна роща», «Привидение») и такими, например, статьями, как «О предчувствованиях во сне» С. Либошица (1810. № 13), или эстетическими его эссе и центральными в рубрике материалами по истории литературы и искусства.

Взаимодополнительность двух видений, субъективно-художественного и объективно-научного, в особенности ощущалась в сфере исторической, главным предмете Каченовского и центре напряженного интереса Жуковского в 1809–1810 гг. в пору созревания замысла эпической поэмы о Владимире. Писателя не занимала узкоисторическая проблематика – критика источников, накопление и проверка фактического материала, частные темы. В этом Жуковский шел за Карамзиным, уже в «Вестнике» поставившим личность в центр исторического дискурса («О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича» и другие статьи). В период своего единоличного редактирования он предпочитал печатать статьи, посвященные не отвлеченной проблеме, а конкретному историческому лицу. С такой статьей, в частности, вернулся в журнал Каченовский («Выписка из жизни князя Шаховского» /1808. № 17, 18/).

Еще один объект его внимания – это документ, причем открывающий человека не с официальной стороны, а с точки зрения психологически-бытовой. Подобные свидетельства Жуковский стремился публиковать регулярно, начиная с донесения А.Д. Кантемира «Георг II, английский король» (1808. № 4) и заканчивая письмами принца де Линя к Екатерине II (1809. № 19, 21) и воспоминаниями биографа Суворова Е.Б. Фукса (1810. № 5, 10). В них король, императрица, военачальник выступали как частные люди со своим складом характера и мыслей, иногда чудаковатые. В последнем моменте документ соединялся с анекдотом, который также был широко представлен на страницах «Вестника». Исторические лица («Черты из жизни Суворова» /1809. № 18/), писатели и музыканты («Анекдоты из жизни Иосифа Гайдена» /1810. № 11/), просто личности с нестандартным поведением («Чудаки» /1810. № 13, 14/, «Анекдот о свадьбе Ривароля» Батюшкова /1810. № 23/) – они демонстрировали неоднородность человеческой природы, отражающую сложность окружающего мира. При всем том для Жуковского сохраняло свою значимость просветительское понимание истории как нравственного урока, способа воспитания сограждан, что он программно подчеркнул переводом «Писем Иоанна Миллера».

Без подобного ценностно-пластического фона принципы скептической историографии, проводимые Каченовским, выглядели скорее разрушением истории, нежели приближением к ее пониманию. Ученый в «Вестнике Европы», ориентируясь на своего, «ученого» читателя, стремился прежде всего развернуть панораму специальных проблем, связанных с источниками русской истории и методологией их исследования. К первому разряду относились статьи археолого-этнографического плана («Исторические замечания о древностях Великого Новгорода» Е.А. Болховитинова /1808. № 16/, «Об источниках для русской истории» Каченовского /1809. № 3, 5, 6, 15/ и др.), ко второму – опыты разбора и сопоставления документов, интерпретации реалий и т.п. («Параллельные места в русских летописях» Каченовского /1809. № 18/, «О Несторе и продолжателях его летописи» Н.П. Брусилова /1810. № 20/ и пр.) [16. С. XVI–XXII].

Сам издатель видел в подобных аналитических материалах подготовку к грядущему синтезу, восстановлению достоверной и широкой картины исторической жизни России, что не мешало ему сосредоточиваться на частностях

и деталях, подобных «Исследованию банного строения, о котором повествует Нестор» (1810. № 1), породившему долгую и незанимательную для широкого читателя полемику. Это упорство, как показала Г.В. Зыкова, исходило из желания противопоставить идеал объективной научности как скороспелым полухудожественным обобщениям Карамзина и карамзинистов, так и дилетантским лингво-археографическим разысканиям Шишкова и «славенофилов» [13. С. 70–79]. Для популярного журнала, однако, подобное идейное и особенно дискурсивное размежевание, отвергавшее в принципе беллетризацию исторического материала, было малопродуктивным – и субъективно-художественный подход Жуковского выступал здесь лучшим дополнением, шагом к синтетическому романтическому историзму.

Более того, в его прозе, хотя в основном на переводном материале, возобновилась заложенная Карамзиным тенденция рассматривать личность, ее духовно-нравственный облик через призму социально-исторического бытия. К тому склоняла уже специфика журнала, сопрягавшего литературу и политику и требовавшего отклика на актуальные общественные вопросы, пусть в минимальном объеме. Результатом стали обращение Жуковского к новым для него жанрам публицистики и попытка определить свой взгляд на социальное устройство. Основой его, как и всего мировоззрения писателя, выступили категории нравственно-психологические: справедливым Жуковский признавал то общество, в котором каждому человеку возможно найти счастье в малом жизненном кругу, уготованном ему Провидением. Счастье же понимается как ощущение гармонии между внешним положением личности, прежде всего сословным, и мировосприятием, нацеленным на деятельное совершенствование в своей сфере.

Научить способам такой гармонизации и должен был в идеале издаваемый Жуковским журнал, предлагавший целую программу социально-нравственного воспитания. Опорные ее пункты намечались в немногочисленных, но принципиально значимых публицистических выступлениях – «Письме из уезда к издателю», «Училище бедных...» и комментарии к «Печальному происшествию» (1809. № 9), в которых писатель переходил от изложения своей концепции всесословного образования к анализу социальных эксцессов, вызванных ее несоблюдением (судьба Лизы). Предупредить или ослабить их была призвана, с «теоретической» стороны, моралистика журнала, педантично разъяснявшая смысл жизненных испытаний и противопоставлявшая им духовные ценности дружбы, любви, творчества, семейной гармонии, а с практической – регулярные филантропические акции, научавшие добру на конкретных образцах (1808. № 13, 17; 1809. № 8, 13 и др.). Но, конечно, приоритет здесь оставался за художественным воздействием, сопрягавшим психологический анализ сложных социальных ситуаций с нравственным обобщением. Так выстраивался ряд от перевода шиллеровской повести «Ожесточенный» (1808. № 6, 7) до очерка «Эдуард Жаксон, Милли и Ж.Ж. Руссо» Г. Меркеля (1810. № 2).

Именно через эти произведения осуществлялась в журнале перекличка с публицистикой Каченовского и других авторов, переносившей акцент с проблем личностного бытия на проблемы общественные. Образцом здесь может служить повесть М. Эджеворт «Прусская ваза» (1808. № 20–21), посвященная

судьбе маленького человека при деспотическом режиме Фридриха Великого, и «Письмо Е.Б. Фукса о последней войне французов с пруссаками», в котором причиной поражения Пруссии называлось превращение солдата в «неодушевленное орудие», «частицу машины» [17. С. 21]. Если вспомнить еще и колоритную картину суда в повести М. Эджеворт, то от нее тянутся нити к циклу статей, обсуждавших вопросы конституционного ограничения монаршего самовластия («О некоторых выгодах германской конституции» /1808. № 14/; «О соединении государств и смешании народов» /1809. № 8, 10/; «О сравнении Ликургова законодательства с Солоновым» /1810. № 7/ и др.).

Подобные линии смысловой преемственности можно заметить в «Вестнике Европы» 1808–1810 гг. применительно к проблеме крепостного права, в отношении к Французской революции и т.д. [1. С. 108–137]. И при всей скромной роли публицистического отдела в соседстве с многочисленными историческими материалами он выступал как пространство утверждения историзма, что нагляднее всего проявлялось в переводах Каченовского, подобных статье «О предрассудках» (1808. № 18) или «Бурбонам невозможно править» (1809. № 4), утверждавших принцип изменчивости общества. Хотя Каченовский видел причины его более в области социально-экономической (ср. многочисленные статьи о развитии торговли и экономики разных стран), а Жуковский в сфере нравственно-психологической, производной сложности человеческой природы, но в сочетании оба подхода открывали динамичную панораму современной истории.

Одним из моментов ее становилась литературная жизнь, освещать которую был призван отдел критики. Трудности утверждения этого раздела в журнале в период редактирования Жуковского, вначале отказавшегося, по примеру Карамзина, от критических разборов, но с 1809 г. пересмотревшего свою позицию, уже служили объектом нашего рассмотрения [6. С. 101–112]. Наряду с тактическими соображениями здесь играла свою роль и ансамблевая телеология: образ изменчивой действительности не мог обойтись без проекции на литературную сферу, будь то перипетии кружковой борьбы, динамика жанров или, в самом общем плане, проблемы исторического развития словесности.

Показательно, что у самого Жуковского опыты подобных экскурсов (за исключением узко полемических) вырастали из черновых, нацеленных на самообразование материалов («Конспект по истории литературы и критики»), демонстрируя превращение «дневниковых» эстетических рефлексий в хронику литературно-театральной жизни. В основе ее, однако, сохранялась «личностная» установка, с одной стороны, призванная акцентировать индивидуальное своеобразие произведений или авторских позиций, а с другой – развить художественную восприимчивость читателя, залог его нравственного совершенствования (см. обоснование этой позиции в программных статьях «О нравственной пользе поэзии» /1809. № 3/, «О критике» /1809. № 21/, «Два разговора о критике» /1809. № 23/). Такую методичку А.С. Янушкевич назвал «комментированным чтением» [18. С. 73], погруженным в эстетико-психологические нюансы анализируемых образцов (ср. «Московские записки» /1809. № 22–24/). Совокупность этих разборов тем не менее не превращалась в субъективную панораму пристрастий, но открывала перспективу исто-

рической эволюции, итог которой ретроспективно был подведен в статье «О поэзии древних и новых» (1811. № 3).

На фоне жанрового канона басни, сатиры, трагедии Жуковский выявлял индивидуальные модификации жанра, выстраивая диахронные (греческие трагики – французские классицисты – современные пьесы; Гораций – Кантемир и т.п.) и синхронные (Гораций – Ювенал, Вольтер – Кребильон – Альфиери, Крылов – Дмитриев) ряды. Углублению материала служили теоретические экскурсы, вводившие в анализ романтические по духу категории эстетического идеала, авторской субъективности, художественной целенаправленности и органичности и применявшие их к конкретным произведениям, вскрывая уровень достоинства последних («Радамист и Зенобия» С. Висковатова, «Электра и Орест» А. Грузинцева).

Жуковский, впрочем, видел в критике не самоценное, но подсобное средство, предпочитая воспитывать читателя на «образцах», специально подобранных произведениях, адаптированных к журнальному восприятию, в меру занимательному, в меру серьезному. Отсюда его стремление создать в «Вестнике Европы» панораму современной европейской словесности в ее рядовых, иногда тривиальных проявлениях, облегчавших усвоение новых идей и форм [19. С. 17–27; 20; 21. С. 25–53]. Каченовский, будучи преподавателем не только истории, но «изящных наук», старался дополнить «образцы» «правилами» и, уже отталкиваясь от них, выстроить историческую перспективу. С 1809 г. эти две линии, эстетическая и историческая, образовали в журнале непрерывный ряд. Среди исторических обзоров мы найдем экскурсы и в древнюю литературу (1810. № 5, 7, 8 и др.), и в словесность множества европейских народов – греков (1809. № 1), французов (1809. № 5), испанцев (1809. № 7), немцев (1809. № 17), итальянцев (1810. № 1, 2). Параллель к ним составляли теоретические статьи, трактовавшие категории эстетики, вопросы поэтики различных жанров, а с 1810 г. еще и проблемы искусствоведения (№ 11, 16, 23, 24).

Как констатировали Л.В. Митюк и Г.В. Зыкова, эти материалы, выдержанные в основном в русле просветительских представлений, нередко заключали в себе предвестия романтических идей [3. С. 3–19; 13. С. 67–69], что делало немногочисленные разборы Жуковского смысловым центром эстетико-критического раздела. Периферию же его составляли рецензии и полемические замечания Каченовского, посвященные не концептуальному освещению словесности, а ее дробной и текучей современности, причем как литературно-театральной, так и научной. Именно в оценке трудов Н. Арцыбашева, И. Мартоса, М. Баккаревича, книг П. Урусова, Н. Страхова, С. Ширина, Шихматова и многочисленных переводов, а также в хронике театральной жизни Москвы («Московские записки») утверждалась позиция издателя в кружковой борьбе – и представление о динамике культурной жизни, требовавшей в идеале объективного освещения.

Каченовский пытался совместить эти подходы, но без особой органичности, внося в научный раздел излишнюю полемичность, а в литературный – нарочитый педантизм. Во всей широте подобная стратегия, во многом вынужденная, навязанная логикой журнальных схваток, развернулась после ухода Жуковского. И тогда выяснилось значение для журнального ансамбля его по-

зии, связывавшей разнообразные материалы единым видением мира и человека и общей программой эстетического воспитания. Именно они выступали противовесом энциклопедической центробежности, тяги к тематической и дискурсной специализации с приоритетом научно-критических жанров. Баланс двух установок, оказавшийся, к сожалению хрупким, порождал особый эффект, о котором ностальгически вспоминал позднее П.А. Плетнев: «Перебирая этот журнал, убеждаешься, что он был действительно посредник между читателями и своей эпохой. В нем ничто не забыто, ничто не упущено. Как драгоценная летопись современности, “Вестник” указывает на все явления истории, литературы и общественной жизни. Конечно, лучшим украшением журнала были собственные сочинения и переводы редактора» [22. С. 384].

Заметим, что Жуковский в конце 1810-х гг. выделит свои произведения из журнального целого и создаст из них особые сборники «Переводы в прозе» (М., 1815–1816) и «Опыты в прозе» (Стихотворения Василия Жуковского. Ч. 4. М., 1818), отмеченные единством образа и мировидения автора. К такой структуре стремился в идеале и его «Вестник Европы», отталкивавшийся от «дневниковой» модели, утвержденной в журналистике «Московским журналом» Карамзина. Тем не менее логика литературного развития выдвигала на первый план объективно-хроникальное начало – по образцу карамзинского же «Вестника Европы». Эту линию в итоге продолжил Каченовский, преобразовав ее в рамках своего видения. Сочетание двух авторских позиций, к которым присоединялись «реплики» других корреспондентов, вносило в журнал элемент диалогизма и становилось шагом не только к политематичности, но и к полисубъектности. Причем «Вестник Европы», являвшийся в 1808–1810 гг. органом карамзинской школы, не имел специфически кружковой ограниченности, стремясь к внепартийной позиции и в дальнейшем. Подобная открытость выступала знаком профессионального подхода к журналистике, пробивавшего себе путь в литературе начала века. И если в конце 1810 – начале 1820-х гг. кружковые журналы от «Благонамеренного» до «Современателя просвещения и благотворения» войдут в пору кризиса и закончат свое существование, то «Вестник Европы» испытание выдержит, оказавшись пусть не первостепенным, но значимым конкурентом журналов Н.А. Полевого и М.П. Погодина, трансформировавших просветительский энциклопедизм в романтическую универсальность, но сохранивших общую модель политематического и полисубъектного ансамбля.

Литература

1. Митюк Л.В. Общественно-политическое направление журнала «Вестник Европы» (1802–1830) // Писатель и литературный процесс. Душанбе, 1974. Вып. 1.
2. Митюк Л.В. Вопрос о романтизме в журнале «Вестник Европы» (1802–1830) // Писатель и литературный процесс. Душанбе, 1974. Вып. 2.
3. Митюк Л.В. Вопросы эстетики в журнале «Вестник Европы» (1802–1830) // Статьи по филологии. Душанбе, 1974. Вып. 4.
4. Поплавская И.А. Эволюция литературной критики в журнале «Вестник Европы» // Проблемы литературных жанров: Материалы VII науч. межвуз. конф., 4–7 мая 1992. Томск, 1992.
5. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск, 2004.
6. Киселев В.С. Формы коммуникативно-повествовательной интеграции в «Вестнике Европы» В.А. Жуковского (1808–1810) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. № 3.

7. *Вестник Европы*. 1808. № 22.
8. *Вестник Европы*. 1808. № 1.
9. *Вестник Европы*. 1809. № 21.
10. *Вестник Европы*. 1809. № 3.
11. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.
12. Зыкова Г.В. Атрибуция некоторых текстов И.И. Дмитриева, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского и М.Т. Каченовского в «Вестнике Европы» 1800–1810-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1994. № 2.
13. Зыкова Г.В. Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): Разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1998.
14. Из неизданной переписки В.А. Жуковского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. Л., 1981.
15. Айзикова И.А. «Путешествие» среди прозаических переводов В.А. Жуковского в «Вестнике Европы» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1988. Вып. 14.
16. Костомаров Н.И. Историческая наука в «Вестнике Европы» до 1830 года // Вестник Европы. 1866. Т. 1. Март.
17. *Вестник Европы*. 1809. № 9.
18. Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск, 1985.
19. Кулешов В.И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). М., 1977.
20. Айзикова И.А. В.А. Жуковский – переводчик прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988.
21. Дмитриева Е.Е. В.А. Жуковский-переводчик в прозе, или Проблема литературы «серьезной» и литературы «тривиальной» // Жуковский В.А. Розы Мальзерб: Европейская новелла в переводах В.А. Жуковского. Псков, 1996.
22. В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999.

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/19986645/17/7

Н.В. Ковтун

**ОБРАЗ ГОРОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПОЗДНИХ РАССКАЗАХ
В.М. ШУКШИНА: МИМЕТИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ¹**

В статье рассматривается образ цивилизации как он описан в различные периоды творчества В.М. Шукшина. Преимущество при анализе отдано зрелым и поздним текстам мастера – наиболее репрезентативным с точки зрения заявленной темы. Представлена картина города, выстраивающаяся в сознании героев, нарратора, автора. Концепция современной цивилизации разворачивается в нескольких направлениях: вещи-символы, присутствующие в деревне и «контекстуально» отсылающие к образу города; устойчивые мотивы и локусы, решение которых на разных временных отрезках было неоднозначным.

Ключевые слова: Шукшин, рассказы, образ города.

Проблема городской и сельской цивилизаций в настоящем отечественной культуры – одна из важнейших в творчестве В.М. Шукшина. В ее решении, в оценке собственно крестьянской и городской культур, произошли серьезные изменения, во многом определившие трансформацию эстетики и поэтики мастера, что позволило исследователям выделить несколько периодов в художественном становлении Шукшина [1]. Если ограничиться новеллистикой, то здесь очевидно различаются тексты начала 1960-х гг., собранные в сборник «Сельские жители» (1964); рассказы второй половины 1960-х гг., наиболее зрелые и самобытные; произведения рубежа 1960–1970-х, в которых усиливается поэтика социального и интеллектуального гротеска, отчетливо выражена позиция автора.

Идеологическое прочтение темы города маркирует прозу Шукшина в целом. Персонажный, фабульный уровни художественного мира писателя в аспекте столкновения двух миров (деревни и города) получили разной глубины интерпретацию, однако практически отсутствуют работы, посвященные семантике **образа города**, во-первых, как устойчивого топоса с присущей ему системой локусов, создающих знаковую пространственную среду; во-вторых, как хронотопа с определенным набором устойчивых ситуаций. Направление для исследований такого рода задает энциклопедический словарь-справочник «Творчество В.М. Шукшина» [2], где отмечены важнейшие для художника вещно-пространственные единицы. Нас интересует система образов, воплощающих городскую среду, характеристики этого пространства как целого, как образа мира, отличного от деревенского. Важно увидеть «двоемирие» Шукшина не как отражение социального расслоения в Советской России (об этом писали, акцентируя идеологическое отношение писателя к современной

¹ Исследование выполнено в рамках интеграционного проекта СО РАН «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей».

цивилизации), но как результат художественного мировидения, процесса семантизации жизнеподобных образов.

Шукшинская модель городского мира складывается на пересечении нескольких точек зрения: персонажей, повествователей или рассказчиков. Среди первых всегда отличны адепты цивилизации, усматривающие в ней высшие достижения науки («Даешь сердце!», 1970; «Медик Володя», 1972), техники («Свояк Сергей Сергеевич», 1969) или комфорт, удобства, развлечения («Игнаха приехал», 1963; «Генерал Малафейкин», 1972; «Чередниченко и цирк», 1970), и ее ярые противники, отнюдь не только сельские жители, которых настораживают бездушные техники, «образцовость» экспонатов на выставках, фиктивность достижений культуры («Артист Федор Грай», 1962; «И разыгрались же кони в поле», 1964; «Случай в ресторане», 1967). Высокая значимость авторской компоновки образов, определяющей уровень кругозора нарратора и героев, интересно, **что и как** художник дает увидеть действующим лицам, а что оставляет вне поля их внимания. Наивное восхищение городом чудика зачастую обесценивается логикой авторского сюжета, и, напротив, ненависть к городу – Ваньки из «Материнского сердца» (1969) – корректируется рассказчиком, переводится из плана враждебности миров на уровень несовместимости людей и т.д. Важно отметить, как одни и те же локусы, вещи-знаки представлены в различные периоды творчества художника, из каких устойчивых составляющих складывается картина цивилизации Шукшина.

В ранних текстах город – «иной мир», представление о котором живёт в сознании всех героев, художественно он только намечен, составляет фон, оттеняющий проблемы деревенской жизни, сохраняющей самооценку. «Вещественно» город почти не описан, символизируется отдельной деталью, штрихом, вызывает удивление, но еще не враждебность, как в зрелых текстах мастера. У «завербованных» городской цивилизацией персонажей **заводы, склады** ассоциируются с изобилием, особым порядком. В воображении колхозного механика Сени Громова («Коленчатые валы», 1962) рисуется «чающая картина заводского склада... Темные низкие стеллажи, а на них, тускло поблескивая маслом, рядами лежат валы – огромное количество коленчатых валов. В складе тишина, покой, как в церкви» [3. Т. 3. С. 414]¹. Деревенский умелец Колька Воронцов чинит односельчанам часы и гордится сложностью их механизма, созданного заводскими мастерами. Герой, остро переживающий собственное увечье («нога была мертвая. Сразу была такой, с рождения»), в сопричастности достижениям цивилизации находит возможность самообоснования, право на это признают за ним отец и окружающие («Нечаянный выстрел», 1966).

Пространство города ассоциируется и с интеллектуальной культурой, Шукшин включает упоминание или делает местом действия **институт, библиотеку** («Экзамен», 1962; «Леля Селезнева с факультета журналистики», 1962; «Классный водитель», 1963). Сельские библиотеки, клубы как представительства современной цивилизации в ранних текстах воспринимаются нарратором, героями скорее положительно, однако если студенты, молодые спе-

---

¹ Далее при ссылках на это издание том и страницы указываются в тексте в скобках.

циалисты чувствуют здесь себя уверенно, то сельские жители в большей мере демонстрируют интерес, попадая в нелепые ситуации, им очевидно не хватает кругозора, внутренней культуры. Пашка Холманский из рассказа «Классный водитель», чтобы привлечь внимание девушки-библиотекаря, требует выдать «Капитал» К. Маркса, где «одну главу не дочитал».

В позднем творчестве проблема сельской интеллигенции, желающей засвидетельствовать успехи, возвыситься над судьбой, решается более трагично. В рассказе «Психопат» (1973) малообразованный герой – сельский библиотекарь – обличает грехи окружающих (непрофессионализм медсестры, доктора), его раздражает, что и они, занимающиеся «самодеятельностью», «в люди вышли». В пику «званным» он считает себя «избранным», в тексте ощущается параллель с идеями старообрядчества. Герой собирает старопечатные книги (по ряду легенд, обеспечивающие «пропуск» в Беловодье), ведет разговоры о необходимости чтения как пути к спасению души. Эти пространственные монологи и выдают героя: «Еще Лескова не прочитали, а уж... слюни насчет неореализма пустили. Лескова, Чехова, Короленку... Потом Толстого, Льва Николаевича» [Т. 5. С. 278]. Выстроенный ряд литературных имен лишен логики, выясняется, что Толстого не читал сам обличитель. Окружающие называют Психопата «кляузником», но и «подвижником», «энтузиастом», которому недостает элементарных знаний: «Иногда такой дребедени нанесет...». Героем часто движет раздражение против мира, ибо, несмотря на все личные усилия, окружающие не готовы признать в нем знатока старины. Шукшин один из первых увидел зависимость способа существования не от среды, но от личностных качеств человека.

Взыскательное, резко критическое отношение к городу формируется в творчестве писателя к **середине 1960-х гг.**, встает вопрос о цене цивилизационных благ, об утрате деревней собственного лица, традиций, освященных тысячелетним опытом. Проблема «город – деревня» рассматривается в экзистенциальном аспекте выбора человеком не места жизни, но жизненного пути, анализируются критерии, которыми «идуший» руководствуется («Охота жить», 1967; «Земляки», 1968; «Жена мужа в Париж провожала», 1971). Деревенский старик в рассказе «В профиль и анфас» (1967) сетует: «Шибко уж легко стали из дома уходить» [Т. 4. С. 139]. В этом контексте негативно оценивается не сам выбор другого уклада, а бездумность, беспамятство человека, рассматривающего «уход» как решение всех проблем: «Если уж ушел, то помни, что оставил», – подчеркивает Шукшин в «Вопросах самому себе» [Т. 5. С. 369].

Город для выбирающего судьбу персонажа и возможность испытания, встречи с иным, через соотношение с которым осуществляется самопознание, самописание [4] (рассказы-письма, записки, проекты). Эта стратегия пишущего, играющего героя обуславливает тяготение к мотивам зеркальности, двойничества, маскарада. Человек, жаждущий обрести смысл собственного бытия, у зрелого Шукшина уже не может положиться на архаические нормы существования или советы старожил. Старики, занявшие устойчивое, статичное положение, не постигают реальности в ее полноте, движении, герои лишаются Отца (в широком смысле), их некому «вывести в люди»: «Материнское сердце», «В профиль и анфас», «Сураз» (1970). На противоположной

оси координат оказываются как городские интеллектуалы, профессура, связанные с высокими достижениями прогресса, так и служители канцелярий, чиновники, обретшие в городе филистерский уют. Между этими крайностями и пролегает путь сокровенного шукшинского героя-путника.

Перемещение в точечном пространстве города прямо противоположно движению в его традиционном понимании. Герой, как правило, гоним нуждой, тоской или скукой, преодолевая одно препятствие, он тут же наталкивается на другое, которое сам себе и создает. Человек вынужден лгать, хитрить, приспособливаться к новым обстоятельствам. Широта цивилизационных пределов часто мнимая, пространство поделено внутренними границами на мельчайшие части: конторы, больницы, магазины... которые сближает бутафорская природа, связь с «изнаночным» миром. Так, в аптеках отсутствуют необходимые лекарства («Змеиный яд», 1964), пребывание в больнице зачастую оборачивается скандалом или смертью («Дождь на заре», 1966; «Ванька Тепляшин», 1973; «Кляуза», 1974). В качестве границ выступают очереди, толпы прохожих: «Максим вышел на улицу, прислонился спиной к стене, бессмысленно стал смотреть в лица прохожих. Прохожие все шли и шли нескончаемым потоком» [Т. 4. С. 66]. В магазине оскорбленный продавщицей Сашка Ермолаев в отчаянии отступает перед агрессией стоящих у кассы: «Эту стенку из людей ему не пройти» [Т. 5. С. 21].

Город, который в раннем творчестве воспринимается персонажами как место изобилия, почти рай, при непосредственном контакте предстает разъятым на миниатюрные пространства – углы, где все друг другу чужие. Решение об уходе из дома-деревни принимается спонтанно, и если в ранних текстах герой еще обладает перспективой возвращения («Племянник главбуха», 1962; «Ленька», 1962), то в зрелом творчестве это все менее возможно, приравнивается к мечте, сну («Два письма», 1967; «Жена мужа в Париж провожала»), явлению с «того света» («Земляки», 1968). В городе каждый обретает то, к чему готов. Шукшин настаивает – если крестьянин поверит, что его высокий статус зависит от добротной квартиры, дачи, то достигнет их быстрее горожанина, еще будет учить окружающих жить, что и происходит в рассказе «Выбираю деревню на жительство» (1973). Художник пытается разгадать, что движет Иваном-дураком, стоящим пред Алатырь-камнем, пред выбором, на границе миров.

Само положение на распутье маркирует облик, поведение героя инфернальными чертами. Перекресток – излюбленное место нечистой силы, недоукомок: «...черт мигрирует на границе между своим и чужим. Все, что образуется область чужого, чуждого, незнакомого, так или иначе связано с силами демонического. И только черт может одновременно быть-притворяться и чужим и своим» [5. С. 169]. Тот же, кто поборол искуc, устоял перед соблазном мещанского благополучия, обретает шанс на свободу, самореализацию. Ближе всех к нечистому в творчестве Шукшина оказываются «злые жены» и ерники, трагические шуты, охваченные презрением к собственной жизни, стремящиеся исполнить любую роль, лишь бы не остаться собой [6]. Игра таких персонажей всегда на грани срыва, скандала, самоубийства. Здесь Шукшин близок к Гоголю, для которого Хлестаков – «идеальный образ чертовщины. Идеальный минус-герой, с прекрасной демонической родословной:

и самозванец, и мим, и враль, и мистификатор, притом неизвестно как наводящий такую мороку и порчу на жителей провинциального городка, что прийти в чувство, да и то странным образом, они смогли лишь в последнем акте пьесы» [5. С. 189–190].

Итоговый период творчества мастера – **начало 1970-х** – отмечен особой сосредоточенностью на теме цивилизации, которую Шукшин пытается осмыслить более объективно. Недавние сельские жители стремительно приспосабливаются к массовой культуре, пользуются предложенными обстоятельствами, следуют чужому образцу. «Некто Кузовников Николай Григорьевич», попавший в город в начале 1930-х, сперва тосковал, «потом присмотрелся и понял: если немного смекалки, хитрости и если особенно не залупаться, то и не обязательно эти котлованы рыть, можно прожить легче. И он пошел по складскому делу – стал кладовщиком и всю жизнь был кладовщиком, даже в войну. И теперь он жил в большом городе в хорошей квартире (отдельно от детей, которые тоже вышли в люди), старел, собирался на пенсию» [Т. 5. С. 216]. Отрекается от своего прошлого шабашник Малафейкин («Генерал Малафейкин», 1972), составляет план переустройства государства телевизионный мастер Князев («Штрихи к портрету», 1973), со вкусом унижает односельчан «вечно недовольный Яковлев». Чертовщина, ранее связывавшаяся с городской публикой, открывается в «своих», деревенских, город околдовывает, соблазн становится всеобщим.

Важнейшими городскими топосами в творчестве Шукшина становятся **контора/кабинет, аптека/больница, магазин/ресторан, многоэтажный дом/квартира, гостиница/общежитие, выставка и цирк**. Кроме этого, выделяются промежуточные локусы, функционально совпадающие с перекрестком: **автобусы, вагоны, самолеты**. Движение в пределах цивилизации осуществляется при помощи своеобразных «чудесных вещей» – служебных предписаний, справок, рецептов или денежных купюр, которые и открывают перед просителем нужные двери. В противном случае дорогу преграждают вахтеры в больницах («Ванька Тепляшин», «Кляуза»), равнодушные чиновники («Мастер», 1971), секретарши, «злые жены» и мясники – обитатели гротескного «низа» («Жена мужа в Париж провожала», «Обида», 1971). Все они наделены кукольными или звериными чертами, отсутствующим взглядом («красноглазый» вахтер в рассказе «Ванька Тепляшин»), соотнесены с вещным миром (вахтер «стоял прямо, как палка»), что резко ограничивает возможность коммуникации. В качестве преграды может выступать и вещь – газета: в самолете Чудик из одноименного рассказа «попытался заговорить с соседом, но тот читал газету, и так ему было интересно, что там, в газете, что уж послушать живого человека ему не хотелось» [Т. 4. С. 225]. Содержание официальных бумаг строго регламентировано – романтический текст телеграммы того же Чудика изменен телеграфисткой.

Служебные здания, где выдают нужные бумаги, воспринимаются персонажами как «верх» цивилизационной пирамиды, ее «низ» символизируют **подвал или тюрьма** [7]. В зрелых рассказах город – искусственное пространство, подчиненное бездушной бумаге, и единственный способ сохранить порядок – жесткий контроль, иерархия, несовместные с ценностями природы и воли, отличающими бытие в деревне. Перемещение героев в официальном

пространстве сводится к беготне по лестнице («Мнение», 1972), бессмысленному и безвольному кружению: «Как подрост, попал в город, так пошло его носить, как-то не до правил стало» («Пьедестал», 1973), ожиданию у дверей кабинетов. Попытка чиновника выйти за рамки инструкции, обрести перспективу движения жестко карается, герой рассказа «Ночью в бойлерной» (1974) разжалован за страсть к быстрой езде, «задор» (в гоголевской транскрипции) [8]. В описании мира канцелярий автор подчеркивает «помпезный уют», нарочитость обстановки: ковровые дорожки, массивные столы с телефонами, обилие бумаг. Декоративность окружения вполне осознается хозяевами, рассматривается как необходимое средство самоутверждения. Герой рассказа «Мнение» (1972) сетует, что «шеф» не умеет «казенной роскошью» достойно пользоваться, «надувается как индюк, важничает». Чиновник в глазах коллег сам становится предметом интерьера, не существует вне этого пространства. В раннем рассказе «Коленчатые валы» такая же обстановка приемной райкома описана в принципиально иной интонации: просители из деревень сидят на «новеньких стульях с высокими спинками» перед «высокой дверью», за которой оказывается деятельный секретарь. И только нерадивый герой пачкает дорожки грязными сапогами: «Ковров понастелили, – проворчал курчавый. Брезгливо взял двумя пальцами черный комочек и бросил в урну» [Т. 3. С. 412]. Торжественность обстановки подчеркивает реальную значимость места (секретарь деревенским ходокам помогает), а не камуфлирует пустоту.

Образ городской роскоши выстроен в рассказах «Генерал Малафейкин», «Пьедестал», «Владимир Семенович из мягкой секции» (1973), «Как Андрей Куринков, ювелир, получил 15 суток» (1974). Маляр-шабашник Малафейкин, играющий роль генерала, конструирует воображаемое пространство сильных мира сего, выдавая собственные вкусы. Его воображение ограничено бытом, вращается окрест наград, добротных дач, импортных гарнитуров, но все атрибуты филистерского бытия гиперболизируются. Прислуги на даче «полно», в буфете ведомственного санатория «шампанское, фрукты, пятое-десятое», красавица из западного кино «выйдет такая... черт ее... вот уж она виляет, вот виляет, своим этим... Любопытно» [Т. 5. С. 43]. Воображение советского служащего или подневольного рабочего приковано к мещанским радостям, «голый» человек стремится «обрасти» вещами, подняться со дна жизни, заявить о себе.

В творчестве Шукшина **аптеки и больницы** связаны с пороговым пространством, куда человек попадает, движимый страхом, отчаянием, жадной надежды. Это ущербный мир, заполненный убогими («Нечаянный выстрел», 1966; «Боря», 1973), обреченными («Дождь на заре»), стариками, которые нуждаются в милосердии. Неизменным психологическим состоянием становится тоска по деревенскому дому: Ванька Тепляшин «и не заметил, как наладился тосковать», часами простаивал у окна. Пребывание в больнице влечет за собой внутренний суд, здесь человек предстает как он есть. Шукшин равнодушен к инстанции Высшего суда, но нравственный суд личности над собой предельно взыскателен.

Особую важность в больнице обретают родовые связи, значение которых в суетном городском бытии ретушировано. Подлинными событиями в глазах

пациентов становятся встречи с близкими, друзьями, через которые и осуществляется связь с миром, врачи же составляют только фон, мало или никак не влияя на судьбу человека. На границе между жизнью и смертью утрачивается значимость исторических фактов, разделяющих людей, умирающий коммунист Ефим Бедарев, некогда порушивший крест с деревенского храма, и «блаженненький» Кирька сближаются, понимают и прощают друг друга («Дождь на заре»). При этом не только Ефим, но и трижды «искушающий» его собеседник объединены чертами «нездешности» (у Кирьки «посторонний» голос), их диалог о смысле жизни окружающим невнятен. До прощальных слов бывших недругов «больничные окна неярко пламенели в лучах уходящего солнца», после примирения собирается «желанный дождь»: «В стекла окон сыпанули первые крупные капли дождя; деревья в больничном саду встрепенулись, закачали ветвями, зашумели» [Т. 4. С. 108]. Природа «отпевает» уходящего. И ад и рай в поэтике Шукшина рукотворны, связаны с жизненными поступками самого человека.

В больничных палатах много шутят, рассказывают анекдоты, чтобы разрядить тягостную атмосферу. Для крестьянина это иномир, где нет ничего «своего», отсутствует привычная работа, покой же приводит с собой «думы». Попасть в больницу не сложно, но возвращение зачастую приравнивается к возвращению с «того света», связывается со скандалом или дракой. Власть вахтеров, дежурных ничуть не уступает власти подземного пса Цербера. Особую семантическую нагрузку несут окна, двери и пороги, через которые и осуществляется исход, здесь происходят основные события, что подчеркивает неустойчивость героя в современном мире.

Магазины по своей значимости в бытии городского человека соперничают только с присутственными местами, это своеобразный «земной рай», где всего полно. Вещи замещают реальную нехватку тепла, участия, красоты, однако чрезмерная привязанность к вещам оборачивается порабощением личности, ее фиктивностью. В магазинах, по Шукшину, и происходит подмена ценностей, пошлые коврики, слоники предлагают крестьянину как эталон, отсюда нелюбовь автора к продавцам, даже страх перед ними, который наследуют сокровенные герои. Образ продавца подчеркнуто гротескный, незатетичный, лишенный витальной силы (худые, злобные, «бледнолицые» женщины с впалой грудью, «хмурые тети»), корреспондирует с фигурами вахтера и «злой жены», его отличительными характеристиками становятся ненависть, презрение к деревенскому чудику, претендующему на «запретный плод» – покупку (рассказы «Сапожки», 1970; «Дебил», 1971; «Обида»).

Герой приходит в магазин в надежде подарить близким Праздник, агрессивность окружающих ему особенно обидна. Сергей Духанин, мечтая привезти жене городские сапожки, представляет, «как заблестят глаза у жены при виде этих сапожек. Она иногда, как маленькая, до слез радуется» [Т. 4. С. 415]. Эту надежду на скорую радость разрушает продавец: «Продавщица все глядела на него; в глазах ее, когда Сергей повнимательней посмотрел, действительно стояла белая ненависть. Сергей струсил... Молча поставил сапожек и пошел к кассе». Автор подчеркивает – ненависть в ответ рождает только ненависть, становится цепной реакцией, когда герой чувствует, «что и сам начинает ненавидеть сухопарую продавщицу» [Т. 4. С. 417]. Обладание

желанной вещью воспринимается как чудо, способное мгновенно преобразить Ивана-дурака в царевича, сцена покупки часто дублируется ритуалом ряжения («Как Андрей Куринков...», «Дебил», «Петя», 1970). Герой не просто покупает, он демонстрирует себя. Сергей испытывает острое желание «показать сапожки. Он достал их, стал разглядывать», вызывая пристальный интерес и недоумение деревенских, в этот момент «Сергей испытал прежде незнакомую гордость» [Т. 4. С. 419].

В рассказе «Дебил» Анатолий Яковлев получает обидное прозвище из-за второгодника сына: «Так довели мужика с этим Дебилем, что он поехал в город, в райцентр, и купил в универмаге шляпу». Герой в шляпе напоминает инородца, «культурного китайца», стремится «говорить с акцентом», чтобы не походить на «тупую массу». Выбор шляпы по значимости, напряженности напоминает обряд посвящения и одновременно фокус: «Он их перемерил у прилавка уйму. Осторожно брал тремя пальцами шляпу, легким движением насаживал ее, пушиночку, на голову и смотрелся в круглое зеркало», аналогичен выбору невесты/судьбы – продавщица заметила строго: «Невесту, что ли, выбираете?» [Т. 4. С. 444]. Анатолий и обращается со шляпой, как с любимой, ласкает, гладит, любит. «Вожделение шляпы» отчасти напоминает «соитие с шинелью» Акакия Акакиевича, но если у Гоголя переживания исходят от дьявольского начала [9], то Шукшин настаивает на ответственности за происходящее самого героя. Шляпа превращается в «продолжение человека», становится аналогом души. Вместе с головным убором приобретает нелепая этажерка – атрибут учености. По законам комического одна нелепость влечет за собой другую, образуя ситуацию нарастающего «снежного кома».

Ряженный вызывает соответствующую реакцию окружающих: жена «стала квакать (смеяться) и проявлять признаки тупого психоза», «встречные и поперечные смотрят на него с удивлением» [Т. 4. С. 445]. Разрушает иллюзию школьный учитель, под его насмешливым взглядом шляпа из чуда разжалована в клоунский колпак. «Тень какая-то странная», которую отбрасывает герой в шляпе, позволяет вписать образ в один ряд с «генералом» Малафеевским и утопистом Князевым («Штрихи к портрету»). Пока крестьянин рядится в «цивилизейшин» (так Анатолий называет шляпу), учитель с глазами, «как у черта», предлагает «пройтись босиком по селу», их пути принципиально не совпадают. Образ сельского интеллигента маркирован мефистофельскими чертами, Анатолий уверен, «что это с его легкой руки он сделался Дебилем». Ответственность за нелепый процесс ряжения ложится и на учителя как «режиссера» спектакля. Роль постановщика предполагает искушенность, скептическое отношение к настоящему, такой герой появляется извне и соблазняет иными, нездешними, ценностями. Так пространство магазина совмещается с пространством **подиума, выставки и ресторана**.

В рассказах второй половины 1960-х гг. повторяется сюжет демонстрации мод: «Два письма», «Внутреннее содержание» (1967), отчасти «Случай в ресторане» (1967), – связанный для наблюдателей с тем же ожиданием Праздника. Дефиле обнаженных девушек вызывает внутреннее напряжение деревенских жителей, чувствующих стыд, неестественность ситуации и одновременно желание соответствовать зрелищу («Внутреннее содержание»).

Активным пропагандистом законов моды оказывается «завклубом Илья Дегтярев, большой прохиндей и лодырь». Показу сопутствуют яркий свет, веселая музыка, что исполняют «парни с инструментами», через несколько лет образы музыкантов воскреснут в фигурах чертей, штурмующих монастырь («До третьих петухов») [10]. Участники действия понимают его фиктивность, «рабочие» и «вечерние» туалеты не имеют никакого отношения к условиям сельской жизни. Братьев Винокуровых поражает красота манекенщиц, хочется приобщиться к их яркой жизни («Сергею нравились эти красивые беззаботные люди. До боли захотелось вдруг тоже быть красивым и веселым» [Т. 4. С. 184]), недоступность которой символизирует плотно закрытая дверь в горницу с приезжими. Попытки преодоления границы сопровождают мотивы переодевания (Сергей «нашел в сундуке новую рубашу, надел»), подглядывания (Сергей «заглянул в открытое окно горницы») и фокуса («Я, между прочим, один фокус знаю, – сказал вдруг Сергей») – традиционные приемы трикстера. Когда все усилия оказываются тщетны, один из братьев решает приобрести шляпу как пропуск в иномир, но тут же иронизирует над собой: «Шляпу, что ли купить? – подумал Сергей. Глянул на себя в зеркало и усмехнулся» [Т. 4. С. 185]. Отказ от шляпы происходит одновременно с разочланием механизма фокуса, герой остается равен себе.

Герой позднего текста «Петька Краснов рассказывает» (1973), чтобы преодолеть внутреннюю неловкость перед картиной множества обнаженных женщин на пляже («тут баба голая, там голая – валяются»), вынужден носить темные очки: «Мне там один посоветовал: ты, говорит, купи темные очки – ни черта, говорит, не разберес, куда смотришь» [Т. 5. С. 254]. Так вводится мотив ограниченного зрения, не позволяющего уловить подлинное положение вещей. Вольно или невольно деревенские усваивают правила, атрибуты цивилизации, сливаются с толпой. Стилистически близкая ситуация обольщения молодца выстраивается в рассказе «Случай в ресторане». Певица, «обтянутая сверкающим платьем», в окружении оркестрантов, «в такт музыке качала бедрами», «в улыбке ее сквозило что-то не совсем хорошее» [Т. 4. С. 172]. Старичок-интеллигент поддается чарам, а «огромный молодой человек» с Урала, словно прибывший из «какой-то большой жизни», намеревается увезти девушку с собой и тем спасти (итоги сюжета предугаданы в тексте начала 1960-х «Лида приехала»). Обязательными приметами кафе, ресторанов в поэтике Шукшина выступают слепящий яркий свет, оглушительная музыка, смех и фикусы – символы пошлости. Именно эта искусственная жизнь с манящими огнями, шампанским, красивыми женщинами влечет героя рассказа «Охота жить», готового во имя фикции на вполне реальные преступления. Интересно, что картина счастья, нарисованная экоминтеллектуалом, до деталей повторяет мечты шабашника Малафейкина. Так автор дискредитирует «сильную личность». Стремление к мещанскому благополучию, к иллюзии, ничего общего не имеющей с реально проживаемой жизнью в деревне, лишает человека собственного лица, судьбы, умозрительные идеи только ускоряют процесс очуждения.

В этой же парадигме изображено «дефиле» «странствующих студентов» из рассказа «Два письма», возвращающихся в деревню во время летней страды: «Нарядились, как эти... черт знает кто! На мне белая какая-то загранич-

ная рубашка, ты зачем-то матроску напялил. Шли по улице – два пижона <...>. Я какие-то стихи дурацкие читал, а ты, помню, стал на руки и прошелся». Акценты на показной праздничности одежды приезжих, демонстрация ими собственного превосходства («...встретился нам Минька Докучаев на вершинах, остановились, поздоровались. Он грязный весь – ни глаз, ни рожи, ехал в кузницу пилу от жнейки заклепывать. Закурили. А говорить не о чем. Чужие какие-то с ним стали» [Т. 4. С. 186]) вводят мефистофелевский контекст. За сцену несостоявшегося соблазна спустя годы героям становится стыдно, приходит покаяние.

Важнейшим локусом непубличного городского пространства является в творчестве Шукшина **многоквартирный дом**, совмещающий признаки **обшечития** и **деревенской избы**. Квартира редко открывается в глубину, чаще герой проводит время перед дверью, на пороге, в пределах улицы или двора. Только начав движение от родовой общины, где образ человека формируется на глазах у всех, в сторону личного самоосознания, персонаж остро нуждается в зрителях, внимании к собственному облику (любопытство к моде) и поступкам. В деревне окрестное пространство для чужака «прозрачно», возможности заявить о себе многократно возрастают, город же страшит забвением, одиночеством. Фиктивность собственного цивилизационного бытия ощущают почти все сокровенные шукшинские герои. Колька Паратов из рассказа «Жена мужа в Париж провожала» – «очень надежный, крепкий сибирячек, каких запомнила Москва 1941 г., когда такие вот, ясноглазые, в белых полушубках день и ночь шли и шли по улицам, одним своим видом успокаивая большой город» [Т. 5. С. 5], после армии оказывается в городе, в благоустроенной квартире, при жене – «гордой Вале». Случившееся – результат ошибки, заочного знакомства, когда герой влюбляется в отражение, в фотокарточку сестры армейского друга. Акцентируется тот же мотив искусственного зрения.

История, начавшаяся вполне сказочно: «Стали они с Валюшей жить-поживать», имеет трагический финал – «...до них стало доходить, что они напрочь чужие друг другу люди. Но было поздно: через год у них родилась дочка Нина» [Т. 5. С. 7]. И далее разочарования, потери нарастают, как снежный ком. Колька, лишенный возможности учиться, найти работу по душе, превращается в «шута», вымещающего боль в «исступленной, злой “цыганочке”», что исполняет по субботам во дворе. Валя же, стыдящаяся концертов мужа, все чаще «выказывает себя злой и неумной, просто душой». Так красавица обращается в чудовище, богатырь – в клоуна, он перемещается в подвал, где пьет с торгашами – грузчиками и мясниками, «беззаботными как клоуны». Сакральный верх – легендарная Москва, связанная с исполнением подлинной миссии защитника, проецируется на гротескный «низ», цирковую арену, подвал. И далее все попытки героя подняться, обрести высоту профанируются, носят характер эксцесса, истерики – символические метания по лестнице многоэтажки, когда бег напоминает полет, связывается с текучестью, неуловимостью пространства, буквально захлестывающегося окрест героя петлей: Колька «скоро преодолел три этажа. Влетел в квартиру», стал говорить, «заикаясь», словно испытывая недостаток воздуха.

Казалось бы, отчаянный танец персонажа связан с открытым пространством двора, улицы, но и они – только сцена, зрители ждут, когда Колька выкинет очередной фокус, рассмешит. Ритм танца механистичен, лишен духовного размаха, отчасти напоминает пляску гоголевского Хомы Брута [11]: «Трехрядка прикипает к рукам, в меру помогает “цыганочке”, где надо молчит, работают ноги. Работают четко, точно, сухо»; «Молчат вокруг, будто догадываются: парень выплясывает какую-то свою затаенную горькую боль» [Т. 5. С. 6]. У Шукшина, однако, герой не от морока пытается освободиться, но заявить собственную волю, свой мир, который и отстаивает на пяточке городского пространства. Вопреки фиктивным правилам существования Колька демонстрирует акт телесного освобождения – танец, этим и завораживая публику. Бунт живого человека против обезличенной цивилизации, против навязанных людьми законов, против магазинов, где все рекламируют, ничего не производя, против больниц и аптек, где всех лечат по единой схеме, – вот основная идея текста.

Возвращение героя в квартиру-угол, из темноты которой за Колькой наблюдает «злая жена», оборачивается новым скандалом, дракой, вплоть до самоубийства. Пребывание в городе напоминает западню. Мать Кольки, приехав в гости, «лишний шаг боялась ступить по квартире, боялась внучку на руки взять... Колька исказился, глядя на мать». Альтернативой закрытому, опасному, шутовскому антимиру цивилизации являются «думы о деревне» как органическом, открытом пространстве, чьи очертания, однако, вынесены за грань текста. Если Колька изображается почти исключительно в движении, то жизнь горожанки Вали не выходит за пределы тесных квартир (Валя шьет на дому или посещает заказчиков), она не тратит время даже на прогулки с дочерью. Движение навстречу красавице, обернувшейся распутницей, пустой куклой, приводит героя к раздвоению личности, что актуализирует мотив «запродажи души». Колька приезжает в Москву налегке, у него «пока что одна душа да чубчик, больше ничего нет», обрастая вещами, герой «отвыкает от работы, душа высыхает – бесплодно тратится на мелкие, мстительные, едкие чувства», он сам превращается в игрушку, «клоуна чертова». Искусственный мир нуждается в искусственном же человеке, прочие ему ни к чему. В решительный момент подготовки самоубийства Кольке кажется, что его действия, речь ему не принадлежат: «...будто не он сказал эти страшные слова, а кто-то другой» [Т. 5. С. 10].

Поздний Шукшин уже не разделяет надежд героя на возможное спасение в деревне, фабула демонстрирует обратное: деревенский мир, скрепленный родовой памятью, вряд ли простит разрушение семьи, сиротство дочери. В городе жена пытается воспитать из Кольки добытчика, крестьянский мир во главе с матерью выставит свой счет, связанный с почитанием традиций. Более того, сельская жизнь, активно усваивающая законы цивилизации, теряет органику, что и демонстрируют рассказы «Непротивленец Макар Жеребцов» (1969), «Танцующий Шива» (1969), «Срезал» (1970), «Своак Сергей Сергеевич». Деревня-дом перестает существовать, нет места, куда еще можно вернуться. Герой движим отчаянием, вынуждающим совершать противоестественный поступок, нарушать бытийный закон сбережения и продолжения жизни (образ оставленного дитя). Мотив возмездия намечен в финале расска-

за, отсылающего к концовке гоголевского «Ревизора». Герои замирают в нелепых позах, предчувствуя неотвратимость наказания: Валя «заорала», «теща схватила за сердце», «тесть потряс Кольку, приоткрыл пальцем его веки... И положил тело опять в прежнее положение: “Надо... это... милицию”» [Т. 5. С. 11].

В зрелых рассказах Шукшина городская квартира чаще ассоциируется с западной, домовиной, углом («Жена мужа в Париж провожала», «Пьедестал», «Чередниченко и цирк», 1970), местом соблазна, греха («Версия», 1973; «Други игрищ и забав», 1974; «Привет, Сивому!», 1974). Приватное пространство не выполняет своих главных охранительных и гармонизирующих функций, только аккумулирует грехи «внешнего» мира, фактически сливаясь с ним. Наивный герой напрямую связывает роскошную обстановку квартиры с уровнем безнравственности ее хозяев. Если Чудик убежден, что рассеянно оставлять деньги в магазине может только господин в шляпе, то новоявленный Раскольников – молодой, «нервный» слесарь Костя из рассказа «Други игрищ и забав» – считает «шубу дорогую на вешалке, шляпу на вешалке» в прихожей чуть ли не доказательством греховности их обладателя, что и оборачивается конфузом. При этом отец самого Кости ценит полученную квартиру как жест особой заботы государства.

Поздний Шукшин испытывает героев, награждая их теми знаками благополучной жизни, к которым они ранее стремились, но долгожданный Праздник ускользает, даже самые убежденные мещане переживают чувство оставленности, одиночества, небытия. Если раньше вещи украшали жизнь человека, то теперь человек подбирается к вещам, превращается в безделушку, «чертову куклу». Артефакты вытесняют живое. Герой рассказа «Владимир Семенович из мягкой секции» при знакомстве с женщиной радуется, что она соответствует обстановке в его квартире, буквально подходит к мебели: «Вот к ней-то “роджерс” подойдет. Мы бы с ней организовали славное жилье» [Т. 5. С.190]. Саньку Журавлева из рассказа «Версия» три дня держит в собственной квартире директор ресторана, когда любовные утехы женщине надоедают, она достает парню мотоцикл и выставляет за дверь, как надоевшую игрушку, отказываясь узнавать при следующей встрече.

В рассказе «Ночью в бойлерной», где сходятся основные мотивы, символы всего творчества Шукшина, идея цивилизации фокусирует структуру текста. В экспозиции намечен образ современного мира – «громadного домины», «сколько там людей разных!». Герои с растревоженной душой совершают побег из квартир-углов к сторожу Максимычу, в подвал: «А с душой куда? Где тебя послушают, посочувствуют? К дяде Ване, в бойлерную» [Т. 5. С. 288]. Подвал совмещает приметы деревенской избы/церкви и адского чрева – котлована, на что указывает цивилизационная семантика. Здесь «уютно, тепло», в трубах «тихонько поет и потрескивает, как в печке», огонек под потолком, у стены «удобный лежак, старенький тулуп раскинут, подушка». Бойлерная превращается во временное убежище, где, забыв звания и положения, плачут, исповедуются, ждут чуда. В перевернутом пространстве цивилизации относительно свободным местом представляется абсолютный «низ» (двор, котлован). Для 1970-х гг., когда рассказ создается, пространство андеграунда имеет статус пространства духовного самоосуществления интелли-

генции [12], у Шукшина, напротив, в его центре – подчеркнуто простой человек, сторож.

Сторож – фигура неоднозначная, корреспондирующая с образом вахтера Цербера и «батюшки», карнавально «причащающего» несчастных шоколадом и вином. Положение Максимыча театрально, отмечено автором как «нескромное» (параллель сторож/поп). Герою льстит положение утешителя, он чувствует власть над людьми, начинает поучать их, но и сочувствует чужой судьбе искренне. Попадая в подвал, люди опрощаются душой, что символически выражено в жесте снятия шляпы. В подтексте сюжетного действия – мотив возвращения блудного сына, получающий гротескное разрешение. Страх, злость, обиды горожан особенно заметны на фоне внутреннего спокойствия, искренней доброты Максимыча: «Лицо у него – доброе, смышленное, немного усталое, но бесконечно доброе, в глазах, в морщинах вокруг глаз – столько терпения, покоя, столько мудрости житейской, что – куда же и спускаться с больной-то душой? К нему и спускались» [Т. 5. С. 288].

Выговаривая свою боль, люди склоняют головы, снимают шляпы, происходит символическое единение в мужском братстве. Однако нарратор подчеркивает, любые попытки установить справедливость в пространстве официальной культуры заканчиваются скандалом или тюрьмой. Подлинного возрождения/восхождения личности не происходит, играющий роль исповедника Максимыч способен выслушать, но не наставить на путь: и сторож не батюшка, и отчий дом утрачен. Гонимые судьбой всякий раз в подвал же и возвращаются. Максимыч, отправившийся на переговоры с вздорной, корыстной женой старенького профессора, заранее обречен. В пространстве города действует бездушный закон, расходящийся с народным представлением о справедливости. У Шукшина, как и у раннего Гоголя, исход из пределов канцелярии бесперспективен, напоминает не движение к новой цели, а inferнальную ситуацию «полета» – в фиктивном пространстве цивилизации (перекрестков) реальных дорог просто нет. Знаменательно, что в рассказе «Три грации» (1973) жест Максимыча предварен аналогичным поступком автора-повествователя. И тот и другой выбирают роль действующего лица, несмотря на очевидный трагизм ситуации, оказываясь в оппозиции к рефлектирующей, асоциальной интеллигенции.

Рассказ «Ночью в бойлерной» отчетливее других выражает идею обреченности городской культуры, лишенной витальной энергии, опоры в бытии. Ночной «домины», под которым бойлерная, напоминает муляж фалла, фикцию, довлеющую над живым. Большинство мужчин, собравшихся в подвале, бессильны, истеричны, бледны, легко становятся заложниками капризов жен или начальников. Если в «нижнем» мире утишают душу, то «верхний» захвачен всеобщим торгом: профессор готов продать библиотеку, «самую древнюю рукопись», вплоть до «Слова о полку Игореве», «душу запродасть черту» во имя шубки для жены, смысл бытия которой – магазины. Бессилие, нерешительность интеллигенции трансформируется в мотив предательства, отречения от культуры-памяти, от «почвы». Эта транскрипция прямо противоположна мифу о самоценности маргинального существования интеллектуала – одному из основных в культуре того времени.

Попытки героев вырваться из углов-квартир, где жить нельзя, но только скандалить, предавать, умирать, воплощаются как «бег по кругу» окрест той же громадины многоэтажки. «Некто в шляпе, в легком пальтишке, с чемоданом» каждую неделю уходит от распутной жены и вновь возвращается, известный профессор-филолог, хранитель Слова, готов идти «со шляпой по кругу» (жест клоуна), лишь бы избежать женских истерик. Стенания персонажей в сочетании с образом бессмысленного кружения создают образ города-омута, водоворота, поглощающего бытие. Уничтожение мужского созидательного начала грозит гибелью репрессивной культуре цивилизации, в пространстве которой легко осваиваются «злые жены». И пока интеллигенция укрывается в подвале, Максимыч отправляется на сражение в адское чрево многоэтажки, пытается напомнить жене профессора о необходимости страдания, символически сменить норковую шубу на крестьянский тулуп. Предложение «старенького тулупа» отсылает к нередкому в русской литературе второй половины XX в. [13] сюжету «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, где мотив дарения «заячьего тулупчика» имеет охранительный, сказочный смысл, предваряет череду дарений, создающую атмосферу единения мира, в котором живы милосердие, человечность. В произведении Шукшина ситуация дарения переведена в игровой план, тулупчик отвергнут, «злая жена» неумолима: «Плевать она хотела на всех! – раздраженно сказал профессор. – Ей, ей нужна норковая шуба. Что ей все» [Т. 5. С. 298]. В подтексте рассказа идет спор современного автора с гуманистической трактовкой классика о возможностях и перспективности жеста доброй воли, который воспринимается теперь исключительно в цирковой проекции. Так, через диалог с великой русской литературой, осуществляется и самоидентификация писателя.

Дом в его подлинном, духовном смысле в городе вряд ли возможен, символически его место занимают **гостиницы, общежития, постоянные дворы** как временное, облегченное жилье, свободное от груза истории, памяти, ответственности перед родом. Крестьяне, попадающие в город впервые, напоминают туземцев в своей собственной стране, однако именно наивный герой замечает, удивляется тому, к чему сами горожане давно привыкли. В рассказах «Из детских лет Ивана Попова» (1968), «Пост скриптум» (1971) Шукшин выдвигает в центр наррации «путешественника»-неофита, открывающего иномир – цивилизацию. Повествование остраниается, реализуя авторский порыв к объективности. В первом рассказе город показан глазами ребенка, отсюда усиление чудного, непонятого в его образе. Текст двоятся: о первой поездке вспоминает взрослый, состоявшийся автор, описывающий собственные впечатления детства. Повествователь рисует город, поразивший его еще мальчишкой, лишенным всякой тайны, захолустным, маленьким, «ровным и грязным». Этот фон оттеняет прежнюю наивность восприятия, но демонстрирует и особую его чуткость. В сознании ребенка город – чужое, темное, искривленное пространство, полное опасностей, оно лишено опознавательных примет, изрезано заборами, скрывающими дома (приют), здесь и говорят на «тарабарском языке». Новичок, еще не установивший своего места в сети отношений, в городской иерархии, находится в уязвимом положении, не понимает символов и сообщений, направленных на него, не имеет собственной территории.

Затем точка зрения меняется с внешней на внутреннюю – семья останавливается на ночлег в большом доме, где у детей игрушечные самолеты, а под потолком – «стеклянная лампочка», из которой льется свет. Попытка установить коммуникацию с городским мальчишкой, заполучить игрушечный самолет, провоцирует на ложь и «чудовищное подхалимство». Ванька, отправившийся утром на поиск новых чудес (говорили в городе печки «какие-то чудные»), съедает хозяйскую булочку и спасается от наказания бегством. Сцена несостоявшейся «евхаристии» подчеркивает обманчивую природу городского пристанища, оказавшегося тем же перекрестком. Обратный путь детей в деревню – движение от одного перекрестка к другому. Одновременно город – место, где взрослые обретают возможность самореализации, интересную работу: «папка» Ивана мечтает стать рабочим «на фабрике или в мастерской какой», а мама собирается на курсы для портних. Автор подчеркивает смелость, необычность этих начинаний, особенно заметную на фоне высказываний деревенского деда, который только после медовухи и с третьего раза выговаривает смешное, «самое длинное слово на свете»: «ин-тер-на-цио-нал». Перспектива городских блужданий подсвечена в тексте необходимостью взросления. С этим соотносится и атмосфера диалога, который подспудно ведет мальчишка со своими родителями, автор же оставляет за собой роль слушателя/собеседника, но не судьи.

Рассказ «Пост скрипtum», написанный от лица чудака, угодившего в самый центр цивилизации – Санкт-Петербург, интонационно, образно близок предыдущему. Нарратор здесь – свидетель, обнаруживший «чужое письмо», подчеркнуто дистанцирующийся от его содержания, но, одновременно, фиксирующий подлинность «документа». Зазор между пишущим (чудик) и публикатором обеспечивает комический эффект. В послании к близким крестьянин воссоздает необычность окружающих его явлений, предметов, начиная с обстановки гостиничного номера. Интерес Шукшина к «современным вещам» как знакам новой жизни, коммуникации уже отмечался критикой [14]. В произведениях мастера нет сакрализации «старых вещей», сохраняющих древние смыслы (что отличает прозу традиционалистов), он изучает перспективность вещей, заполняющих цивилизационные пустоты. Тон рассказа выдает восхищение наивного зрителя открывшимися чудесами, «новые вещи» награждены соответствующими эпитетами: поразительный, колоссальный. В реестр чудесного на равных входят архитектурные изыски города, «поразительного по красоте», пьеса в драмтеатре – «колоссально!», окно гостиничного номера с жалюзи – «поразило здесь окно», кровать – «поразительная кровать», ванная и туалет – «туалет просто поразительный».

Приезжий напоминает сказочного Ивана-дурака, устанавливающего связи с неведомым пространством. В этом контексте ему близок Санька Журавлев, ошеломленный роскошью квартиры директора ресторана, где он «как во сне жил. Она на работу вечером сходит, я пока один в квартире. Ванну принимаю, в туалете сижу... Ванна отделана голубым кафелем, туалет – желтым. Все блестит, мебель вся лакированна. Я сперва с осторожностью относился, она заметила, подняла на смех» [Т. 5. С. 150]. Механизм функционирования вещей, процесс «деланья вещи» герои осваивают без труда: Санька, нежившийся в «спальне из карельской березы», делает себе в деревне «кровать из

простой березы» («Версия»), чудик, изучивший вещи в номере, уверен: «Принцип работы этого окна я вроде понял», «кровать я такую обязательно сделаю, как здесь». На бытовом уровне персонажи не нуждаются в помощи толмача: «Дежурная по коридору долго тут пыталась мне объяснить, как открывать и закрывать окно. Пока я не остановил и не намекнул ей, что не все такие дураки, как она думала» [Т. 5. С. 37]. В подтексте образа крестьянина – идея мастерства, одна из ключевых для поэтики Шукшина. Творчество деревенских самородков в ранних текстах соотносилось с постижением тайн русской истории и духа («Стенька Разин», 1962), в пределах современной культуры мастер только ремесленник, виртуоз-клоун, повторяющий чужие образцы на потеху публике (жалюзи решено «сделать из длинных лучинок»). Отречение от дара (вольное или невольное) превращает самого творца в вещь, «чертову куклу», возвращает не к алтарю – «к ларьку», как и происходит в рассказе «Мастер». Интересно, что практичный крестьянский ум поражают в городе не тонкость исполнения деталей подлинной роскоши, не ценность картин, не величие архитектурных ансамблей, но небывалые в деревне чистота, туалеты и ванны, оформленные цветным кафелем. Причем чистота рассматривается как знак чужого, даже враждебного, прямо наоборот тому, как ее определяют в норме: «Чистота есть часть приватности; публичное всегда будет более или менее грязным, даже в самых чистых своих проявлениях» [15. С. 104].

«Новые вещи» в рассказах внутренне противоречивы, зачастую нелепы (огромных размеров сувенирная зажигалка в гостиничном павильоне), недоступны наивному персонажу (сувенир отказываются показать; в магазине отсутствуют жалюзи; в ресторанах, кафе высокие цены), предназначены другим – иностранцам. Последние и становятся в городе «своими». Фикциональная природа цивилизации, заполняющих ее вещей подчеркнуты их соотносительностью с утопией «светлого будущего»: «Но в магазинах – чего только нет! Жалюзей, правда, нет. Но вообще город куда ближе к коммунизму, чем деревня-матушка» [Т. 5. С. 39]. Городские вещи-безделушки, уместные в бутафорских пределах, не имеют отношения к потребностям живой жизни. Кормит горожан базар, куда те же Иваны везут «картошку, капусту и всю прочую дребедень». Символом цивилизации в рассказах становится Петербург – самый умышленный город в отечественном культурном пространстве, связанный с деянием Петра-Антихриста, имитирующего Христа [16]. Уже Гоголь увидел северную столицу лишенной всех признаков национального: «...на Петербурге же нет никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцев, а русские в свою очередь объединились и сделали ни тем ни другим» [17. С. 139].

Шукшинский неопит-«путешественник» относится к городу как к чуду и фокусу одновременно, однако повествователю ведомо и другое – в городе есть театры, музеи, освоение этой, духовной, культуры крестьянину недоступно, что явствует уже из названия текста – «Пост скриптум». В театре герой с другом «Иваном до слез хохотали, хотя история сама по себе грустная», в музее «Иван Девятков наотрез отказался верить» экскурсоводу. Ситуация повторяется в рассказе «Петька Краснов рассказывает», когда крестьянин, увидев в музее пальто Чехова, возражает экскурсоводу: «Додумался – в таком пальтисечке в Сибирь! Я ее спрашиваю: “А отчего у него чахотка была?” –

“Да, мол, от трудной жизни, от невзгод”, – начала вилить. От трудной жизни... Ну-ка, протрясись в таком кожанчике через всю Сибирь» [Т. 5. С. 255]. В итоговых текстах позиция автора усложняется, боль за обделенность Ивана-дурака соседствует с осознанием необходимости духовного мужания, просветления нации. Шукшин как человек своего времени уже не мог не признавать и силу «высоколобых» интеллектуалов, хотя пророчески угадывал ее неоднозначность.

Для нашей темы особенно показательны рассказы, связанные с **образом цирка**, где фокусы, «чудеса», ряженные обретают свое законное право. В городе-балагане настоящий цирк обретает устойчивость как дважды перевернутое пространство, здесь все риски реальны, это и восхищает филистерскую публику («Чередниченко и цирк»). Показательно, что цирковыми силачами становятся деревенские богатыри, что отнюдь не связано с «историей социального одичания граждан: крестьянский сын – артист цирка (Игнаха) – медведь из цирка», как полагает С.М. Козлова [18. С. 77]. Напротив, для богатыря в городе ничего другого не остается, прочие пространства слишком мелки, тесны, атакуемы нечистью. В цирке и оживают былинные сюжеты, сражения с «нечистой силой»: Игнаха одолевает монгола «устрашающих размеров» («Игнаха приехал»). Здесь, у земляка, ищет помощи для больной матери Максим Волокитин, и помощь незамедлительно приходит («Змеиный яд»). Из цирковых пределов особенно заметны искусственность, вымороченность цивилизационного бытия, циркачка Ева не принимает игру в чувства плановика Чередниченко, оставляя за собой право на выбор, на свободу от маски, в то время как отвергнутый жених с ролью не расстается, решаясь сделать предложение теперь школьной учительнице. Искренность, прямота, уверенность в собственных силах отличают цирковых спортсменов Кайгородовых, которых соблазняет проектом переустройства мира Николай Князев, обликом напоминающий булгаковского Воланда («Штрихи к портрету»). Герой-преобразователь, примеряющий маску то Спинозы, то Пугачева, собственную жизнь соотносит с утопическим проектом Мирового города, вне пределов которого ему невыносимо [19]. Таким образом, именно профессиональные циркачи границу между ареной и зрительным залом, спектаклем и жизнью стараются не нарушать, публика же всеми силами стремится прописаться в актеры.

Статус циркового артиста меняется по возвращении в деревню, где память о былинном прошлом еще жива, действенна. Красавец, силач Игнаха, приехавший из города показать родителям жену, вскоре испытывает неловкость за дорогой костюм, нарочитость поведения, интуитивно постигая право отца возмутиться яркими подарками как вещами без души. Нарядная жена, привезенные безделушки выстраиваются в единый парадигматический ряд, обезличиваются (трансформация мотива демонстрации мод). Герой терзается перед подлинной, природной мощью брата Васьки – «огромного парня с открытым крепким лицом». Ваське отдает первенство отец, интуитивно ощущающий нарочитость в поведении старшего сына: «Он тебя враз сомнет, хоть ты и про физкультуру толкуешь. Ты жидковат против Васьки. Куда там!..» [Т. 4. С. 35]. С такой расстановкой сил соглашается и сам Игнатий. Рассказ, открывающийся сценой бесцеремонного вторжения в отчий дом: «Пинком распахнул ворота – в руках по чемодану», заключает символическое креще-

ние, означенное образами реки-купели и креста. Погружение братьев/богатырей в «Катунь-матушку», на берегу которой молодая баба «с высоко задранной юбкой колотила вальком по белью», словно смывая грехи мира, знаменует обновление души. Дорога от реки к дому, образуя оптический крест, есть символическое восхождение на крест, к себе подлинным, братья стремятся попасть в след отцу: «Игнатий шел за отцом, смотрел на его сутулую спину и думал почему-то о том, что правое плечо у отца ниже левого, – раньше он не замечал этого» [Т. 4. С. 41]. Откровение мира суть узнавание его, когда постигается ценность каждой черты, детали родного облика – так на мгновение восстановлена целостность семьи/мира.

Итак, образ цивилизации в творчестве Шукшина представляет собой **набор вещей-символов**, присутствующих в деревне и «контекстуально» отсылающих к образу города; **устойчивых мотивов и локусов**, описание, наполнение которых в разные периоды творчества неоднозначно. В ранних текстах фиксируются детали, штрихи, предметы, означающие иномир, чаще всего это телевизор, радио, бухгалтерские счета, книги, через которые устанавливают связи или сводят счета («Критики», 1963; «Племянник главбуха»). Причем одна и та же вещь, предмет получают антиномичные характеристики в глазах представителей разных поколений: самолет пугает бабушку и завораживает перспективой полета внука в рассказе «Сельские жители» (1961), это результат не столкновения миров, но несовместности мировоззрений. В зрелых текстах экспансия городских вещей расширяется, появляются блестящие или темные очки, искажающие зрение, экзотический микроскоп («Микроскоп», 1969), шахматы («Вянет, пропадает», 1969). Современная вещь по-разному воспринимается и функционирует в мире «отцов» и «детей», диапазон интересов широк: от наивного любопытства, азартного интереса до способа самоутверждения. В позднем творчестве автор фиксирует и обратный процесс: тоскующие по аутентичности бытия горожане стилизуют обстановку квартир под деревенские избы («Мастер»).

Город как место действия, хронотоп реализуется в нескольких направлениях: явление в пределы цивилизации деревенского чудика, связанные с этим личностные испытания («Чудик», «Ваня, как ты здесь», «Жена мужа в Париж провожала», «И разыгрались же кони в поле», «Дебил» и др.), и способы освоения самого антимира во всем разнообразии его представительств. Соответственно опыту, целям, духовному багажу героев, нарратора выстраиваются проекции миров, одно и то же пространство награждается различными характеристиками: библиотека в восприятии студента, шофера, девушки-библиотекарши обретает антиномичные черты – от места свиданий до храма науки («Классный водитель»). Аналогичная стратегия осуществляется в описании магазинов, аптек, выставок, ресторанов, цирков, которые у каждого из персонажей вызывают порой несовместные чувства: цирк для плановика Чередниченко только забава, для Игнахи – способ самоутверждения, профессия, для преобразователя Князева – идеальная форма бытия, где достигнуто равновесие ожиданий и затрат. ВДНХ вызывает спокойный интерес у студента в рассказе «И разыгрались же кони в поле», но для его отца – председателя колхоза – это насквозь фальшивый мир, исключаяющий присутствие живого, подлинного.

Таким образом городские локусы, вещно-предметные знаки обнаруживаются в мире Шукшина **полисемантичность**, своеобразно вписываясь в художественную картину мира. Автор понимает бытие как процесс, вечное движение форм, диктующее взаимообратимость явлений, взаимопроницаемость пространств: «Шукшин никогда и не о чем не высказывается однозначно. Или “да”, или “нет” – это не его метод. Живое противоречие в суждениях и поступках» [20. С. 20]. Сокровенный герой в меняющемся мире существует на границах, перекрестках, находится в состоянии постоянного движения, принадлежит стихии времени, принципиально неукоренен.

В отличие от органического бытия в деревне, опирающегося на исторический опыт, традиции, цивилизация умышленна, лишена подлинной глубины и высоты, ее бутафорская природа требует соответствующего наполнения: куклы и механизмы вытесняют живое. В ранних и зрелых текстах портреты горожан подчеркнута гротескны, маркированы устойчивыми приметами: золотые коронки и украшения, очки, заграничные костюмы, мундиры или шубы, но самой востребованной деталью маскарада становится шляпа/колпак. Портретно, функционально обыватели напоминают клоунов на манеже, наделены красным носом, огромными бородавками, рыжими волосами, нарочито бледными лицами с ярко накрашенными губами: мать легкомысленной Тамары «очень толстая, еще молодая женщина с красивыми губами и родинкой на левом виске» («Ленька»); «отец Лиды – чернявый человек с большой бородавкой на подбородке и с круглой розовой плешинкой на голове, с красными влажными губами», «толстая тетя с красным носом» («Лида приехала»); сплетница из рассказа «Три грации» «крупная, с вишневой бородавкой на шее. Говорит громко, уверенно», ее собеседница «рыжеволосая. Тоже за сорок. Необычайно подвижная, легкая на ногу», служитель в цирке «такой, с бородавкой и в шляпе» («Чередниченко и цирк»). Филистеров, как правило, отличают полнота, обрюзглый вид, необычайная суетность, напоминающая жесты мелкого беса. Еще протопоп Аввакум указывал на особую тучность, чревоугодие соблазнительей «святой Руси».

В поздних текстах эксцентричность героев ретушируется, образы обретают большую глубину, символический ореол, неоднозначность. Через судьбу отдельного персонажа автор пытается угадать будущее страны. Расширяется интертекстуальное поле рассказов, вечные проблемы, над которыми размышляла русская классика, ее высокие философствующие герои, теперь отданы на откуп деревенскому чудику, обретают необычную напряженность, трагическую окраску. Важнейшей идеей позднего Шукшина и становится идея единения Руси, поиска способов коммуникации, которые могли бы сблизить крестьянина, его земляка, перебравшегося в город, и подлинного интеллектуала. Автор сталкивает героев на перекрестках судьбы, ставит перед выбором, но чаще всего они расходятся чужими, говорят на разных языках. В итоговой повести мастера современная Русь представлена монастырем и лесом, заполненными оборотнями, город же явлен симулякром, наступающим на живое. Единственное, что их объединяет, – это пространство текста, как пройти которое, следует разгадать читателю.

Литература

1. Анненский Л. «Тридцатые – шестидесятые». М.: Современник, 1977. С. 228–268.
2. *Творчество* В.М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник: в 3 т. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007.
3. *Шукшин В.М.* Собрание сочинений: в 5 т. Екатеринбург: Посылторг, 1994*.
4. *Абашева М.* Литература в поисках лица: Русская проза в конце XX века: становление авторской идентичности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. С. 30.
5. *Подорога В.А.* Мимесис: Материалы по аналитической антропологии литературы: в 2 т. Т. 1. М.: Культурная революция: Логос, Logos-altera, 2006.
6. *Ковтун Н.В.* Богоборцы, фантазеры и трикстеры в поздних рассказах В.М. Шукшина // Литературная учеба. 2011. № 1. С. 132–154.
7. *Рыбальченко Т.Л.* Тюрьма как метафора социального императива в прозе В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина в междисциплинарном культурном пространстве: Материалы VIII Всерос. юбил. науч. конф. Барнаул, 2009. С. 207–220.
8. *Маркович В.М.* Избранные работы. СПб.: Изд-во «Ломоносов», 2008. С. 247–260.
9. *Лахман Р.* Дискурсы фантастического. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 152.
10. *Козлова С.М.* Заревый дождь // Творчество В.М. Шукшина в современном мире. Барнаул, 1999. С. 257.
11. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 438.
12. Материалы «круглого стола» «Андеграунд сегодня и завтра» // Знамя. 1998. № 6. С. 172–199.
13. *Рыбальченко Т.Л.* Пушкинский мотив в романе Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей» // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения: Сб. науч. тр. Вып. 12 / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2011. С. 157–168.
14. *Рытова Т.А.* «Вещи» как знаки поколений в рассказах В. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина в междисциплинарном культурном пространстве. Барнаул, 2009. С. 220–229.
15. *Утехин И.* Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004.
16. *Успенский Б.А.* Избранные труды: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 54.
17. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 10.
18. *Козлова С.М.* Поэтика рассказов В.М. Шукшина. Барнаул: Изд-во АГУ, 1992. 184 с.
19. *Ковтун Н.В.* Образ героя-преобразователя в рассказах В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина в междисциплинарном культурном пространстве. Барнаул, 2009. С. 120–134.
20. *Черносвитов Е.* Пройти по краю. Василий Шукшин: Мысли о жизни, смерти и бессмертии. М.: Современник, 1989.

---

* Цитаты даны по этому изданию с указанием тома и страниц в скобках.

УДК 821.161.1.Майков-992

DOI 10.17223/19986645/17/8

О.В. Седельникова

**«ИТАЛЬЯНСКИЕ ДРАМАТУРГИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫ...»
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ЗАМЕТКИ ОБ ИТАЛЬЯНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ
В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ А.Н. МАЙКОВА 1842–1843 гг.¹**

В статье исследуются фрагмент путевого дневника А.Н. Майкова 1842–1843 гг., представляющий размышления поэта об итальянской драматургии эпохи Рисорджименто, и перевод отрывков из трагедии Д.Б. Никколини «Антонио Фоскарини». Особое внимание уделяется проблеме становления эстетических взглядов поэта, его творческой рефлексии о современном содержании искусства и поискам новых подходов к изучению мира и человека.

Ключевые слова: дневник, художественный перевод, эстетика, поэтика, стиль.

Путевой дневник А.Н. Майкова 1842–1843 гг. [1] является одним из редких документов, раскрывающих изнутри сложный процесс становления мировоззрения и творческих установок поэта [2. С. 105–116]². По собственному признанию Майкова, сделанному спустя много лет на обложке дневника, эти записи сохранили впечатления «<...> о виденном и прочитанном во время первого путешествия в Париж и Рим в 1842 г.» [1. Л. 1]. Раскрывшаяся на страницах дневника личность молодого поэта, живо отзывавшегося на разнообразные впечатления, полученные в процессе знакомства с культурой и бытом посещаемых мест, существенно корректирует закрепившиеся в науке представления об общественных и эстетических взглядах Майкова³.

В августе 1842 г. А.Н. Майков вместе с отцом отправился в путешествие, в ходе которого он посетил все центры европейской культуры [5. С. 8, 25–26; 6. С. 454]. В Россию он вернулся лишь в марте 1844 г., побывав за полтора года в Дании, Франции, Швейцарии, Италии, Германии, Чехии. Особенно долго он находился в Италии, изучая Рим, а затем переезжая из города в город, а также во Франции, в Париже. Дневник отражает события только первых шести месяцев путешествия (по март–апрель 1843 г., о чем свидетельствует авторская датировка на одном из последних листов [1. Л. 37]). Документ отличается разнообразием содержания и неоднородностью жанровой структуры. Записи фиксируют впечатления молодого поэта от многодневного морского плавания из Кронштадта до Гавра, включившего посещение Копенга-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 07-04-00072а).

² Отдельные фрагменты путевого дневника А.Н. Майкова опубликованы мною [2. С. 117–131; 3; 4]. В случае цитирования из этих фрагментов ссылки даются на издания [2; 3; 4]. В остальных случаях представлены ссылки на рукопись [1].

³ Используемые в данной статье фрагменты текста воспроизводятся нами по сохранившейся в Отделе рукописей ИРЛИ РАН авторской рукописи [1] с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации, при этом характерные неправильности и особенности авторского написания максимально сохранены. Слова, подчеркнутые автором, воспроизводятся курсивом, в квадратных скобках восстанавливаются зачеркнутые слова. Этими же принципами мы руководствуемся при воспроизведении рукописей писем Майкова этого периода, привлекаемых в процессе исследования.

гена, переезд в Париж и трехнедельное пребывание в столице Франции [2. С. 117–131], двухнедельный переезд в Италию, маршрут которого пролегал через Швейцарию и Альпийские перевалы, наконец, первые месяцы жизни в Риме. Заметки римской части дневника существенно отличаются от традиционных образцов жанра. В них постепенно утрачивают значение датировки, и сам дневник приобретает форму тетради для заметок, фрагменты которой не столько описывают ежедневные события, сколько передают содержание умственной жизни автора. Майков дает краткое описание истории возведения Колизея и его внутреннего устройства, сопровождая его на полях схемой [4. С. 18–21]. Далее следуют описания других памятников древнеримской архитектуры, в том числе цирка Ромула [4. С. 22–26], замечание о чтении Тацита и перевод или переложение содержания отдельных глав I–VI книг «Анналов», конспект «Об архитектуре», заметка о польском вопросе, конспект «О правлении в Риме». Последние листы содержат поэтические наброски, впечатления от чтения произведений итальянских драматургов, переводы двух отрывков из трагедии Дж.Б. Никколини «Антонио Фоскарини». Заканчивается дневник записанным со слов М.В. Бибикова очерком жизни некоего Хлюстина, молодого человека, чьи благие порывы столкнулись с косной российской действительностью.

Появление в путевом дневнике Майкова размышлений об итальянской драматургии и переводов отрывков из трагедии Дж.Б. Никколини «Антонио Фоскарини» является следствием целого ряда причин. Одна из них – желание овладеть итальянским языком. Латинский язык Майков изучил еще в юности [5. С. 17; 7. Л. 6; 8. С. 173]. Возможно, собираясь ехать в Италию, он начал самостоятельно изучать современный итальянский язык. В письмах из Рима родным и друзьям, написанным в первые месяцы пребывания в вечном городе (ноябрь 1842 – март–апрель 1843), тема изучения языка возникает постоянно. Так, в конце ноября – декабре 1842 г., прожив в Риме около месяца, он сообщает: «...по-итальянски учусь, как чорт. В случае нужды объясняюсь удовлетворительно. Браниться умею: друзья! есть такая брань, которая даже превзошла в выразительности брань русского народа». Далее он советует родным: матери, брату Валериану, и В.А. Солоницыну с племянником, долго вынашивавшим план путешествия за границу, главным образом во Францию и Италию [9. С. 43–44]: «Вместо того, чтобы играть в карты, затеяли бы вы лучше учиться по-итальянски, что и в самом деле для вас не худо знать этот язык, который очень легок, чтобы быть в Италии. Учитель здесь стоит 1 ½ рубля ассигнациями за час» [10. Л. 37–37 об.]. В письме В.Н. Майкову, написанном чуть позднее, он признается: «<...> вьелся в итальянский язык гораздо более, нежели в итальянскую кухню. К этому присовокуплю то, что прочел итал<ьянскую> лит<ературу>» [10. Л. 42 об.]. 4 декабря 1842 г. в дневнике Майков отмечает: «Пименов читал мне Фосколо» [4. С. 18]. В марте–апреле 1843 г., рассказывая близким о своей жизни после отъезда в Россию Н.А. Майкова (он уехал 5 марта 1843 г. [10. Л. 34]), упоминает следующее: «По части своих занятий продолжаю с своим маэстром читать Данта: эге, как скучноват! У меня об нем свои!!! идеи, и мог бы я написать ему разбор оригинальный, но надо много порыться в итальянской старине <...>. Историю итальянской литературы, историю Италии читаю пристально и бешусь, что по

прочтении не помню подробностей, имен и проч<его>, а сохраняю только общую связь и идею, которая действовала в событиях» [11. Л. 24].

Трагедию Никколини Майков читает примерно в это же время, находясь в Риме, после 9 марта 1843 г. На это указывает последняя датированная записка, расположенная на 37-м листе. Заметки об итальянской драме и переводы фрагментов из «Антонио Фоскарини» занимают следующие три листа (38–40). Масштабное изучение итальянской литературы становится важным этапом знакомства Майкова с Римом, дает возможность осознать сущность его драматической истории. Вечный город, по собственному признанию поэта, сделанному в письме родным около 12 марта 1843 г., «привязывает меня к себе все более и более не только потому, что постоянно питает воображение и вкус человека мыслящего и с душою мало-мальски эстетическою, но и настоящею, действительною жизнью» [10. Л. 34]. Чтение произведений итальянских писателей от «Анналов» Тацита до трагедий Дж.Б. Никколини позволяет Майкову познать внутренние противоречия жизни Италии разных веков, увидеть содержание, скрывающееся за величественными памятниками древней архитектуры, открывает подлинный драматизм исторической судьбы колыбели европейской культуры. Таким образом, круг чтения Майкова был в значительной степени обусловлен пристальным интересом к истории и культуре Рима и явился естественным продолжением архитектурных и археографических изысканий поэта того периода, нашедших отражение на страницах путевого дневника.

С другой стороны, критическое восприятие произведений итальянских драматургов становится следствием рефлексии Майкова о собственном творчестве и тенденциях развития современной литературы и искусства. В путешествии по Европе молодой поэт отправился, держа в голове важную творческую задачу, подсказанную культурной ситуацией начала 1840-х гг. в целом и сформулированную В.Г. Белинским в статье, посвященной разбору первого стихотворного сборника Майкова: творчество поэта должно стать современным по содержанию, затрагивать самые актуальные проблемы века [12. С. 9, 21–22, 24–25]. Об этом свидетельствуют заметки, которыми автор дневника окружил свои переводы. Они предваряются размышлением о произведении Никколини в контексте осмысления общего характера итальянской драматургии эпохи Рисорджименто: «<...> создание характеров (в произведениях Никколини. – О.С.) такое же, как и во всех трагедиях итальянского театра, т<о> е<сть> они односторонние; общая черта итал<ьянского> театра – борьба с тиранами, и это чувство свободы, делающей усилие сбросить рабство, выражается большею частью у них со всею живостью и со всем огнем южного народа: месть, ненависть, с другой стороны, благородство [и любовь], прямое, сильное, след<овательно>, нетерпеливое и неопытное. Даже в Congiura dei Pazzi Альфиери, заговор против Медичисов Лоренца и Юлиана, не знаешь, кому автор благоприятствует, и ценит ли он во что-нибудь эту фамилию, которой правление составляет, м<ожет> б<ыть>, самую блестящую эпоху в истории его отечества и в истории искусств. Медичисы проповедуют Маккиавелизм и изображены тиранами» [3. С. 73].

Сопоставляя проблематику произведений разных итальянских драматургов того времени, начиная с Альфиери, Майков выделяет «общую черту

итальянского театра – борьбу с тиранами», которая оказывается определяющей в выборе сюжета и принципов разработки характеров: «Кажется, нет ни одного заговора в истории, который бы не был поставлен на итальянской сцене» [3. С. 73]. По его мнению, подобная политизация проблематики, желание превратить театральную сцену в средство борьбы за свободу и объединение Италии неизбежно сказывается на художественных достоинствах произведений. Являясь изначально носителями определенного идеологического задания, характеры действующих лиц становятся не отражением живых и противоречивых человеческих натур, а неизбежно оказываются односторонними, лишенными диалектики: «Вообще итальянские драматурги исключительны: лица их трагедий суть изображение одной идеи; и только движутся ею, она проникает все их поступки, слова, мысли. Но это не люди, не жизнь в полном объеме; точно так, как Скупой Мольера: он только скупой, и в душе его как будто нет ничего общечеловеческого; <...> уже в этом герое не видать тех разнообразных оттенков, которые составляют особенность, индивидуальность человека; этот герой все один, ибо упущено из виду, что этот характер м<ожет> принять различную форму от темперамента, происхождения, предыдущей истории его жизни, и тысячи других причин, все сохраняя главную идею в своих поступках. Флегматик имеет свои оттенки; сангвиник свои, но тот и другой м<огут> б<ыть> скупы, добры, могут б<ыть> извергами, м<огут> б<ыть> благородными в душе и в поступках, всякий по смыслу. Вот что понял Шекспир, кроме него никто не умел [воспользоваться] употребить в дело это открытие» [3. С. 77–78]. Читая произведения итальянских драматургов, Майков критически воспринимает обусловленную жестким идеологическим заданием классицистическую односторонность характеров персонажей. Он чутко подмечает, как прямая тенденциозность приводит к значительному подавлению художественного начала и одновременно сказывается на достоверности воспроизведения жизненных типов. Это обусловлено отсутствием в них подлинной жизненной полноты взаимодействия разных эмоциональных проявлений, вызванных комплексом причинно-следственных связей, оживляющих и индивидуализирующих образы действующих лиц. Такой подход, по мнению Майкова, не соответствует современному пониманию диалектики внутренней жизни человека, не позволяет передать подлинный драматизм человеческих переживаний.

Пребывание в Риме давало молодому поэту массу разнообразных впечатлений, но путевой дневник сохраняет лишь отдельные, по-видимому, наиболее значимые из них, ставшие поводом для осмысления принципиально важных проблем, которые были связаны с магистральными линиями формирования его мировоззрения и эстетики в целом. Показательно, что из всего многообразия произведений итальянской литературы в данный момент Майков обращается не к шедеврам лирической поэзии, не к философским глубинам произведений Данте, который кажется ему «скучноватым» [11. Л. 24], не к новеллистике, изображающей человека в гуще бытовых обстоятельств, а к произведениям итальянских драматургов XVIII–XIX вв., непосредственно связанных с идеологами национально-освободительного движения и пытающихся в своем творчестве отвечать насущным потребностям современной политической борьбы [13. С. 536–537; 14. С. 213–220]. Их опыт интересен

Майкову, как и опыт Тацита, единственного древнеримского автора, произведения которого также осмысливаются в путевом дневнике. Переводы и переложения глав из первых шести книг «Анналов» самим выбором фрагментов выявляют особый ракурс восприятия изложенных Тацитом событий. Пристальный интерес Майкова вызывают фигуры Германика и Тиберия. Его привлекает мужество, величие и благородство полководца и мелочная ревность, зависть и подлость императора – качества, определившие человеческий облик этих персонажей древнеримской истории. Чтение «Анналов» Тацита позволило Майкову прикоснуться к историческим фактам, которые подталкивали к осмыслению противоречий внутренней жизни личности, изучению комплекса мотивов, определяющих ее поступки, и исследованию ее нравственной позиции в контексте сложной исторической ситуации [15. С. 281–287]. Содержание записей свидетельствует также о том, что Майков обнаруживает объективную взаимосвязь между характером властителя и особенностями общественной жизни его эпохи. Вследствие этого переводчик уделяет внимание не только воссозданию облика Тиберия. Его внимание привлекают и те главы «Анналов», в которых описывается масштаб бедствий, поразивших Рим в годы правления Тиберия, а также нравственная атмосфера, царящая в римском обществе. Восхищаясь величием осмотренных памятников древней архитектуры (Колизея, цирка Ромула, дворцов, храмов), Майков размышляет о причинах падения Великой Римской империи [4. С. 19, 26]. Читая Тацита, он начинает осознавать закономерность этого процесса. Человеческие пороки, в которых погрязли императоры, не задумывавшиеся о своем нравственном облике и долге перед государством, в исторической перспективе стали одной из основных причин разрушения империи и массового обращения римлян в христианство.

В этом контексте показательным становится упоминание Майковым имени Шекспира, завершающее критический разбор изображения человека в произведениях итальянских драматургов («Вот что понял Шекспир, кроме него никто не умел [воспользоваться] употребить в дело это открытие» [3. С. 78]). Сопоставление с историческими хрониками английского драматурга позволяло нагляднее подчеркнуть очевидные недостатки трактовки исторических сюжетов и действующих лиц в трагедиях итальянского театра. Главное открытие Шекспира, в понимании Майкова, состояло в том, что он выявлял сложность человеческой природы и умел обнаружить связь между социальными характеристиками образа и «внутренним человеком», вскрыть таинственный механизм страстей, определяющих противоречивые поступки исторических личностей. Подобный взгляд на человека, пусть только намеченный, не развитый во всей полноте, привлекает Майкова и в произведениях Тацита, в его подходе к изображению личности Тиберия. Удивительную способность Шекспира-художника проникать в тайны человеческой природы Майков подчеркнет позднее в стихотворении «Юбилей Шекспира» (1864 г.):

Преданья севера изображают бога
Сидящим высоко над областью громов:
Спокойный, видит он из светлого чертога <...>
Как дуб растет, как травка прозябает,
Как в человеческих сердцах
Родится мысль, растет и созревает...

Таков и ты, Шекспир!
Как северный Один,
На человечество с заоблачных вершин
Взирал ты! Знал его – и у кормила власти,
В лохмотьях нищего, в пороках, во вражде;
Но, кистью смелою его рисуя страсти,
Давал угадывать везде
Высокий идеал, который пред тобою
В величьи божеском сиял,
И темный мир людей, с их злобой и враждою,
Как солнце бурную пучину, озарял... [16. С. 410]

Содержание стихотворения проявляет скрытую интенцию, подразумеваемую, но отчетливо еще не проговариваемую Майковым в дневниковой записи. Изображая человека, погрязшего в пороках и страстях, Шекспир обладал удивительной способностью не концентрироваться на негативных сторонах происходящего, не изображать порок как таковой, но передавать подлинный масштаб личности, диалектическую сложность внутренних движений – всю глубину человеческой трагедии. Он был способен воспроизвести порочную реальность в свете «высокого идеала», возвращающего падшему человеку статус божественного создания, утверждая возможность возрождения. Майкова особенно привлекает свойственный Шекспиру глубинный гуманизм, не акцентированный, лишенный пафоса и позерства. Именно это качество делает произведения английского драматурга понятными и притягательными во все века и для всякого народа:

И триста лет прошло – и этот идеал
Везде теперь родной для всех народов стал.
С запасом всех личин, костюмов, декораций,
С толпой царей, принцесс, шутов, и фей, и граций,
По шумным ярмонкам, средь городов и сел –
Ты триумфатором по всей земле прошел:
Везде к тебе толпа восторженно стремилась,
И за тобой, как за орлом,
Глубоко в небо уносилась,
И с этой высоты на мир глядеть училась
С боязни полным торжеством! [16. С. 410–411]

В переходной культурной ситуации 1840-х гг. Шекспир оказался тем уникальным художником, который соответствовал зарождающимся эстетическим тенденциям, углубляющим требования эстетики «натуральной школы». Он умел соединить в своем произведении правду жизни и идеал. Таким образом, комплекс идей, связанных с упоминанием имени Шекспира в дневнике Майкова, эксплицирует зарождение еще одной очень важной идейно-эстетической установки, определяющей своеобразие эстетических взглядов самого Майкова и его ближайшего окружения, прежде всего В.Н. Майкова. Дневниковые записи свидетельствуют о том, как исподволь, посредством критической рефлексии над прочитанными произведениями, начинают складываться те требования к современному искусству, которые в середине 1840-х гг. оформятся в статьях В.Н. Майкова в так называемый «закон симпатии», утверждающий необходимость гуманизации объекта изображения авторским сочувствием и совмещения критического изображения действительности с воплощением жизненного идеала [17. С. 108, 110–111; 18. Т. 1. С. 66]. Затем эти теоретические тезисы получают развитие в статьях А.Н. Май-

кова о выставках в Академии художеств. В них сочувствие художника предмету изображения станет одним из высших критериев подлинной художественности, способствующих наполнению созданного на полотне образа глубоким внутренним содержанием – тем, что так отличает подлинное произведение искусства от холодной копии с натуры.

Тема поиска новой точки зрения на мир и человека и выработки новых принципов их художественного осмысления будет постоянно обсуждаться в переписке молодого поэта с близкими. В конце 1842 г., отвечая на вопросы родственников и друзей о новых, написанных за время путешествия стихах, Майков признавался: «Пишу мало, выдумываю много, но все эти вымыслы исчезают из головы моей, как сны, и об них остается только воспоминание, как после сна или прочтения книги. Отчего же это? Оттого-с, что теперь уже не довольствуешься одними картинами греко-фламандской школы, а хочется заглянуть в человека поглубже, на сей конец рассудить обо многом и узнать еще более» [19. С. 39–40]. Одно такое стихотворение («Не знаю, отчего шалаш мой любят боги...»), воссоздающее «картину греко-фламандской школы», вполне законченное, очень гармоничное по форме, но варьирующее мотивы его более ранних антологических миниатюр, сохранилось на страницах путевого дневника А.Н. Майкова [1. Л. 30], но не было опубликовано ни в 1840-е гг., ни позднее. Заслуживает внимания сам эпитет «греко-фламандский», которым Майков охарактеризовал свои ранние произведения. В эстетике Белинского «греческое» было синонимом идеального, недостижимого, «фламандское» же, напротив, соотносилось с прозаическим, повседневным, с бытовой детализацией и объективностью. Любопытно, что Майков, отлично знакомый с работами Белинского, соединяет эти два начала, переплетает реальное и идеальное, устремление ввысь и бытовую детализацию. Показательно, что большинство ранних стихотворений поэта восходят к жанру идиллии и прежде всего связаны с таким ее конструктивным элементом, как экфрасис. Создание картин в духе греко-фламандской школы более не удовлетворяет Майкова, так как такой подход не позволяет художнику обратиться к изучению насущных проблем современной жизни. Заметим, что в творческом сознании Майкова, как показывают его статьи о живописи, и греческое и фламандское искусство в своих ключевых типологических характеристиках далеки от психологизма, ориентированы на воспроизведение других сущностных проявлений человеческой природы, прежде всего на изучение типических форм национальной жизни и универсальных человеческих типов, порожденных той или иной историко-культурной ситуацией [20. С. 27, 31]. Изображение внутреннего содержания человеческой жизни, в понимании Майкова-историка искусства, есть открытие христианской культуры [20. С. 26–27]. В этом отношении фламандская живопись занимает особое положение в истории искусства: с точки зрения критика, она начинает свое развитие в эпоху Возрождения, выражая общекультурную потребность в появлении оппозиции итальянской живописи, ориентированной на изучение высших сущностей христианской картины мира [20. С. 30–31].

Процитированный в начале предыдущего абзаца фрагмент из письма родным выявляет принципиальный антропоцентризм майковского понимания задач современного искусства – свидетельство его исключительной спо-

собности чутко улавливать еще только зарождающиеся эстетико-философские тенденции времени. В период господства социального анализа Майков начинает говорить о важности изучения противоречивой внутренней жизни современного человека. Взглянув на произведения итальянских драматургов глазами современного художника, остро чувствующего потребность в изучении «внутреннего человека», поэт четко определяет для себя их главный недостаток: отсутствие в них жизни, подлинной сложности и глубины психологических реакций на конкретную жизненную ситуацию, риторическую односторонность трактовки характеров, при которой герои ни на шаг не отходят от реализации своей основной сюжетной функции. В контексте собственных творческих поисков нового современного содержания размышление о прочитанном позволяет Майкову сформулировать требования, которые десятью годами позже определяют развитие психологической прозы как важнейшего явления в европейской литературе середины – второй половины XIX в. Уже в начале 1840-х гг. поэт размышляет о необходимости обогащения социального анализа проникновением в психологию отдельной личности и общества в целом, соединением изображения действительности с изучением внутреннего мира современного человека, в котором, как в зеркале, отражаются все острейшие проблемы социума. Размышления об итальянской драматургии позволяют заглянуть в творческую лабораторию Майкова. Одновременно они выявляют и уточняют принципиально важное в системе эстетических взглядов молодого поэта понимание новизны задач, стоящих перед современным искусством.

***

Дж. Б. Никколини (1782–1861) – поэт и драматург, сформировавшийся в условиях нарастания национально-освободительного движения в Италии, – был известен именно как автор трагедий, отвечающих своим содержанием острым проблемам современности и призывающих к борьбе за свободу [13. С. 537–540; 14. С. 220]. Первая в ряду его революционно-романтических произведений трагедия «Антонио Фоскарини», написанная в 1827 г., принесла ему известность и стала предметом бурных обсуждений. В переводе на русский язык эта трагедия была впервые опубликована в 1882 г. в журнале «Дело» [21]. Примечательно, что в основе ее сюжета лежит не одна из историй итальянских заговоров, как, например, в упоминаемой Майковым в этом контексте известной трагедии В. Альфиери «Заговор Пацци» (1783), которая оказала значительное влияние на выбор сюжетов и развитие проблематики большинства произведений итальянской драматургии XIX в. В отличие от них Никколини обратился к истории частной, глубоко интимной, волею трагического случая связанной с политическими событиями. Новый разворот сюжета позволил автору обнажить конфликт между тиранической властью, попирающей основы жизни, и свободной личностью, отстаивающей свои права, неподвластной даже ужасу смерти, навеваемому мрачным изуверством инквизиции. В основу трагедии Никколини была положена подлинная история влюбленного в монахиню венецианского патриция Антонио Фоскарини. Любовная история оказалась формально связанной с заговором, организо-

ванным в Венеции в 1618 г. испанским посланником (монастырь находился рядом с испанским посольством) [22. С. 178]. По другим источникам, Антонио Фоскарини был венецианским сенатором, служившим ранее послом в Англии. Находясь в Венеции, он посещал супругу английского дипломата. Это стало поводом для подозрений и обвинения в государственной измене [23. С. 292; 24]. Внимание Майкова к такому сюжету было подготовлено опытом чтения романов В. Скотта и «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, характеризующихся совмещением частной и исторической проблематики, глубоким нравственно-психологическим и художественным потенциалом.

Несмотря на критические замечания, высказанные Майковым в адрес итальянских драматургов, в трагедии «Антонио Фоскарини» он находит неоспоримое художественное достоинство, заключающееся в том, как Никколини «<...> удивительно изобразил Венецию. Эта картина, развивающаяся во всей драме, мне нравится более всего, ибо создание характеров такое же, как и во всех трагедиях итальянского театра, т. е. они односторонние» [1. Л. 38]. Доминанты изображенной Никколини картины Венеции заданы уже в первом акте произведения. Действие происходит на фоне сложной политической ситуации, обусловленной возникновением угрозы государственной независимости Венеции и недавним заговором, организованным испанским посланником. Острота ситуации усугубляется вырождением политической власти в самой республике, превратившейся в жестокий тоталитарный режим: члены Совета Трех – высшего органа государственной власти – лицемерно прикрываются идеей спасения родины, наслаждаются неограниченными возможностями, позволяющими чинить произвол, потакать своим прихотям и расправляться с неудобными. Вследствие этого важнейшей составляющей картины Венеции в трагедии становятся не столько характерные внешние природные и культурные приметы образа города, сколько его история, неповторимый, величественный, противоречивый, исполненный глубоким трагизмом дух Венецианской республики, который удалось передать Никколини. Трагизм обусловлен резким контрастом важнейших историко-культурных черт Венеции: величия республики, добившейся редкого культурного и политического взлета, подарившей человечеству столько гениальных имен ученых, художников, музыкантов, создававших культурный образ этого уникального пространства; роскоши итальянской природы, оберегающей человека и способствующей гармонизации его внутреннего мира; органичности народной музыкальной культуры и, с другой стороны, жестокости политической диктатуры, тирании правящей верхушки, насаждающей атмосферу страха и внушающей рабскую покорность населению.

Содержание трагедии не исчерпывается политической проблематикой. Ее сюжет дополняет печальная история двух влюбленных молодых людей, вследствие чего картина Венеции обогащается новыми чертами: водным пейзажем, поющим гондольером, прекрасной возлюбленной, трагическими историями людей, живущих в это непростое время. Диалектическая сложность и психологическая напряженность изображенной Никколини венецианской истории увлекает Майкова. Он делает переводы двух фрагментов, один из которых раскрывает всю глубину социально-исторического конфликта, а другой – трагизм развернувшейся на этом фоне частной истории. Располо-

женные друг за другом на страницах дневника поэта, эти фрагменты воссоздают абрис воспринятой Майковым «картины Венеции», выявляют важнейшие составляющие ее содержания. Очевидно, переводчика увлекает именно своеобразие сюжета, порожденное взаимопроникновением двух компонентов: исторического, государственного и частного, глубоко интимного. Оно обуславливает особую проблемную емкость содержания и его художественную перспективу. Важным художественным достижением Никколини Майков считает воспроизведение полноты исторического содержания через изображение частной человеческой трагедии.

Предложенная Майковым трактовка воссозданной Никколини «картины Венеции» интересна не только своим конкретным содержанием, но и стоящими за ним обобщенными смыслами: «<...> удивительно изобразил Венецию...» – пишет Майков об авторе. С одной стороны, эти слова свидетельствуют о том, что в восприятии молодого поэта важным художественным достижением Никколини оказывается именно такое опосредованное воссоздание полноты жизненного содержания через изображение частной человеческой трагедии, вписанной в исторический контекст. Воспринимая прочитанное произведение с точки зрения новых эстетических требований, Майков видит в нем потенциальное взаимодействие разных литературных родов, позволяющее передать диалектику каждого момента жизни. Понимание этого, так же как и критические замечания об изображении характеров в произведениях итальянских драматургов, определяют стратегию перевода отрывков трагедии Никколини. С другой стороны, эти слова позволяют осознать механизм культурного мышления самого Майкова, указывая на привычный для него подход к восприятию информации: прочитывать культурные тексты, созданные такими сложными культурными организмами, как города, и более простыми (соборами, картинами и т. д.)¹. Читая трагедию Никколини, Майков следит за развитием характеров и сосредоточивается на содержании многочисленных аллюзий оригинального текста. На это указывает не только ставшее предметом анализа начало записи, но и замечание автора дневника, предшествующее переводу сцены разговора Терезы с Матильдой: «А как вам нравится этот тихий, роскошный вечер? (Att<o> II, sc<ena> V)» [3. С. 75]. Аллюзии апеллируют к культурному сознанию Майкова, в котором восстанавливается знакомый ему пока по книгам и картинам величественный образ Венецианской республики.

Необходимо отметить, что к моменту знакомства с трагедией Никколини Майков еще не успел побывать в Венеции. Первоначально А.Н. и Н.А. Майковы планировали посетить этот город по дороге в Рим, о чем А. Майков сообщил в недатированном письме родным из Парижа: «Поручаю себя вашим молитвам и уповаю в четверг, 6 окт<ября> 24 сент<ября> по-вашему, выехать в Рим через Шалон, Лион, Женеву, Шильон, Мартиньи, Симплон, Domo d'Occolo, Lago Maggiore, Венецию, Флоренцию» [10. Л. 33 об.]. Однако

---

¹ Прием аллюзивного свертывания информации, позволяющим восстановить смысловую полноту через определенную систему знаков, Майков активно пользуется в своем путевом дневнике. Это особенно характерно для парижских записей, в которых автор, «делая перечень осматриваемых предметов» [2. С. 124], пытается коротко и емко зафиксировать свои впечатления от знакомства с памятниками архитектуры Парижа и его картинными галереями (см. об этом: [25]).

фактически маршрут сложился иначе: из *Domo d'Ossolo* Майковы направились в Милан, а оттуда не на восток, в Венецию, а на юг, в Геную, о посещении которой после перехода через Альпы и двухдневной остановки в Милане сообщается родным в письме от 12 / 24 октября 1842 г. Дальнейший маршрут путешествия на юг до Рима не описан ни в одном из сохранившихся писем. О том, что он, видимо, пролегал по западному побережью Апеннинского полуострова, был прямым и кратким и не предполагал возможности сделать крюк и остановиться для знакомства с находящейся чуть восточнее Флоренцией и другими городами, можно судить по датам. В вечный город Майковы прибыли 29 октября, т. е. переезд от Генуи до Рима занял не более пяти дней. Видимо, изменения в запланированном заранее маршруте были обусловлены желанием упростить и сократить дорогу, избежать переезда по горным районам и скорее добраться до Рима, посещение которого было одной из важнейших целей поездки, обустроиться там и, возможно, провести зиму, а из Рима уже отправляться в путешествие по другим городам Италии.

Несмотря на изменение маршрута, образ Венеции будоражил воображение Майкова. Об этом свидетельствуют строки из упомянутого уже письма родным из Генуи от 12 / 24 октября 1842 г.: «Генуя! ныне она ничтожна как один из второстепенных городов Сардинского королевства, но если бы не знать этого, все можно еще подумать, что это *Genova la superba* средних веков, когда еще она владела почти всем своим зеленым Средиземным морем. Так же шум на ее улицах; обширная гавань полна кораблей со всего света. А дворцы, — на каждом шагу! Мы посетили многие, по крайней мере 15, принадлежащих или потомкам древних аристократических фамилий, или обращенных правительством на разные городские потребности, как то таможня, академия, и пр., и пр., и в каждом дивились изумительной роскоши, вкусу и величию. Что же было прежде? Когда все это было ново? Здесь не найдете иного камня, кроме мрамора белого, черного, красного; иных украшений, кроме золота и бархату; иных картин, как произведений славнейших живописцев. Вот плоды свободы, способствовавшей, конечно, развитию не массы, но избранных. Церкви здешние почти все построены некогда частными людьми, но таких храмов я не видал ни в Париже, ни в Петербурге: одно только здание превосходит их — это Миланский собор. Четыре дня, проведенные нами здесь, посвящены были осмотру города, т. е. мы ходили из дому в дом или из дворца во дворец, из церкви в церковь, и везде находили, не говоря уже о богатстве архитектуры, галереи картин и статуй. Я весь переселился в прошедшее, которое изумляет меня более и более, чем ближе судим о нем по великолепным остаткам. Что же такое Венеция, после этого? И подумать страшно» [10. Л. 25].

Генуя стала первым легендарным итальянским городом на пути молодого путешественника, мечтающего увидеть то, о чем столько читал и слышал, не случайно Майков называет ее «*Genova la superba* средних веков». Как видно из письма, впечатление превзошло самые смелые ожидания: Майков потрясен великолепием дворцов и церквей, красотой и совершенством украшающих их картин и статуй, самим духом города, способствовавшим процветанию талантов. Здесь особенно знаменательны последние слова, сказанные в предвкушение будущего знакомства с Венецией. По-видимому, Рим в вос-

приятии Майкова был колыбелью европейской культуры. Он велик прежде всего своей древней историей. После него в Средние века и эпоху Возрождения Италия породила целый ряд городов-государств, среди которых в сознании молодого путешественника безусловное первенство принадлежит Венеции. Именно она в новых исторических условиях играет роль первого итальянского города, будто примеряя на себя величие и трагизм судьбы Древнего Рима. Это стало еще одной причиной пристального внимания молодого поэта к трагедии Никколини «Антонио Фоскарини» и предопределило некоторые особенности ее восприятия.

Размышления над страницами «Антонио Фоскарини» немного позже получают развитие в экспериментальной художественной форме поэтического цикла «Очерки Рима» (1847) и в других произведениях 1840-х гг., опосредованно вобравших весь комплекс впечатлений, связанных с продолжительным знакомством Майкова с Вечным городом. Особенности прочтения трагедии Никколини сформируют ракурс майковского восприятия Венеции, который останется неизменным на протяжении всего творческого пути поэта. В поэме-были «Две судьбы» (1845), работа над которой была начата во время путешествия по Италии, трагический образ Венецианской республики, возникший в сознании Майкова при чтении «Антонио Фоскарини», отзовется в разговоре главного героя поэмы Владимира со встреченным земляком:

Владимир

В Венецию ступайте: там, где дож...

Лев Иванович

Поеду, но в каком же отношении
Венеция так интересна? Что ж
Особенно в ней стоит осмотра?

Владимир

Как для кого. Вас гондолы займут,
Быть может, там; на Риве балаганы,
Паяцы, доктора и шарлатаны,
Иль музыка – по вечерам поют
На площади, – все это так приятно!

Лев Иванович

(таинственно)

Остатки все республики, понятно! [16. С. 692]

Показательно, что перечисленный Владимиром как будто вскользь набор внешних характеристик в восприятии русского чиновника Льва Ивановича не порождает цепь ассоциаций, разворачивающих пластический образ города с его знаковыми особенностями, а остается связанным с великим историческим прошлым Венецианской республики.

Два аспекта образа Венеции, запечатлевшиеся в сознании Майкова еще в юности в процессе размышлений над трагедией «Антонио Фоскарини», определяют особенности сюжета его зрелого стихотворения «Старый дож» (1888). Оно было написано в продолжение первых четырех строк пушкинского фрагмента о дожде и догарессе («Ночь тиха, в небесном поле...»), который, по словам Н.Е. Меднис, стал «беспроектной провокацией, подталкивающей к дописыванию текста» [23. С. 303]. Предпринимая свою попытку «угадать: что же было дальше» [23. С. 303], Майков опирается на собственный творческий опыт, полученный в процессе прочтения трагедии Никколини, и

из множества обозначенных Пушкиным сюжетных возможностей [23. С. 304] развивает в сюжете своего стихотворения две темы: историческую и любовную. В монологе дожа поэт воссоздает величественный образ Венецианской республики:

«Кто сказал бы в дни Аттилы,
Чтоб из хижин рыбаей
Всплыл на отмели унылой
Этот чудный перл морей!
Чтоб укрывшийся в лагуне
Лев святого Марка стал
Выше всех владык, и втуне
Рев его не пропадал!
Чтоб его тяжелой лапы
Мощь почувствовать могли
Императоры и папы,
И султан, и короли!
Подал знак – гремят перуны,
Всюду смута настает,
А к нему – в его лагуны –
Только золото плывет!..» [16. С. 255]

В событийном пространстве стихотворения обращенная к догарессе речь дожа сменяется темой любовного треугольника, обозначенной образом проплывающего мимо поющего гондольера:

Глядь, плывет,
Обгоняя их, гондола,
Кто-то в маске там поет:
«С старым дожем плыть в гондоле...
Быть его – и не любить...
И к другому, в злой неволе,
Тайный помысел стремить...
Тот «другой» – о, догаресса! –
Самый ад не сладит с ним!
Он безумец, он повеса,
Но он – любит и любим!..» [16. С. 256]

Майков заканчивает стихотворение вопросом, актуальным для всех участников интриги и возбуждающим творческую рефлексия читателя:

А она – так ровно дышит,
На плече его лежит...
«Что же?.. Слышит иль не слышит?
Спит она или не спит?!..» [16. С. 256]

Н.Е. Меднис считает, что, включив стихотворение «Старый дож» в цикл «Века и народы», Майков указал на «историческую ориентированность сюжета» [23. С. 304]. Думается, композиционное равновесие двух сюжетных линий, занимающих по восемь строф стихотворения, драматизм ситуации любовного треугольника, один из участников которого облечен неограниченной властью, зато «другой» молод, страстен и бесстрашен, и сама постановка такого вопроса в финале указывает на равнозначность исторической и любовной тем, которые именно в таком единстве рождают актуальные современные сюжеты, отличающиеся историзмом и психологизмом, обращенные к изучению противоречий внутренней жизни личности в контексте масштабной исторической проблематики. Две «картины Венеции», развернувшиеся в воображении Майкова в результате творческого переосмысления двух раз-

ных текстов, обретают романное содержание, поддерживаемое постановкой проблемы личности в контексте большой истории.

Заметки об итальянской драматургии, сделанные А.Н. Майковым весной 1843 г., демонстрируют живую эстетическую рефлексию поэта, раскрывают его представления о предмете и задачах современного искусства в переходной культурно-исторической ситуации, когда уже так громко звучат пламенные призывы В.Г. Белинского, но еще так ощутимо притяжение романтизма. Запечатленные на страницах путевого дневника размышления свидетельствуют о тонкости и глубине майковского восприятия важнейших культурных тенденций эпохи, открывают его способность почувствовать то, что еще только зарождается и вызревает, а через несколько лет определит направление развития современного искусства и суждения критиков (эта тонкость эстетического чутья объясняет, почему мнение Майкова впоследствии так ценили его близкие друзья-писатели – Ф.М. Достоевский и И.А. Гончаров). Написанные одним из активных участников литературного процесса 1840-х гг., ищущим и думающим молодым художником, дневниковые заметки становятся фактом саморефлексии культуры и позволяют уточнить представления о сущностных основах развития русской и европейской художественной мысли на этом переходном этапе. При этом записи выявляют внутреннюю склонность Майкова к профессиональному критическому мышлению о художественных произведениях разных эпох и указывают на закономерность его последующего обращения к деятельности художественного критика¹.

Литература

1. Майков А.Н. Путевой дневник 1842 г. // РО ИРЛИ. № 17305.
2. Майков А.Н. Путевой дневник 1842–1843 гг. / публ. О.В. Седельниковой. Ч. 1 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. / отв. ред. Т.С. Царькова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.
3. Майков Аполлон. Порядок путешествия беспорядочных путешественников (фрагмент) / публ. О. Седельниковой // *Europa orientalis. Studi e Ricerche sui Paesi e le Culture dell'Est Europeo*. XXIX. 2010. S. 71–78.
4. Майков Аполлон. Из дневника / публ. О. Седельниковой // Русско-итальянский архив VIII / *Archivio russo-italiano VIII*, a c. di C. Diddi e A. Shishkin. 2011. S. 18–25.
5. Златковский М.Л. А.Н. Майков. 1821–1897 гг.: биограф. очерк. 2-е изд., значит. доп. СПб., 1898.
6. Баевский В.С. Майков Аполлон Николаевич // Русские писатели, 1800–1917: биограф. словарь. М., 1994. Т. 3.
7. Майков А.Н. Письма Н.В. Гербелю // РНБ. Ф. 179. № 68.
8. Майков А.Н. Письма / публ. И.Г. Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 г. Л., 1980.
9. Гродецкая А.Г. Чувствительные и холодный: (В.А. Солоницын и семья Майковых) // Лица: Биограф. альм. Вып. 8. СПб., 2001.
10. Майков А.Н. Письма родителям // ИРЛИ. № 16994.
11. Майков А.Н. Письма Е.П. и Н.А. Майковым (Копии) // ИРЛИ. 17020.
12. Белинский В.Г. Сочинения Ап. Майкова // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1953–1959. Т. 6. С. 7–31.
13. Дживелегов А.К., Томашевский Н.Б. Итальянский театр 1789–1848 гг. // История западноевропейского театра / под общ. ред. С.С. Мокульского. М.: Искусство, 1963. Т. 3.

---

¹ Анализ сделанных А.Н. Майковым переводов фрагментов из драмы Дж. Б. Никколини «Антонио Фоскарини» будет представлен во второй статье.

14. *Итальянская литература* // История всемирной литературы. М.: Наука, 1988. Т. 5.
15. Седельникова О.В. Интертекстуальность дневниковой прозы: конспект и перевод в структуре путевого дневника А.Н. Майкова 1842–1843 гг. // Journal of International Scientific Publications. Language, Individual and Society. Bulgaria: Info Invest, 2009. ISSN: 1313–2547. Vol. 3. P. 2. P. 274–293.
16. Майков А.Н. Избранные произведения. Л., 1977. (Библиотека поэта. Большая серия).
17. Майков В.Н. Стихотворения Кольцова // Майков В.Н. Литературная критика. Л., 1985.
18. Майков В.Н. Сочинения: в 2 т. Киев, 1901.
19. Из архива А.Н. Майкова / публ. И.Г. Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 г. Л., 1978. С. 30–56.
20. [Майков А.Н.] Выставка Императорской Академии художеств в 1849 году // Отечественные записки. 1849. Т. 67, № 11. Отд. 2. С. 19–40.
21. Никколини Д.Б. Антонио Фоскарини / пер. В. Крестовского (псевдоним) // Дело. 1882. № 4. С. 1–52.
22. Бочкарев В.А. Русская историческая драматургия XVII–XVIII вв. М., 1988.
23. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999.
24. Венеция // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://audioguide.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=83&Itemid=60
25. Седельникова О.В. Интертекстуальность дневниковой прозы (на материале путевого дневника А.Н. Майкова 1842–1843 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. № 2 (14). С. 110–121.

УДК 821.161.1.09

DOI 10.17223/19986645/17/9

А.В. Скрипник

ГОГОЛЕВСКИЙ ДИСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ «ЗАПИСОК СУМАСШЕДШЕГО» ГОГОЛЯ И «ЗАПИСОК ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» ДОСТОЕВСКОГО)

В статье выделяются характерные особенности жанра «записок» и семиосферы безумия у Гоголя и Достоевского. Такие категории, как типология рассказчиков, особенности нарратива, тема музыки, образ театра и зооморфные образы (особенно «переписка собачек» у Гоголя и острожные собаки, конь и «нарядный» козел у Достоевского) становятся ключевыми для понимания основной проблемы, значимой для обоих писателей – проблемы абсурда российской действительности, которая на уровне метатекста возникает у Гоголя, а вслед за ним и у Достоевского.

Ключевые слова: жанр «записок», семиосфера безумия, зооморфизм, абсурд российской действительности.

Проблема гоголевского дискурса в раннем творчестве Достоевского неоднократно рассматривалась в научной литературе. Чаще всего подобные исследования связаны с мотивным, сюжетным, стилевым анализом гоголевской традиции в произведениях Достоевского и в то же время его полемикой с Гоголем (в частности, в «Бедных людях»). Однако в контексте гоголевского дискурса интерес представляют не только ранние произведения Достоевского, но и его «заметки» о каторжных впечатлениях, т.е. «Записки из Мертвого дома». В данном случае речь идет прежде всего о форме «записок», которая часто встречается у Достоевского и которая, появившись однажды в «Записках сумасшедшего», больше не имеет аналогов в творчестве Гоголя. В то же время эта форма делает героя «Записок сумасшедшего» новаторским, т.е. самосознающим и рефлексирующим, «маленьким человеком» и прототипом многих героев Достоевского. Помимо формы «записок», значимой становится и та особая семиосфера безумия, генерированная Гоголем в «Записках сумасшедшего» и переосмысленная, воссозданная заново Достоевским в «Записках из Мертвого дома». Рассмотрению этих двух ключевых аспектов взаимодействия Гоголя и Достоевского посвящена данная работа.

«Записки сумасшедшего» – новаторское явление в литературном процессе 1830-х гг. Небольшая по объему, повесть становится своеобразной семиосферой безумия, состоящей из нескольких пластов и рисующей свою картину мира. Гоголь раскрыл разные грани российского бытия: департамент, дом «его превосходительства», квартира чиновника, сумасшедший дом – и на всех этих уровнях обнаружил абсурд. Сумасшествие и абсурд становятся ключевыми понятиями повести, необходимыми для создания абсурдной картины мира. Тема сумасшествия обретает в контексте гоголевской повести мирозидительный смысл. Состоящая из разнородных образований (жанровая характеристика, испанская тематика, особенности нарратива), семиосфера безумия организует структуру повести, являясь в то же время частью се-

миосферы Петербурга, которая включает в себя весь цикл «петербургских повестей». Если рассматривать повесть в контексте «Арабесок», то через свое безумие Поприщин оказывается связан с всемирной историей, культурой и искусством, размышлениям о которых посвящен сборник.

Жанровая характеристика, особенности нарратива, проблема героя, испанская тематика, собачий сюжет – уровни, составляющие ядро семиосферы, взаимодействуя с различными смыслами, возникающими на периферии, создают образ абсурдной, безумной России, «палаты № 6», где любое стремление расширить свои пределы, обрести самосознание считается сумасшествием.

Гоголь выносит жанровое определение своей повести в заглавие – «Записки сумасшедшего». В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» записками называется «жанр, связанный с размышлениями о пережитом и подразумевающий выражение личного отношения автора или рассказчика к описываемому» [1]. Как видно из определения, записки не предполагают точной датировки описываемого, тогда как Поприщин датирует свои записи. В связи с этим можно сделать вывод, что, несмотря на малый объем, повесть полисемантична и нельзя точно определить жанр, к которому она относится. Это одновременно и записки, и дневник, и исповедь, и проповедь, и своеобразный «травелог души». На дневниковость формы указывают следующие особенности. Дневник предполагает периодичность ведения записей, связь их с текущими событиями и датировку, спонтанный характер записей, литературную необработанность, безадресность и интимный характер описываемого. Все эти характеристики находим в «Записках сумасшедшего». Поприщин периодически, с интервалом в несколько дней, записывает происходящие события, причем эти записи действительно носят спонтанный характер, который затем постепенно меняется. Первые записи почти лишены рефлексии, но постепенно они все больше наполняются внутренним содержанием. По мере того как герой пишет записки, ему постепенно начинает открываться его предназначение, ведь до этого его жизнь, не выраженная в слове, не имела смысла. Но, обретя свое выражение в слове и одновременно смысл, жизнь героя в конце повести все же утрачивает его, и последняя запись, дающая надежду на спасение, в то же время утрачивает смысл из-за безумной датировки и заключительной фразы Поприщина. Слова, написанные героем, теряются за общей бессмыслицей. Утрачивая смысл, слово теряет свою внутреннюю сущность, одну из главных составляющих. Таково слово Меджи: ее рассуждения о папа, Софи и Теплове не лишены смысла, но «тотчас видно, что не человек писал. Начнет так, как следует, а кончит собачиной» [2. Т. 3. С. 203]. Во главу угла она ставит описания пищи и своих куртизанов.

Гоголевские «Записки» становятся актом самосознания и самопознания героя. Близкие к дневниковой прозе, они приобретают статус автобиографического документа. Делая своим героем вымышленного персонажа, Гоголь полностью отдает повествование в его руки, доверяя ему самому описывать процесс своего прозрения. Записки становятся историей души Поприщина, которая переживается, рефлексится и фиксируется на бумаге им самим. Впервые Гоголь не только наделил героя «геном рефлексии» (как это было в других «петербургских повестях»), но и позволил стать творцом своей биографии. Репрезентативной для этой цели является форма «записок», стано-

вящаяся полижанровым образованием и позволяющая наиболее точно и полно передать рефлексию главного героя.

Повесть также включает в себя и эпистолярную форму – письма собачек, после прочтения которых Поприщин восклицает: «И как можно наполнять письма эдакими глупостями» [2. Т. 3. С. 204]. Его дневник приобретает исповедальное начало, погружает читателя в глубины души героя и фиксирует лишь те факты, которые значимы для прозрения, а затем и окончательного сумасшествия героя.

С традицией травелога повесть связывают следующие особенности. Реального, физического путешествия герой не совершает (если не считать поездку в сумасшедший дом). Маршрут его передвижений весьма прост и замкнут в пространстве Петербурга. Триада «дом – департамент – директорская квартира» отражает три грани петербургского бытия, которые характеризуют жизнь Поприщина: дом – «свое» пространство, где герой «большею частью лежит на кровати», а затем рассуждает об «испанских делах»; департамент – служебное пространство, где Поприщин – «нуль, более ничего», всего лишь титулярный советник; директорская квартира – пространство чиновничества и богатства, в которое так стремится попасть герой. Из этого круговорота есть только один выход – в сумасшедший дом.

Однако помимо физического пространства существует еще и внутреннее, духовное пространство повести. Вместе с самосознанием Поприщин обретает и ту духовную пищу, которая «питает и улаживает» его душу. Возникает мотив «путешествия души» героя. Однако духовный травелог возникает еще до прозрения героя: не имея физической возможности попасть в мир Софи, Поприщин постоянно попадает туда в своих мыслях. Но после прозрения травелог героя существенно изменяется. Находясь физически в сумасшедшем доме, Поприщин путешествует духовно: в его записках появляются не только Испания, но и Франция, Англия, Китай, Италия. Он сумел вырваться за пределы замкнутого пространства Петербурга, и несмотря на то, что физически герой несвободен, он освобождается духовно, разрушая штампы восприятия и обретая «вселенскую отзывчивость». Ему тесно на этом свете, его гонят, и, находясь в сумасшедшем доме и путешествуя духовно, Поприщин вновь возвращается в Россию, прозревший и одновременно окончательно обезумевший, о чем свидетельствует заключительная реплика героя.

Переходя к анализу специфики формы «записок» в творчестве Достоевского, следует отметить, что он всем своим произведениям давал жанровые определения. Очень часто жанр указывался в заглавиях произведений или в предисловиях, в тексте произведения. Писатель твердо выдерживал свои жанровые определения в переписке, в подготовительных материалах. «Записки» в его творчестве встречались довольно часто. Журнальный подзаголовок «Униженных и оскорбленных» («Из записок неудавшегося литератора. Роман») в отдельном издании изменился – «Роман в четырех частях с эпилогом»; журнальный подзаголовок «Подростка» – «Записки юноши» заменен на «Роман»; весьма четко подчинительная связь прослеживается в подзаголовке «Игрока» – «Роман. (Из записок молодого человека)»; «записками неизвестного» названы в подзаголовке рассказы «Честный вор» и «Елка и свадьба», роман «Село Степанчиково и его обитатели»; рассказ «Бобок» имеет подза-

головок «Записки одного лица». Как видно из приведенного перечня, в форме «записок» написаны не только романы, но и рассказы, следовательно, Достоевский, как и Гоголь, считал форму «записок» предельно свободной, зачастую включающей в себя другие жанровые образования. Мы склонны придерживаться той точки зрения, которая изложена в книге В.Н. Захарова «Система жанров Достоевского»: «...уже одно то, что «записками» у Достоевского названы рассказы, повесть и романы, не дает права считать «записки» самостоятельным художественным жанром. В этом смысле «записки» у Достоевского являются не художественным жанром, а жанровой формой его рассказов, повестей, романов» [3. С. 39]. На наш взгляд, жанровая форма «записок» – очень точное определение, которое вмещает в себя разнородные по своей структуре произведения. В творческом сознании Достоевского «записки» не имели четкого канона и определенного жанрового содержания, поэтому «записками» могли становиться различные жанры, но главное условие, которое было заложено еще в поэтике гоголевских «Записок сумасшедшего», тем не менее сохраняется. В основу жанровой формы «записок» кладется не жанровая характеристика произведения, не его объем, а особенности повествования и тип героя. Повествование всегда ведется от первого лица (что не исключает возможность использования вставных конструкций). Такое повествование ставит в центр нового героя: это самосознающий герой, который становится автором «записок», от его лица ведется рассказ о произошедших с ним либо не с ним событиях. В этом и состояло главное открытие Достоевского, зачатки которого проявились уже в «Бедных людях»: в «Записках сумасшедшего» Гоголь начал исследование души «маленького человека», поэтому Макар Девушкин, взбунтовавшись против «Шинели», ничего не говорит о «Записках», главный герой которых – такой же, как и он, чиновник с проснувшимся самосознанием. Продолжая и развивая гоголевскую традицию, Достоевский исследовал душу героя, пытался проникнуть в самую глубину ее.

Кроме того, генезис жанровой формы «записок» (в особенности «Записок из Мертвого дома») у Достоевского восходит к фельетону, но в том значении, которое было у этого термина в XIX в. Первоначально «так называли листок, приложенный к политической газете и посвященный критике, изящной словесности или искусствам. Первый опыт фельетона заключал в себе театральные и иные объявления и литературные мелочи, вроде загадок и стишков; вскоре к ним присоединились критические статьи. <...> К статьям <...> в фельетоне присоединились длинные сенсационные романы, статьи научные, беседы о выдающихся явлениях общественной жизни» [4]. По преимуществу фельетон был обозрением городских новостей, «легким» и ироничным очерком нравов. Достоевский придавал фельетону самое серьезное литературное значение: для него главным в фельетоне был сам фельетонист, его мысль, его «идея», его «новое слово». Это преображение «низкого» и «легкого» в «высокий» и «серьезный» жанр было в духе поэтических жанровых исканий Достоевского.

Таким образом, жанровая модификация формы «записок» в «Записках из Мертвого дома» имеет следующие особенности. Прежде всего, она близка к гоголевской интерпретации «записок» как жанра, наименее канонизирован-

ного и свободного в своих жанровых вариациях. В центр повествования поставлен самосознающий рассказчик – Александр Петрович Горянчиков – автор и герой «Записок», чьи записи носят исповедально-мемуарный характер. Эти особенности приближают его к гоголевскому Поприщину. Однако помимо исповеди и мемуаров, «Записки» включают в себя и другие жанры: народный и тюремный фольклор (пословицы, поговорки, песни), рассказ («Акушкин муж»), физиологические и нравоописательные очерки, элементы автобиографии писателя и, как уже говорилось выше, фельетон. Перечисленные жанры наиболее часто отмечаются исследователями как характерные для «Записок из Мертвого дома». Но «Записки» синтезировали в себе и важнейшие особенности других жанров, которые затем будут использоваться и развиваться в романах Достоевского. М.М. Бахтин считает, что истоки его романов следует искать в «сократическом диалоге» и в возникшей позднее, после распада жанра сократического диалога и отчасти вобравшей в себя его особенности, «менипповой сатире» [5]. Конечно, характерные особенности этих жанров присутствуют в «Записках» не в том виде, как в более поздних романах, они редуцированы и едва заметны, но все же их отголоски слышны и значимы для определения специфики жанра «Записок».

Бахтин очень полно охарактеризовал указанные жанры и выделил их основные характеристики. Прежде всего, оба жанра имеют карнавальную основу. В «Записках», как и в сократическом диалоге, показан поиск истины, осуществляемый главным героем. Но это истина особого рода: с одной стороны, герой познает душу простого народа, которая до сих пор была ему неизвестна, но с другой – это искаленная осторожным бытом душа, зачастую развращенная, ничтожная, погибающая. И выражают эту истину так называемые «герои-идеологи», которые в данном контексте являются идеологами арестантской жизни: лезгин Нурра, который и на каторге сумел сохранить человеческое достоинство: «Он был всегда весел, приветлив ко всем, работал безропотно, спокоен и ясен. <...> Сам он во все продолжение своей каторги не украл ничего, не сделал ни одного дурного поступка. Был он чрезвычайно богомолен» [6. С. 50–51]; или дагестанский татарин Алей, который «во все время своей каторги мог сохранить в себе такую мягкость сердца, образовать в себе такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрубеть, не развратиться. Это, впрочем, была сильная и стойкая натура» [6. С. 52]; или предатель А-в, «нравственный Квазимодо» [6. С. 63], который всю жизнь во всем пытался извлечь выгоду, особо не задумываясь о том, каким способом это сделать. И каждый из героев несет свою истину, а все вместе они складываются в единую истину народной жизни, которую познает Горянчиков в остроге.

Таким образом, уже в «Записках» мы встречаемся с полифонизмом, который получит свое дальнейшее развитие в романах Достоевского. В своих «Записках» Горянчиков постоянно приводит различные мнения арестантов, их споры, и в этом заключается отличие его записок от записок Поприщина. Гоголь изображает лишь мнение своего героя, а другое мнение входит в повесть вместе с письмами Меджи. Однако это мнение нельзя считать полноценным, т.к. Меджи является персонажем пародическим, кроме того, даже не человеком, а собакой, и предметы, о которых она рассуждает, слишком низки.

Что касается элементов мениппеи в «Записках», то они представлены в произведении лишь частично, однако их использование позволяет говорить об оригинальной интерпретации этого жанра у Достоевского. Как и в сократическом диалоге, в мениппеи главной задачей является поиск истины, однако этот поиск осуществляется, прежде всего, с помощью самой смелой и необузданной фантастики, мистико-религиозного элемента, который сочетается иногда с грубым натурализмом. Отсутствие фантастики компенсируется у Достоевского еще одним значимым для мениппеи фактом: изображением ненормальных морально-психических состояний человека, вызванных противоестественным существованием в остроге. Горянчиков неоднократно рассказывает про сумасшедших, встреченных им в госпитале, да и сам он в конце своей жизни сходит с ума. Тяжелы и почти безумны и сны арестантов, о содержании которых можно судить по их крикам и стонам. Сновидения, мечты, безумие разрушают эпическую и трагическую целостность человека и его судьбы: в нем раскрываются возможности иного человека и иной жизни, он утрачивает свою завершенность и однозначность, он перестает совпадать с самим собой.

Помимо Горянчикова, чье сознание является организующим стержнем произведения, в тексте присутствует также и сознание издателя, который является автором «Введения» и начала главы «Претензия», где он рассказывает об арестанте, осужденном ошибочно. Издатель же приводит несколько жанровых определений записок Горянчикова: «...это было описание, хотя и бесвязное, десятилетней каторжной жизни <...> Местами это описание прерывалось какою-то другою повестью, какими-то странными, ужасными воспоминаниями, набросанными неровно, судорожно, как будто по какому-то принуждению. Я несколько раз перечитывал эти отрывки и убедился, что они писаны в сумасшествии. Но каторжные записки – «Сцены из Мертвого дома», – как называет он их сам где-то в своей рукописи, показались мне не совсем безынтересными» [6. С. 8]. Таким образом, в приведенном отрывке встречаются следующие, значимые для нас, понятия: описание, рукопись, отрывки, сумасшествие, записки и сцены. Все эти категории отсылают нас к гоголевским «Запискам», для которых также значимыми были категории отрывочного рукописного текста и сумасшествия. Но ключевым и жанроопределяющим понятием у Достоевского становится все-таки определение «Сцены из Мертвого дома».

Если посмотреть на термин «сцены» сквозь призму гоголевских «клочков из записок», то «сцены» также можно трактовать как некие отрывки, «клочки» из каторжных записок, которые прерываются какой-то невероятной, сумасшедшей повестью, неопубликованной издателем, но все-таки упомянутой им. Сделано это для того, чтобы еще раз подчеркнуть именно отрывочность повествования: ведь в «Записках» нарушена хронология (сначала читатель узнает о жизни Горянчикова после выхода из каторги и лишь потом знакомится с его записками). Сами записки разделены на две части, каждая из которых имеет несколько глав, в которых как раз и показаны разные сцены из жизни обитателей Мертвого дома. Объединяют их сознание рассказчика и общая идея искупления греха и в то же время безрезультативности подобной системы наказания, губящей души людей.

Кроме того, термин «сцены» отсылает к другому понятию, не менее важному и для Достоевского, и для Гоголя: театрализация и карнавализация. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля «сцена – явление, происшествие в лицах или изображение его в картине, часть драматического представления, выход, явление, место, где что-либо происходит, поприще со всею обстановкою, особенно помост в театре» [7]. А в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона дано прямое указание на связь понятия «сцена» с театром: сцена – см. театр. Следовательно, «Записки» в сознании Достоевского были не просто документальным описанием каторги, а каким-то диким, адским, на грани безумия театральным представлением (см., например, главы «Исай Фомич. Баня. Рассказ Баклушина», где баня ассоциируется у рассказчика с адом; или «Представление», где рассказывается об острожном театре, который стал отрадой для арестантов и смог хоть и ненадолго пробудить в них зачатки духовности). Отметим, что эффект от театрального представления оказался более сильным, чем от праздника Рождества Христова. К празднику арестанты готовились заблаговременно и ждали его как чуда, видимо из-за того, что в этот день не нужно выходить на работу и можно вкусно поесть и выпить вволю. Чуда не произошло, и праздник закончился разгулом и пьянством: «Но что описывать этот чад! Наконец кончается этот удушливый день. Арестанты тяжело засыпают на нарах. Во сне они говорят и бредят еще больше, чем в другие ночи» [6. С. 116]. Совершенно иначе описан вечер после представления: «Ссор не слышно. Все как-то непривычно довольны, даже как будто счастливы, и засыпают не по-всегдашнему, а почти с спокойным духом, – а с чего бы, кажется? <...> Только немного позволили этим бедным людям пожить по-своему, повеселиться по-людски, прожить хоть час не по-острожному – и человек нравственно меняется, хотя бы то было на несколько только минут...» [6. С. 129–130]. Таким образом, театр становится для Достоевского такой же значимой категорией, как и для Гоголя. И репертуар похожий: Поприщин смотрит «Филатку и Мирошку», эту же пьесу ставят в числе прочих и арестанты.

Категория музыки также важна для обоих писателей. Гоголь считал музыке величайшим из искусств, способным пробудить и возвысить душу человека. Недаром Поприщин слышит в конце повести «струну в тумане», дающую надежду на его спасение. У Достоевского категория музыки становится сквозной и пронизывает все повествование в «Записках». Арестанты часто поют песни, многие из них на воле играли на каких-нибудь инструментах, гуляка всегда нанимает острожного скрипача, чтобы тот следовал за ним по пятам и играл, что считается особым шиком. И наконец, тюремный оркестр, который состоял из двух скрипок, трех балалаек, двух гитар, бубна и двух гармоней: «<...> я до тех пор не имел понятия о том, что можно сделать из простых, простонародных инструментов; согласие звуков, сыгранность, а главное, дух, характер понятия и передачи самой сущности мотива были просто удивительные» [6. С. 123]. Острожная музыка становится выразителем истинной души народа, голос которой заглушен каторжным бытом.

Еще одной значимой категорией для обоих писателей становится зооморфизм. В «Записках из Мертвого дома» есть отдельная глава, посвященная животным, а также в главе «Первые впечатления» упоминание о любимом

пуделе тюремного майора – Трезорке. Трезорка сродни Меджи: такой же избалованный пес глупых хозяев, который, заболев, лежал «на диване, на белой подушке» [6. С. 29], а майор «рыдал над ним, как над родным сыном» [6. С. 28]. Кроме собаки майора, в «Записках» упоминаются еще три собаки, которые жили непосредственно в остроге. Особо хочется выделить Шарика, ставшего единственным другом рассказчика: «Шарик, умная и добрая собака, с которой я был в постоянной дружбе» [6. С. 189], «на всем свете только и осталось теперь для меня одно существо, меня любящее, ко мне привязанное, мой друг, мой единственный друг – моя верная собака Шарик» [6. С. 77]. Не найдя в остроге другого истинно преданного и верного друга, который бы любил и уважал его бескорыстно, рассказчик заводит дружбу с собакой.

Зооморфные, а в частности собачьи, персонажи нужны Достоевскому для более полного раскрытия характеров арестантов, для более яркой демонстрации их жестокого нрава, рожденного каторгой. Во всех словарях символов образ собаки трактуется двояко. С одной стороны, собака означает бесстыдство, зависть, а с другой – верность, память, благодарность, послушание, бдение, защиту – символизм, источник которого лежит в основном в кельтской и христианской традициях [8. С. 251–253. 9. С. 345]. В «Записках» Достоевского актуализируется как раз второй семантический пласт в трактовке образа собаки, т.е. собаки в остроге – верные друзья арестантов, которым подобная преданность не нужна. Отрицательные коннотации семантики собаки проявляют себя довольно редко. Считается, что собака не приучена к чистоте и часто олицетворяет зло. С этими представлениями и связана следующая запись Горяничкова: «Собака вообще у всего простонародья считается животным нечистым, на которое и внимания не следует обращать» [6. С. 189], поэтому и отношение к собакам соответствующее. Уродливую собаку Белку, безобидное существо, никому не причинившее вреда и перекувыркивающееся перед каждым встречным, «каждый арестант <...> пырнет <...> бывало, сапогом, точно считая это непременно своею обязанностью» [6. С. 190]. Другую собаку, Культияпку, у которой был прекрасный мех, каторжный башмачник пустил на бархатные зимние полусапожки. Еще одну собаку «негодяй лакей увел <...> от своего барина и продал нашим башмачникам за тридцать копеек серебром» [6. С. 191]. Все эти примеры говорят о невозможности нормального отношения ни к людям, ни тем более к животным в нечеловеческих условиях каторги. Достоевский не обвиняет арестантов, наоборот, он говорит, что «наши арестантики могли бы любить животных, и если б им это позволили, они с охотою развели бы в остроге множество домашней скотины и птицы», показывая тем самым один из возможных вариантов (как и театр) «смягчить, облагородить суровый и зверский характер арестантов» [6. С. 189], однако и это занятие было строжайше запрещено на каторге.

В более примитивных и древних представлениях собака ассоциировалась с загробным миром – как его страж и как проводник, доставляющий туда души умерших. В связи с этим можно выделить еще одно семантическое поле в трактовке образа собак у Достоевского, возникающее на метатекстовом уровне. Каторжные собаки – вечные обитатели и своеобразные проводники арестантов, а особенно Горяничкова, в абсурдный, почти загробный мир Мертвого дома. Как Меджи ведет Поприщина сквозь пелену

пустых разговоров и сплетен к прозрению, так и Шарик помогает Горянчикову не сойти с ума от одиночества в остроге.

Еще один аспект, на который хотелось бы обратить внимание в связи с собачьей тематикой, – параллелизм людей и собак. В этом Достоевский близок к гоголевским «Запискам сумасшедшего». Собачьи образы в повести Гоголя становятся полисемантическими. Являясь двойниками людей, они демонстрируют их пороки. Письма Меджи служат толчком к прозрению и безумию Поприщина. Собаки актуализируют аспект «собачьей жизни» и «собачьей» комедии, которую ломает герой. Оба пласта нарратива (собачий и человеческий) складываются в целостный текст повести, становятся метатекстом, необходимым для понимания замысла Гоголя. В «Записках» Достоевского Шарик соотносится с самим рассказчиком, ищущим дружбы и не находящим ее; Белка, которая потеряла гордость и готова к тому, чтобы ее били, – параллель некоторым арестантам, не имеющим никакого ремесла, постоянно унижающимся и зарабатывающим прислужничеством, и наконец, собака, которую лакей продал за тридцать копеек серебром, наглядно проводит своеобразную параллель с Иисусом Христом в каторжной интерпретации. Тем самым Достоевский показывает, что в арестантах, как, впрочем, и в лакее, не осталось уже почти ничего человеческого, хотя в этом и нет их вины.

Аспекты «собачьей жизни» и «собачьей комедии», актуальные для Поприщина, прослеживаются и в Мертвом доме. Жизнь арестантов по сути «собачья жизнь» и даже хуже, так как острожные собаки могли выходить за пределы острога по собственному желанию, а арестанты нет. И мотив «собачьей комедии» тоже нередко проскальзывает в поведении арестантов: они ломают эту комедию друг перед другом и перед тюремным начальством.

Помимо собак, на каторге были и другие, не менее символические, образы животных: конь Гнедко, гуси, козел Васька и орел. Конь играл очень важную роль в остроге. В символическом значении конь (или лошадь) олицетворяет животную жизненную силу, скорость и красоту [9]. По мнению рассказчика, «постоянное обращение с лошадьми придает человеку какую-то особенную солидность и даже важность» [6. С. 188], и арестанты, несмотря на свой суровый нрав и зверское обращение с собаками, сразу полюбили коня и часто подходили ласкать его. Сам акт покупки Гнедко также очень важен для понимания его символического значения. Во время торгов арестанты почувствовали себя почти свободными: «Всего более им льстило, что вот и они, точно вольные, точно действительно из *своего* кармана покупают *себе* лошадь и имеют полное право купить» [6. С. 186]. Таким образом, Гнедко сыграл ту же роль, что и театр: он позволил арестантам на какое-то время почувствовать себя людьми, а не осужденными каторжниками. Конь, как и театр, сумел пробудить в их душе позабытые и ненужные в данных условиях истинно человеческие чувства. Помимо коня, который только в данном контексте становится символом свободы, орел часто в литературе ассоциируется именно со свободой. Как общекультурный символ орел ассоциируется с величием, властью, господством, победой, отвагой, вдохновением, высотой духа и духовным подъемом. Широко используется и тот аспект символики орла, который связан с небом и солнцем [9. С. 255; 10. С. 362]. С образом орла в повесть входит именно мотив силы духа и протеста против насильственного

заточения. Попав в острог больным, он так и не смирился со своим положением, в отличие от арестантов. Орел становится в «Записках» воплощением всех мыслей арестантов о свободе. И когда его выпустили на волю, орел, хотя и не мог еще летать, ушел, не оглянувшись, а арестанты «были чем-то довольны, точно отчасти сами они получили свободу» [6. С. 194].

Гуси были смышленными, забавными, арестанты любили смеяться над ними, однако их всех перерезали к праздникам. Козла ждала такая же участь. Несмотря на то, что он был «общим развлечением и даже отрадою» [6. С. 192], майор приказал его зарезать. В пространстве повести образ козла, которого арестанты «наряжали» («рога оплетут ветвями и цветами, по всему туловищу пустят гирлянды» [6. С. 192]), соотносится с образами античной мифологии: с сатирами из свиты бога вина Диониса (Вакха), с греческим Паном и римским Фавном. Сатиры сопровождали Диониса, были украшены венками и имели хвосты и козлиные рога. Сам же Дионис шел впереди в венке из винограда и с украшенным плющом тирсом в руках. В свите Диониса часто можно было встретить и покровителя пастухов бога Пана, с козлиными рогами и ногами, длинной бородой. Фавн – бог пастухов и бог-прорицатель, римский аналог Пана. Жрецы Фавна были одеты лишь в козы шкуры. Множество фавнов из свиты Вакха – аналог греческих сатиров [12]. Таким образом, в связи с мифологическими аллюзиями в «Записках» возникает абсурдное карнавальное шествие, связанное с веселыми, неистовыми плясками спутников Диониса (Вакха). Только в данном случае мы имеем дело с карнавальным «перевертыванием» сюжета: во главе шествия находится не Дионис (Вакх), а сатир, Пан или Фавн из его свиты, т.е. козел, украшенный ветками и цветами. Подобное «перевертывание» сюжета связано с абсурдностью самого Мертвого дома, где все довольно зыбко, безумно, где козел становится предметом всеобщей любви и преклонения, а шествие арестантов во главе с козлом, да еще и в сопровождении гусей, становится безумным вакхическим разгулом.

Таким образом, зооморфные персонажи важны для Достоевского в двух аспектах. С одной стороны, они несут символическую нагрузку, акцентируя мотив абсурдности Мертвого дома, мечтаний о свободе и невозможности реализации этих мечтаний. С другой стороны, являясь двойниками людей, зооморфные (в частности, собачьи) образы акцентируют ненормальную жизнь и ненормальное поведение арестантов, психика которых искалечена каторгой.

Сумасшествие – тема, актуализирующая аспект абсурдного, безумного мира у Достоевского и Гоголя. Как правило, сумасшедшими в остроге становились от боязни наказания, человеческий разум оказывался не способным осознать и принять неминуемость жестокого наказания. Таков был арестант лет сорока пяти, с изуродованным оспой лицом, вдруг решивший, что дочь полковника, страстно влюбленная в него, сделает все, чтобы избавить его от наказания. Его поврежденный разум придумал целую любовную историю, сродни той, которая родилась в воспаленном мозгу Поприщина по отношению к дочери «его превосходительства» Софи. И так же, как Поприщин после прочтения писем Меджи осознал невозможность своей любви, арестант после наказания понял, что дочь полковника вряд ли хлопотала за него. Лю-

бовный сюжет здесь становится единственным спасением героев среди той серой, абсурдной жизни, которая их окружает. Софи для Поприщина была одним из стимулов для прозрения и понимания своего места в этом мире. Дочь полковника для арестанта, солдата, которому, «может быть, во всю жизнь ни разу и не подумалось о барышнях» [6. С. 160], стала единственным светлым воспоминанием во всей его унылой жизни.

Идея мученичества, столь важная для более поздних романов Достоевского, берет свое начало как раз в «Записках из Мертвого дома». Она связана с другими не менее важными аспектами – сумасшествием и религией. Казалось бы, что еще может спасти арестанта, как не вера? Но верующих в остроге было немного: Исай Фомич, который каждую пятницу вечером читал молитвы, Аким Акимыч, который трепетно готовился к празднику Рождества Христова, но не потому, что был очень религиозен, а потому, что был благонаправлен. Но было несколько арестантов, которых вера повергла в смятенное состояние души и довела до сумасшествия. Таковы были буйные сумасшедшие, приводимые в острожную больницу для испытания и составлявшие «истинную кару Божию для всей палаты» [6. С. 159]. Бывший унтер-офицер Острожский, добродушный и честный поляк, постоянно читавший католическую Библию, вдруг оказался также в больнице в качестве сумасшедшего. Начитавшийся Библии арестант сошел с ума и бросился на майора, имея лишь одно желание – воплотить в жизнь идею мученичества и тем самым искупить свои грехи. Таким образом, Достоевский акцентирует тот аспект семантики каторги, который обозначен в заглавии, – Мертвый дом. Острог действительно оказывается мертвым местом именно потому, что даже Бог отвернулся от него. Религия не может вселить веру и надежду в людей, находящихся в нечеловеческих условиях, поэтому они становятся духовно мертвыми обитателями мертвого дома.

В некотором смысле идея мученичества связана и с «Записками сумасшедшего». Один из вариантов прочтения первоначального названия повести в авторской рукописи, предложенный В.А. Воропаевым и И.А. Виноградовым, – «Записки сумасшедшего мученика» [13. С. 504–505]. Несмотря на то, что позиция Воропаева и Виноградова представляется нам недостаточно обоснованной, мы все же не можем не вспомнить о заключительном вопле гоголевского героя: «За что они мучат меня? <...> я не могу вынести всех мук их...» [2. С. 214]. Генезис подобных мучений – в страданиях Чацкого, это страдания ума, понимающего абсурдность окружающего его мира. Горьничиков, конечно, далек от Чацкого, но все же его страдания на каторге связаны также не с физической, а с духовной невозможностью безропотно принимать все тяготы абсурдной острожной жизни.

Можно провести параллель между абсурдным каторжным миром Достоевского и инквизицией Гоголя. Тема испанской инквизиции возникает в конце «Записок сумасшедшего» и является своеобразным конденсатором, вбирающим в себя все испанские аллюзии «Записок». Жизнь Поприщина оказывается движением к инквизиционному суду, т.е. к сумасшедшему дому, что в контексте повести одно и то же. С помощью испанской тематики Гоголь изображает весь абсурд русского бытия, когда невозможно разобрать, где Россия, где Испания, где департамент, дворец, сумасшедший дом. Поче-

му же именно в исследуемый период в гоголевском творчестве возникает тема инквизиции? Думается, что ответ на этот вопрос нужно искать в жизненных реалиях того времени. После восстания декабристов символом российской жизни стало молчание. Ситуацию, сложившуюся к тому времени в России, можно обозначить как ситуацию постоянного инквизиционного суда. Множество комитетов, и в том числе III отделение, созданных специально для надзора за неблагонадежными вольнодумцами, разгул цензуры, необходимость коренных преобразований и невозможность их осуществления – таковы особенности политической обстановки в николаевскую эпоху.

Таким образом, есть все основания утверждать, что тема испанской инквизиции не случайно возникает в повести Гоголя. Она вызывает ассоциации с современной действительностью, где любое инакомыслие воспринимается как ересь и жестоко наказывается. Поприщин, постигший в своем безумии высшие общечеловеческие ценности, выбивается из нормы, он не вписывается в четко отлаженную государственную систему, а поэтому должен быть объявлен сумасшедшим и заточен в сумасшедший дом. В результате в повести возникает образ России как одного большого заседания инквизиционного суда во главе с III отделением (по тексту – великим инквизитором).

Жертвой «русской инквизиции», т.е. III отделения, стал и Достоевский, на себе испытавший все тяготы острожной жизни. Описывая острожный быт, автор рисует картину такой же, как у Гоголя, абсурдной жизни. Каторга не исправляет людей, а лишь калечит их внутреннюю сущность, уничтожает все человеческое, что в них есть. И самое страшное то, что нет никакого спасения от этого пагубного влияния: ни религия, ни искусственное мученичество, ни театр, ни музыка не способны противостоять реалиям каторжной жизни. Театр и музыка, животные, религиозные праздники лишь на время пробуждают душу арестантов, но затем она вновь погружается в тот же мрак, в котором находилась до этого. Лишь сильные натуры, которых на каторге немного, способны противостоять этому.

Абсурд, страх и боль пропитали все слои каторжной жизни, и апогеем этого абсурда стал образ бани, в которую арестантов повели мыться перед Рождеством. И если у Гоголя описание сумасшедшего дома вводит в повесть апокалипсическое начало и сумасшедший дом ассоциируется с адом, то у Достоевского, несомненно, символом ада становится баня: «Когда мы растворили дверь в самую баню, я думал, что мы вошли в ад» [6. С. 98]. Образ бани в символическом аспекте трактуется неоднозначно и имеет несколько семантических пластов. С одной стороны, это символ телесного (а затем и духовного) очищения, а с другой – баня – некий порог между земным и потусторонним миром. Девушки в Святки, как правило, гадали в банях, потому что именно там человек может вступить в контакт с inferнальной реальностью: «<...> это было пекло. Все это орало и гоготало, при звуке ста цепей, волочившихся по полу...» [6. С. 98]. «Поддадут – и пар застелет густым, горячим облаком всю баню; все загогочет, закричит. Из облака пара замелькают избитые спины, бритые головы, скрюченные руки, ноги» [6. С. 98–99]. «Мне пришло на ум, что если все мы вместе будем когда-нибудь в пекле, то оно очень будет похоже на это место» [6. С. 99]. Приведенные цитаты акцентируют inferнальное начало в арестантах, проявляющееся в бане: они уже

не похожи на людей, они становятся чертями, веселящимися вокруг адского котла, либо грешниками, закованными в кандалы и варящимися в этом котле.

В связи с образом бани и горячей воды возникает аллюзия с гоголевской повестью. Поприщину все время льют на голову холодную воду, а под конец его вообще побрили наголо. Мотив воды в повести связан с темой сумасшествия. Вода в сознании европейца в Средние века и еще долгое время спустя была неразрывно связана с безумием. Кроме того, мотив воды в повести имеет и религиозную семантику. Возможно, Гоголь синтезировал здесь два церковных обряда: крещение и пострижение в монахи. Но подчеркнем: речь идет именно о холодной воде. У Достоевского же арестанты, находясь в чаду бани, моются горячей водой и парятся до безумия, что очень наглядно акцентирует параллель бани и ада с кипящим котлом. Заметим, что горячей водой моются только «господа», простолюдины же, как правило, не моются горячей водой, они лишь парятся, а затем обливаются холодной водой. Однако этот мотив обливания холодной водой не может нейтрализовать общего адского безумия, происходящего в бане.

Таким образом, повести обоих писателей посвящены одной проблеме – абсурду российской действительности и невозможности найти выход из этого абсурдного мира. В конце повести Поприщин, совершивший духовный травелог в другие страны, все же возвращается в Россию и не имеет возможности вырваться из той пучины безумия, которая поглотила его. Именно об этом свидетельствует его последняя запись: «А вы знаете ли, что у французского короля шишка под самым носом?» [2. С. 214]. «Записки из Мертвого дома», которые заканчиваются вроде бы на оптимистичной ноте: «Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых...» [6. С. 232], также не оставляют надежды на воскресение, потому что мы уже знаем о дальнейшей судьбе Горяничкова, о его безрадостном существовании после каторги и о его смерти.

Литература

1. *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. М., 2001. С. 276.
2. Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего // Полн. собр. соч.: в 14 т. М., 1938. Т. 3. С. 193–215.
3. Захаров В.Н. Система жанров Достоевского. Типология и поэтика. Л., 1985. 208 с.
4. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1902. Т. 35. С. 445.
5. Бахтин М.М. Жанровые и сюжетно-композиционные особенности произведений Достоевского // Собр. соч.: в 7 т. М., 2002. Т. 6. С. 115–202.
6. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972. Т. 4. 324 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 3. С. 664.
8. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996.
9. Тресиддер Д. Словарь символов. М.: Гранд, 1999.
10. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 2000.
11. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов. М.: Крон-Пресс, 1998. 512 с.
12. Кун Н.А. Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях. М.: Греко-латинский кабинет, 1992. 270 с.
13. Ворopaев В.А., Виноградов И.А. Примечания // Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 9 т. Т. 3: Повести. Т. 4: Комедии. М., 1994. С. 473–478, 504–507.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.41

DOI 10.17223/19986645/17/10

В.А. Голуб**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФОТОЖУРНАЛИСТИКИ
В КОНТЕКСТЕ ПРОГРЕССА ЦИФРОВЫХ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

В статье рассматриваются изменения, произошедшие в фотожурналистике вследствие перехода с аналоговых технологий получения изображения на цифровые, анализируются как положительные, так и отрицательные последствия этого перехода. Исследуются факторы, способствующие тому, что в последнее время низкачественная фотография становится все более массовой. Выделяются получившие широкое распространение технические приемы, необоснованное и неграмотное применение которых приводит к снижению уровня работ фотожурналистов.

Ключевые слова: *фотожурналистика, фотографические цифровые технологии.*

Современные цифровые технологии коренным образом изменили фотографический процесс - процесс формирования изображений под действием световой энергии. Революционные перемены в технической сфере привели к радикальным преобразованиям всего, что с фотографией связано вплоть до ее эстетической составляющей. Технологический прогресс необычайно расширил границы возможного в современной фотографии. Фотограф информационного агентства Франс-Пресс Дмитрий Костюков отмечает: «Совершенствование фототехники позволяет сегодня снимать больше, в лучшем качестве и в более сложных условиях. Допустимая чувствительность в профессиональных камерах дает возможность ночью снимать движение, не используя вспышку, делать сильное кадрирование и просто больше экспериментировать. Развитие смежных устройств (спутниковые телефоны, устройства передачи информации) позволяет новостным фотографиям передавать информацию гораздо более оперативно. Эти возможности, в свою очередь, сильно изменили представление о том, что считать временной нормой доставки фотографии потребителю» [1].

Компьютерные технологии открывают новые горизонты фотографического творчества, позволяя достигать впечатляющих результатов путем коррекции и преобразования изображений. Теперь появились возможности реализации практически любого творческого замысла, фотограф стал поистине свободным в создании фотографии как произведения искусства. «Фотожурналист все больше становится художником, а журналистская фотография – искусством» [1]. Известный российский фотомастер Александр Тягны-Рядно отмечает: «Современные технологии дают небывалые возможности. Вспомните классическую фразу Картье-Брессона: «Я не хочу заниматься цветом, потому что я не могу им управлять». Почему он так сказал? Потому что технология печати со слайдовских пленок была очень сложной, нестабильной. Сейчас

возможно все, что я хочу» [2. С. 28–35]. Разумеется, такое сближение фотографии и изобразительного искусства стало возможным только благодаря современным технологиям.

Целью данной работы является систематизация изменений, произошедших в последнее время в фотографии и фотожурналистике, вследствие замены аналоговых технологий получения изображения цифровыми, выявление негативных аспектов этого процесса, анализ факторов, способствующих тому, что низкокачественная фотография становится все более широко распространенной, в частности в СМИ, выявление негативных тенденций, приводящих к снижению профессионального уровня фотожурналистов и, как следствие, падению художественного уровня публикуемых фотографий.

Широкое внедрение цифровых фотографических технологий привело к выраженным изменениям в следующих аспектах фотографии, самым существенным образом повлиявших и на фотожурналистику:

1) фотография стала по-настоящему общедоступной – теперь в большинстве случаев, чтобы сделать снимок, необязательно знать экспонометрию («умная» автоматическая камера сама установит нужную выдержку и диафрагму), не надо, как это было ещё в недавние времена, знать основы химии фотографического процесса, уметь проявлять пленку, знать методы проекционной и контактной фотопечати, владеть различными способами обработки фотобумаг, оптимизирующими их качество, и т.п.;

2) повысился технический уровень изображений, получаемых с помощью цифровых методов, как следствие совершенствования элементов и узлов фотоаппаратуры, компьютеризации камер с реализацией сложных и совершенных автоматических алгоритмов «внутрикамерной» обработки изображений, что позволяет говорить о высокой «интеллектуализации» современных фотокамер, позволяющей минимизировать технический брак;

3) возросла вероятность получения выразительных кадров даже некачественным фотографом, так как в отсутствие необходимости дополнительных финансовых расходов на пленку и химические реактивы для её обработки стало возможным снимать множество кадров для каждого сюжета (это аналогично стрельбе из автоматического оружия: даже для не самого хорошего стрелка весьма возможно, что одна пуля из длинной очереди в цель попадет, в отличие от ситуации, когда профессионалом тщательно готовится и делается один высококлассный кадр – «снайперский выстрел»);

4) прогрессировали методы улучшения уже сделанных фотографий и исправления брака, возникшего при съемке, путем компьютерной постобработки в графических редакторах, что также стало важнейшим фактором получения фотографий высокого технического уровня;

5) расширились творческие возможности фотографа как создателя новой реальности (также благодаря компьютерной обработке изображений), чему свидетельством является широкое распространение и непредставимое ранее совершенство коллажей и фотоартов, как никогда ранее сблизивших фотографию и изобразительное искусство;

6) изменилось конечное представление фотографии – фотоснимки все чаще рассматриваются на экране монитора и все реже печатаются;

7) выросло качество фотографической печати – благодаря цифровой принтерной широкоформатной печати не только возрос технический уровень снимков, но стала доступной и распространенной широкоформатная печать (уже никого не удивляют цветные фотографии многометровых размеров), стало возможным печатать фотографию сразу с элементами ее оформления – рамками, паспарту и др.;

8) оперативность представления готовой фотографии вышла на совершенно новый уровень – снимок готов к использованию сразу, как только он сделан, и может быть незамедлительно отправлен в редакцию или выложен в Интернете благодаря использованию современных средств телекоммуникации;

9) фотографии стали широкодоступными благодаря возможности их распространения через Интернет – теперь достаточно выложить снимки в Сеть, чтобы практически любой мог их посмотреть и при желании использовать.

К сожалению, есть и обратная сторона технологического прогресса в фотографии – техническое развитие сопровождается целым рядом негативных явлений, зачастую на первый взгляд парадоксальных. Ефрем Лукацкий, фотокорреспондент Associated Press, рассуждая о тенденциях в фотожурналистике, говорит: «Я бы сказал: вырос уровень техники – упал уровень качества. Фотожурналистика уходит в Интернет. Появились новые медийные форматы, и это влияет не только на фотожурналистику, а и на журналистику в целом» [3].

Среди негативных аспектов перехода от аналоговой фотографии к цифровой можно указать следующие:

1) явно выраженный регресс эстетики массовой фотографии, причины которого многогранны и кратко будут обозначены ниже;

2) падение среднего уровня профессионализма фотографов в целом и фотожурналистов в частности;

3) широкое распространение низкокачественных в изобразительном плане фотографий в СМИ;

4) «растворение» действительно хороших фотографий в огромной массе снимков среднего и низкого уровня, особенно когда речь идет о фотографиях, размещенных в Глобальной сети;

5) быстрое и широкое распространение «моды» на определенные, часто мало художественные технические и творческие приемы съемки и обработки фотоизображений;

6) проблема защиты авторских прав на цифровые изображения вследствие необычайной легкости копирования графических файлов при полном сохранении их качества (напечатанную фотографию воспроизвести в исходном качестве часто практически невозможно, особенно если оригинал воспроизведен типографским способом); особую роль в возможном нарушении прав авторов на изображения играет Интернет, так как выложенные в Сети фотографии могут быть легко использованы без разрешения их автора или владельца, причем не существует достаточно надежных способов защиты от таких несанкционированных действий или контроля за распространением изображений (даже внедряемые стеганографическими методами цифровые водяные знаки с информацией об авторе не решают проблемы).

Все перечисленные негативные аспекты, связанные с переходом на «цифру», кроме последнего, в большей или меньшей степени связаны с категориями выразительности, художественности, эстетической ценности и т.п. Особняком в этом ряду стоит проблема защиты авторских прав на цифровые изображения, решение которой предполагает целый комплекс мер, прежде всего правовых и технических. Более того, можно говорить о том, что повышение культурного уровня, нравственности, снижение правового нигилизма также должны способствовать решению задачи защиты прав авторов.

К числу факторов, способствующих тому, что низкокачественная фотография становится все более широко распространенной, занимает все более доминирующие позиции, следует отнести:

1) техническое совершенство современной фототехники, создающее предпосылки для того, чтобы даже ничего не понимающий в фотографии «пользователь» мог, используя автоматические съемочные режимы, получать технически достаточно качественные снимки;

2) низкий средний уровень культуры населения, а значит, и фотолюбителей и части профессиональных фотографов и фотожурналистов, не позволяющий адекватно оценивать качество сделанных снимков;

3) широкое проникновение Интернета во все сферы нашей жизни, включая фотографическое творчество;

4) исключительные возможности компьютерного редактирования, которые при недостатке вкуса автора приводят к появлению псевдохудожественных фотографий;

5) сокращение ставок фотокорреспондентов редакциями ряда изданий, в первую очередь небольших региональных и корпоративных, с передачей их функций пишущим журналистам.

Рассмотрим эти факторы более подробно.

Развитие цифровых технологий сделало возможным ситуацию, когда технически вполне удовлетворительную фотографию может сделать человек, ничего о процессе фотографирования не знающий и, может быть, первый раз в жизни взявший аппарат в руки. Чтобы написать картину, надо научиться рисовать, желательно обладать хотя бы некоторыми способностями к живописи и графике, а чтобы сделать фотографию, достаточно просто нажать кнопку автоматической фотокамеры. Конечно, автоматика дает хорошие результаты, только если условия съемки являются «стандартными», соответствующими тем, что запрограммированы в камере. Ситуация, когда, чтобы получилась резкая с относительно верной тональной и цветопередачей фотография, достаточно лишь навести фотоаппарат на объект съемки и нажать кнопку, способствует небывало широкому распространению фотолюбительства, а также появлению множества владельцев камер, зарабатывающих фотографией и с детской непосредственностью называющих себя фотографами. А.И. Лапин пишет: «Если раньше учиться фотографировать нужно было многие годы, сегодня из трех китов, на которых всегда держалась фотография, - съемка, обработка пленки и печать, остался один, это фотосъемка. ...Причем время «умеющих снимать», по всей видимости, кончилось, снимать сегодня умеют все, потому что «умеет» сама камера. ...Количество настоящих фотографов, естественно, не увеличилось и увеличиться не может, зато количест-

во средних, полупрофессионалов возросло необыкновенно. Они со своей «умной» камерой берутся за любую работу, и соответственно уровень фотографии в периодических изданиях и на выставках опустился до среднего и ниже» [4. С. 13,14].

Когда фотография уже сделана, важно дать адекватную оценку ее качества. Если автор снимка или те, кто оценивает снимок (в том числе для публикации, экспозиции и др.), не обладают ни фотографической подготовкой, ни, что гораздо более важно, приемлемым уровнем художественного вкуса, то фотографии откровенно слабые, эстетически неприемлемые оцениваются как вполне качественные и представляются для широкого показа в Интернете, публикуются в СМИ и даже экспонируются на разного рода выставках. При этом небывалая массовость фотографии служит ей плохую службу – количество фотографического брака превышает все мыслимые пределы. Не случайно главный редактор журнала «Foto&video» Владимир Нескормный отмечает: «Современные цифровые технологии, и в особенности массовая фотография, являются огромным социальным злом и таят в себе колоссальную опасность для всех слоев общества, а также для структур власти. Сейчас, когда фотография доступна всем и каждому, смотреть на эти снимки на трезвую голову просто страшно. Хочется лечь и умереть» [5. С. 112].

Падение культурного уровня населения подтверждается статистическими данными. Например, по данным опроса ВЦИОМ, 18% россиян вообще не держат дома книги, при этом у большинства в домашних библиотеках насчитывается менее 100 книг и количество таких людей увеличивается – с 28% в 1990 г. до 49% в 2011 г., что уже стало беспокоить даже властные структуры [6, 7]. По другим данным, наши сограждане стали редко ходить в театр – 47% россиян посещают театры очень редко, а 29% вообще ни разу в театре не были [8].

Все большую роль в нашей жизни играет глобальная компьютерная сеть. Фотография в Интернете представлена исключительно широко и разнообразно. Многочисленные специализированные фотографические интернет-страницы, сайты фотографических изданий и отдельных фотографов, сетевые ресурсы различных организаций (фотоклубов, фотешкол и др.), фотобанки, наконец, бесчисленные фотоальбомы в социальных сетях. Фотографии стало как никогда много, и она стала беспрецедентно доступна. Но это представляется безусловным благом только на первый взгляд. Доминирование массовой низкокачественной фотографии приводит к тому, что в бесчисленном множестве плохих снимков «растворяются» действительно удачные талантливые работы. Неограниченная ничем и никем возможность легко и быстро выкладывать в Сеть фотографии, мгновенно делая их доступными миллионам зрителей, оказывается для массовой фотографии крайне опасной. Даже самый посредственный снимок, выложенный для всеобщего обозрения, находит своего зрителя, что подтверждают восторженные комментарии, сопровождающие представленные в социальных сетях откровенно слабые снимки. В результате автор низкокачественных фотографий в определенный момент и сам начинает верить, что он мастер, а его фотографии уже почти шедевры и учиться фотографии, развиваться, совершенствоваться нет никакой необходимости. «Активисты фотографического сообщества 90-х годов возмущаются массовой фотографией, основную часть которой составляют кошечки-собачки-цветочки-детки.

В то же время они, видимо, еще не до конца осознали, какую фотографию принесли портативные коммуникаторы и социальные сети... Еще пару лет и содержимое альбомов 10×15 эпохи 90-х годов можно будет выставлять в лофт-аудиториях и продавать в коллекции мировых музеев. Фотографию социальных сетей я бы мог назвать новой ломографией/мобилографией. Увы, она даже такой не является. ...Эта фотография мне напоминает фрагменты видеонаблюдения...» – пишет В. Нескоромный [9. С. 112].

Интернет способствует и массовому распространению «модных» приемов в съемке и обработке. Неумение сделать интересную выразительную фотографию, которая «цепляла» бы зрителя, ведет к поиску простых средств, придающих снимку «оригинальность», позволяющих ему выделиться из огромной массы безликих фоторабот.

Можно выделить целый ряд технических приемов, получивших в последнее время широкое распространение уже не только в любительской, но и в профессиональной фотографии, а частично и в фотожурналистике. К их числу, в частности, относятся:

- 1) наклон камеры при съемке, приводящий к наклону горизонтальных и вертикальных линий в кадре;
- 2) виньетирование путем притемнения углов или периферийных областей кадра в процессе его компьютерной обработки;
- 3) градиентное высветление краев кадра;
- 4) размытие отдельных областей фотоснимка (часто имитирующее малую глубину резко изображаемого пространства);
- 5) добавление к фотографии всевозможных графических элементов (рамки, линий, дорисовки и т.п.) и надписей (имени или псевдонима автора, названия снимка и др.);
- 6) использование специальных приемов ретуши портретных фотографий, часто приводящих к исчезновению фактуры кожи и дающих эффект «платмассового» лица на снимке;
- 7) избыточное повышение резкости (уже получившее жаргонное название «перешарп», от английского to sharp – повышать резкость);
- 8) намеренно грубая цветовая коррекция, делающая цвета на снимке неестественными («ядовитыми»).

Любой из перечисленных приемов, если он применен обоснованно, использован к месту и аккуратно, может усилить художественность и выразительность кадра. Но отсутствие вкуса и чувства меры, часто в сочетании с недостаточно грамотной работой в графических редакторах, приводит к тому, что эти эффекты становятся штампами, бездумно применяемыми ко многим, а часто почти ко всем фотографиям автора. Сегодня подобные технические приемы фотосъемки и обработки стали своего рода «модой» и весьма популярны в среде молодых «профессиональных» фотографов, зарабатывающих съемкой свадеб, корпоративов, «художественных» портретов, моделей. Массовому потребителю такая фотография часто нравится, представляется необычной, оригинальной, она востребована и оплачиваема, что еще более усугубляет ситуацию. Подобные снимки все чаще встречаются на страницах разных СМИ – от корпоративных многотиражек до дорогих рекламных изданий и центральных газет. Например, только в одном номере «Российской га-

зеты») от 24.11.2011 даны две фотографии, центральные на полосах, снятые с наклоном камеры [10. С. 10; 11. С. 19]. «Модные» приемы компьютерной обработки стали использоваться уже и при верстке, чему множество примеров можно найти в самых разных газетах, журналах, буклетах и т.п.

Качество фотографий, публикуемых в СМИ, страдает еще и из-за того, что редакции ряда газет, прежде всего небольших, сокращают ставки фото-корреспондентов и возлагают их функции на пишущих журналистов. Логика таких действий диктуется, во-первых, стремлением к экономии финансовых средств; во-вторых, недооценкой со стороны руководства СМИ важности качественных фотоиллюстраций, а в-третьих, иллюзией, что, располагая автоматической цифровой камерой, любой человек, а уж тем более имеющий журналистское образование, может сделать хорошую фотографию. При этом не учитывается, что за хорошей фотографией всегда стоят большой труд, серьезные затраты времени и сил, а до этого годы обучения и накопления практического опыта. Если основной задачей журналиста является написание текста, то фотография будет для него вторичной, она будет делаться между делом, что неизбежно скажется на её качестве. Лишь немногие журналисты являются универсалами – и тексты хорошие пишут, и фотографии делают на должном уровне.

Таким образом, внедрение цифровых технологий привело к целому ряду негативных последствий для фотографии в целом и для фотожурналистики в частности. Имеется ряд факторов, рассмотренных в данной работе, которые определяют все более широкое распространение низкокачественной фотографии, падение уровня фотоиллюстраций, публикуемых в различных изданиях.

Следует подчеркнуть особую роль фотографий в СМИ – любое издание в значительной степени определяет ценностные ориентиры читательской аудитории, в числе важнейших из которых следует указать ориентиры эстетические. Ухудшение качества фотоиллюстраций способствует деградации вкуса читательской аудитории, снижению массового культурного уровня.

Литература

1. Костюков Д. Основные тенденции развития современной фотожурналистики. Сайт «Фотолюбитель». (<http://amateurphotographer.ru/?p=12233>).
2. Тягны-Рядно А. Профессионал мастерски загоняет удачу в свои сети // Российское фото. 2011. № 7–8. С. 28–35.
3. Авдошин А. Ефрем Лукацкий о тенденциях в фотожурналистике: «Вырос уровень техники – упал уровень качества». Портал фотоклубов и фотошкол СНГ. (<http://fotoclub.info/news/648.html>).
4. Лапин А.И. Фотография как...: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 296 с.
5. Нескоромный В. Народный портрет // «Foto&video». 2010. №2. С. 112.
6. Книги, которые мы читаем... и не читаем. Сайт ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1780 от 17.06.2011. (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111694>).
7. Путина тревожит, что россияне стали меньше читать. Сайт «Новый Калининград». (<http://www.newkaliningrad.ru/news/politics/1362326-putina-trevozhit-cto-rossiyane-stali-menshe-chitat.html>).
8. Путина беспокоит, что россияне мало ходят в театры и часто смотрят зарубежное кино. А почему так происходит? Ответы@mail.ru. (<http://otvet.mail.ru/question/57242112/>).
9. Нескоромный В. Спасти рядового тролля! // «Foto&video». 2011. №11. С. 112.
10. Батенева Т. Лекарство от таблеток // Рос. газ. 2011. № 265 (5641). С. 10.
11. Ткачева Т. Подняли градус // Там же. С. 19.

УДК 070:93/94 (571.1)

DOI 10.17223/19986645/17/11

Н.В. Жиликова

**«В ЗАЩИТУ УМСТВЕННОГО ЦЕНТРА»: ПОЛЕМИКА
«СИБИРСКОГО ВЕСТНИКА» И «ГРАЖДАНИНА» ПО ПОВОДУ
ОТКРЫТИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(1888 г.)**

В статье впервые подробно анализируется дискуссия 1888 г., развернувшаяся на страницах Санкт-Петербургской газеты «Гражданин» и томского «Сибирского вестника». Проясняются методы и приемы ведения газетной полемики в дореволюционной газетной периодике, анализируется система представлений о Сибири в российских консервативных кругах.

Ключевые слова: университет, полемика, «Гражданин», томская журналистика.

Важным источником для изучения истории общественного и культурного сознания Сибири являются материалы русской дореволюционной периодической печати. Одна из актуальных проблем становления и развития регионального сознания отразилась в полемике, развернувшейся в 1888 г. между столичной газетой «Гражданин» и томской газетой «Сибирский вестник» по поводу открытия первого университета в Сибири.

Изучение материалов этой дискуссии представляется чрезвычайно значимым для характеристики состояния русской общественной мысли и журналистики 1880–1890-х гг. в силу того, что рамки обсуждения вопроса об организации учебного заведения в городе Томске оказались развернутыми до масштаба общероссийских проблем: обсуждались пути общественно-политического развития страны и место в этом процессе сибирского региона, отношения «центра» и «провинции», концепция российского образования (на либеральной или демократической основе оно должно строиться) и т.д. Наконец, сама дискуссия 1888 г., ее содержание и формы ведения полемики, представляют научный интерес как звено процесса формирования регионального сознания в общероссийском контексте, как материал для изучения типов газетных изданий.

Открытие первого сибирского университета было затруднено многочисленными препонами, связанными во многом с отношением к этому региону как месту ссылки, не нуждающемуся, по логике царского правительства, в собственном высшем учебном заведении. Основанный еще в 1878 г., Императорский Томский университет начал свою работу только в 1888 г. Однако у столичных публицистов консервативного направления все еще оставались сомнения в правильности открытия университета в Сибири, о чем они не замедлили заявить на страницах влиятельной газеты князя В.П. Мещерского «Гражданин». В защиту нового «очага просвещения» выступила сибирская пресса – газета «Сибирский вестник», в это время оставшаяся единственным частным изданием в Томске.

Судьба томской периодики в 1888 г. складывалась драматически. Обе частные газеты Томска, «Сибирская газета» и «Сибирский вестник», не имели возможности в полной мере осветить такое выдающееся событие – открытие Императорского Томского университета. Редакция «Сибирской газеты» не была приглашена на торжество, так как заслужила прочную репутацию «вредного», политически неблагонадежного издания. «Университетский номер», подготовленный «Сибирской газетой» (№ 55 от 22 июля 1888 г.) и следующий за ним (№ 56 от 24 июля 1888 г.) – стали последними в истории издания, после этого газета была приостановлена на 8 месяцев, а затем окончательно закрыта.

«Сибирский вестник» в том же 1888 г. был приостановлен на 4 месяца (с мая по сентябрь) и не имел возможности публиковать материалы об открытии и первом месяце работы университета. Однако уже в первом номере газеты, возобновившейся после приостановки, «Сибирский вестник» в фельетоне «Чем мы живы. В Томске» акцентировал внимание читателей на «событии громадной важности – открытии Томского университета»: «Это событие – единственное во всей исторической жизни Сибири, ибо если бы даже открыли у нас еще десять высших школ, то они будут вторая, третья, четвертая и т.д., а не *первый* Сибирский университет» (СВ. 1888. № 51). Освещение же торжества в столичной прессе, считал «Сибирский вестник», не отражало всей его значимости. По сведениям томской газеты, «в петербургских газетах появился ряд корреспонденций об открытии университета и по поводу его открытия. Все они, по обыкновению, не только казенны, но, главное, писаны людьми совершенно не знающими условий нашей местной жизни». Именно в незнании края, считали публицисты, заключалась главная проблема – «как редакциям петербургских газет знать дух нашего края, когда они даже не знают элементарной сибирской географии» (СВ. 1888. № 51).

Обзор газет за 1888 г. показывает, что доля истины в заявлении «Сибирского вестника» была. Действительно, в ряде газет были помещены только стандартные «приветствия» новому университету (см., например: Новое время. 1888. № 4454. Рубрика «Телеграммы Северного телеграфного агентства»). Однако не все столичные издания формально подошли к делу освещения торжества открытия первого сибирского университета: здесь лично побывал корреспондент газеты «Гражданин», который изложил свои впечатления в объемном материале этого издания. Этот материал озаменовал начало длительной полемики между «Гражданином» и «Сибирским вестником», поводом к которой послужило торжество открытия. Но в действительности на первый план вскоре вышла проблема духовной и культурной самостоятельности Сибири и так называемого сепаратизма, в котором столичная газета неустанно обвиняла сибиряков.

Появление в «Гражданине» материалов о сибирском университете нельзя назвать случайностью. Анализ содержания газеты в 1888 г. свидетельствует о том, что издание постоянно писало о проблемах высшего образования в России, о российском студенчестве и о русской профессуре (см. передовые статьи «О профессорах университета» – 1888. № 13; «Студенчество и общество» – 1888. № 39; «К вопросу о наших университетах» – 1888. № 51; «Наши деревенские университеты» – 1888. № 61). «Гражданин» высказывал озабо-

ченность и тревогу по поводу процесса политизации и демократизации студенческой массы: «...профессор перестал быть авторитетом», столицы оказывают «крайне пагубное влияние на молодого человека», и если бы университеты находились в провинции, юноши гораздо реже попадали бы на «ложный путь, столь гибельный для нашей способной и развитой молодежи» (Гражданин. 1888. № 14, 49). Мысль о «перемещении наших университетов в провинцию» достаточно сильно занимала публицистов «Гражданина», и это, несомненно, сыграло свою роль во внимании, с которым отнеслась газета к новому провинциальному университету России.

Об открытии Сибирского университета «Гражданин» впервые написал в № 204 от 24 июля 1888 г.: в рубрике «Телеграммы» была дана информация о событии, а в «Дневнике», который вел в газете сам Мещерский, выразилось отношение к новому учебному заведению. Если часть публицистов, как уже было отмечено, считали желательным развитие провинциальных университетов, то В.П. Мещерский писал: «Вчера для Сибири был знаменательный день: открытие томского университета... От "Гражданина" ждать приветствий этому событию вряд ли кто будет, ибо как прежде я говорил, так и теперь я повторяю, что по добросовестному, а не обманному расчету нужд на всю Россию достаточно двух-трех университетов, а что все остальные – это только побрякушка духу века и вернейшее средство разводить людей с верхушками высшего образования, ни на какое практическое дело не годных, и ни на какое научное дело не нужных» (Гражданин. 1888. № 204). Мещерский выражал уверенность в том, что его мнение разделяют тысячи людей, «но никто не смеет его высказывать из страха газетных жидов и прогрессистов». Относительно сибирского университета князь высказывал опасения, что здесь «начнется вначале царство жида и поляка, а потом разных азмов», при этом обнаружил неосведомленность относительно структуры сибирской администрации: Мещерский почему-то считал, что Томск, в отличие от Омска, «осуществляется в ведении одного вице-губернатора».

В № 206 от 26 июля в разделе «Хроника» «Гражданин» поместил информацию о телеграмме попечителя Западно-Сибирского округа В. Флоринского императору, ответ государя и собственно текст телеграммы, а в № 209 от 29 июля 1888 г. газета напечатала в качестве передовой статью «Трепет невежества», подписанную «Недавно бывший в Сибири». Корреспондент «Гражданина» оповещал читателей, что он «сам видел это святилище истины и, побывавши в Сибири, имел случай приглядеться к некоторым характерным особенностям страны», а потому считал, что «благоразумные люди должны теперь печалиться», а не радоваться новому университету. Автор однозначно характеризовал сибирский университет как «новое поприще для всяких бессмысленно-стадных волнений среди незрелой молодежи». Пессимистически оценивал корреспондент столичной газеты и тот факт, что в дело основания университета были вложены значительные частные пожертвования, так как, по его мнению, в Сибири «побуждением жертвовать служит серое, безграмотное стремление разжившегося кулака, который до самой смерти считал в доме все свечные огарки, разом в завещании отвалить крупную сумму на совершенно недостижимое для его ума дело, благо печать его за это превознесет до небес». Сибирские купцы, по мысли автора корреспонденции, «выставили

себя напоказ в неуместно-смешной роли проводников высшего образования», совершенно лишнего в крае, где «население состоит еще из полудикарей и находится под вечным притоком растлевающих ссыльных элементов». Корреспондент прямо указывал, что, по его мнению, в Томске «не было надобности воздвигать величественное здание, размерами превосходящее все другие русские университеты», так как теперь здесь «получится уединенный уголок, где до времени, под знаменем науки будут процветать революционные идеи и мечты о самостоятельной Сибири». Он не сомневался, что «в результате жалеть придется и погибающих юношей, и опошленный университет, и бесполезно растраченные на него капиталы». Особенную тревогу вызывал у «Недавно бывшего в Сибири» возможный расцвет сепаратизма, который «выступит во всеоружии своей протестующей против централизма проповеди»: это «не может подлежать ни малейшему сомнению для того, кто знаком с духом и тенденциями сибирской прессы, кто наблюдал за неприязнью, с которой туземцы относятся ко всему "российскому", точно они не дети той же самой могучей матери» (Гражданин. 1888. № 209).

Ответ на июльскую корреспонденцию «Гражданина» «Сибирский вестник» дал только после возобновления издания, в № 54 от 11 сентября 1888 г. По сути, именно эту публикацию можно считать началом полемики: до этого «Гражданин» высказывал свои соображения в режиме монолога. Томский автор в продолжающемся фельетоне «Чем мы живы» отмечал, что столичная печать уделяет чрезвычайно мало внимания сибирским делам, а если же известия о Сибири попадают на страницы крупных российских изданий, то они нередко оказываются неверно понятыми или ошибочными. В итоге «простая местная жизнь» для столичных газет оказывается «труднее и недоступнее», чем «смысл сложного политического и общественного интереса любой европейской страны». Именно поэтому, считал фельетонист, корреспондент «Гражданина», присутствуя на торжественном открытии первого университета в Сибири, вынес из этого события совершенно ложное впечатление о том, что «университет в Сибири будет орудием для достижения целей сибирского сепаратизма!!! [три восклицательных знака поставлены «Сибирским вестником】». «Сибирский вестник» подчеркивал, что «ни один разумный человек в Сибири уже давно не верит в эту нелепую идею», более того – «так называемый "сепаратизм" перестал быть даже литературной игрушкой, и о нем у нас уже не только всерьез не говорят, но даже им и не шутят». С точки зрения фельетониста, в этом и заключалось основное различие в понимании ситуации: сибирские публицисты были уверены, что Томский университет станет «могучим орудием для развития и укрепления вековой народной связи Сибири с Россией путем научного единения, научных задач и стремлений», а «"вольный турист" "Гражданина"» высказывал свои «патриотические опасения», для сибиряка «смешные и забавные» (СВ. 1888. № 54).

В следующем номере «Сибирского вестника» (№ 59 от 23 сентября 1888 г.) тема полемики с «Гражданином» была вынесена уже на первую полосу, в виде передовой статьи. Обосновывая это решение, газета отмечала, что «русская печать не удостоила вниманием громких тирад "Гражданина", и только одни "Санкт-Петербургские ведомости" напечатали ему небольшую реплику». Но сибирские публицисты, считала томская газета, не могут ос-

таться в стороне: «Нам, живущим как раз подле новооткрытой Сциллы и Харибды, невозможно молчать по поводу эксцентричной статьи "Гражданина", которая, как и всякое мнение, конечно, найдет сторонников». Перечислив основные положения корреспонденции «Недавно бывшего в Сибири», «Сибирский вестник» снабдил их подробными комментариями. Так, на замечание «Гражданина» о жертвователях он писал: «Правда, Сибирь не Америка, но среди ее купечества попадаются личности энергические, с светлой головой, и мы смеем думать, что имена Демидова, Сибирякова и покойного Цибульского совсем не подойдут под ту мерку, какую заготовил для них предупредительный "Гражданин". Все трое принадлежат к людям далеко недюжинным, которым нельзя ничуть отказать в предприимчивости; их капиталы были нажиты упорным трудом, а не с неба свалились. Все трое хорошо смогли оценить значение капитала, как могучего двигателя, но отчетливо также сознавали, что капитал без науки мертв».

Публицист «Сибирского вестника» высказал сомнение, что Томский университет «превосходит величиною все прочие», и более того – он был уверен в том, что со временем университет будет нуждаться в дальнейшем расширении. Последовательно опровергнув утверждения «Гражданина» о том, что Томск – «деревушка», а сибиряки – «полудикари», «Сибирский вестник» снова акцентировал внимание читателей на вопросе о сепаратизме, еще раз подчеркнув, что опасность его сильно преувеличена. Таким образом, заключал публицист, «напрасно "Гражданин" строит постную физиономию плакальщицы на новом празднике русского просвещения», поскольку только «пылкая фантазия» столичного корреспондента поселила в университете «бессмысленное стадо революционеров и сепаратистов».

Ответом «Гражданина» стала передовая статья «Восторги сибирских публицистов», опубликованная в № 270 от 28 сентября 1888 г. Материалом для анализа в ней являются публикации возобновленного «Сибирского вестника», посвященные «новому рассаднику просвещения». Две фразы томского автора особенно привлекли внимание столичной газеты: о том, что «22 июля 1888 года исполнилась, наконец, заветная мечта сибирского обывателя, мечта, занимавшая лучшие умы России (?)» [курсив и восклицательный знак поставлены «Гражданином»] и Сибири еще с начала текущего столетия <...>» и «Сибирь мало пережила подобных торжественных эпох в своей истории, и давно желанное открытие нашего университета тем более близко сердцу мыслящего человека, что оно намечает для Сибири начало новой эры – эры самостоятельного духовного развития (!!!) [три восклицательных знака поставлены «Гражданином»]». «Гражданин» прокомментировал их так: «Совершенно неожиданно и наивно сибирские публицисты сами дают гласное подтверждение тому, что высказывалось уже "лучшими умами России" задолго до наших дней, что польза русского государства, его *прочность и цельность* [курсив «Гражданина»] – требует предотвращения развития всякой местной обособленности, всяких замашек тех или иных окраин или областей играть роль каких-то римских "провинций" относительно русской "метрополии"». Столичный публицист усмотрел во фразе о «самостоятельном духовном развитии» призрак сепаратизма, о чем свидетельствуют его следующие размышления: «А что если кавказские, польские, балтийские, бессарабские,

крымские и иные публицисты начнут проповедовать о необходимости наступления эры "самостоятельного духовного развития" населения каждой из этих местностей? Духовное развитие русских людей должно быть единообразное и однородное и являться *самостоятельным* [курсив «Гражданина»] относительно культурного развития немцев, англичан, французов, но не своих же соотечественников, обитающих в ином углу России. Теперь же как раз находятся публицисты, которые более мечтают о насаждении в Сибири "самостоятельного культурного развития" по образцу быть может швейцарского или американского, и пуще всего боятся сходства и тождества этого развития с московским!» (Гражданин. 1888. № 270).

Значительное место посвятил «Гражданин» вопросам «экономии», связанной с открытием университета в Сибири, поскольку в нем предполагалось готовить чиновников для всех сибирских ведомств и учреждений, до сих пор выписываемых из Европейской России. Столичная газета утверждала, что об экономии в данном случае говорить не приходится, ведь «пройдет ни один десяток лет, пока казна истратит миллионы на опыт создания школы самостоятельного духовного развития в Сибири, пока из природных сибиряков сформируются заурядные представители "самостоятельного духовного развития", а в это время все придется посылать и назначать чиновников из Европейской России».

Даже сведения о составе первого студенческого набора, приведенные «Сибирским вестником», «Гражданин» истолковал как доказательство грядущего распространения сепаратизма среди российской молодежи. Столичная газета особо выделила фразу о том, что «значительное количество зачисленных в студенты семинаристов явилось в Томск из-за Урала», заметив при этом: «Выходит, значит, что сибирский университет будет снабжать своим самостоятельным духовным развитием совсем не коренных сибиряков, а молодежь "из-за Урала", то есть из Европейской России! Странно, почему же это молодым людям Пермской, Казанской, Вятской и Оренбургской губерний не мечтать о своем *самостоятельном* [курсив «Гражданина»] духовном развитии, а непременно воспринимать чуждое им самостоятельное сибирское духовное развитие?!» (Гражданин. 1888. № 270).

Мысль о том, что самостоятельность Сибири не нужна и откровенно вредна, повторялась в материале несколько раз, и тон публициста становился все более агрессивным. «Гражданин» упрекал сибиряков в «дерзости», утверждая, что «в те времена, когда меньше говорили и кричали о "самобытности", и люди науки в России, и университеты, и студенчество процветали у нас гораздо более, нежели теперь, когда всякое захолустье начинает дерзко претендовать на роль какой-то внутренней Болгарии по отношению к коренной России, ее создавшей, образовавшей, организовавшей и ей позволяющей теперь великодушно готовить "самостоятельное", какое-то духовное развитие!» (Гражданин. 1888. № 270).

«Сибирский вестник» в своих публикациях последовательно отстаивал право Сибири на университетское образование. В передовой статье номера 71 от 21 октября 1888 г. он ссылаясь на авторитет Петра Великого, который «впервые завел с великим Лейбницем речь об открытии провинциальных университетов; то же самое стремление определенно высказано было Алек-

сандром I». Томский автор указывал на абсурдное желание «Гражданина» приравнять «открытие провинциального университета к отделению данной провинции от государства»: напротив, считал он, наличие высшего учебного заведения «только больше скрепляло провинцию с центром, а та "научная самостоятельность", которую проявлял провинциальный университет, вела лишь к лучшему, подробному изучению России, к ее славе». В пример приводился Казанский университет, в котором был открыт восточный факультет, и «никому не приходило в голову, что с ним вместе возродится и "казанское царство" татар, но зато возродилось изучение богатой литературы Востока, и факультет процветал потому, что он имел под собою почву, еще и теперь населенную татарами и иными народами тюркского племени». «Сибирский вестник» утверждал, что он «не видит ничего дурного в том, если бы Кавказ, Крым и Бессарабия получили по университету, лишь бы только университеты эти честно служили на пользу местного края, России и науки: они только помогут более тесному слитию этих окраин с Россией».

Выступил «Сибирский вестник» и против утверждения «Гражданина» о том, что студенты из-за Урала в новом университете подвергнутся «вредному влиянию самостоятельного "сибирского духовного развития"». По этому поводу томская газета напомнила читателям, что «в том же "Гражданине", года два тому назад, князь Мещерский энергично ратовал за расселение факультетов существующих русских университетов по разным *уездным* [курсив «Сибирского вестника»] городам, во избежание скопления молодежи в главных уездах России». Изменение позиции столичной газеты получило следующую оценку «Сибирского вестника»: «Как тогда "Гражданин" говорил нелепости, так и теперь он рассуждает сплеча, выдвигая вперед тот призрак сепаратизма, окончательно сгладить который в местной сибирской жизни призван именно университет, как источник политического образования, политической логики и политического самосознания местного общества». Томский автор был уверен, что «единение местных студентов с уроженцами других местностей упрочит общий университетский дух, в смысле единства русского государства, несокрушимого извне и твердого внутри», а «не понимать это могут только мыслители "Гражданина", все благополучие русского народа построяющие на народном невежестве».

Автор передовой статьи указал также на противоречие, возникшее у публицистов «Гражданина», которые, с одной стороны, говорят о неостребованности нового университета, с другой – протестуют против стремления поступить в него молодежи разных российских областей, настаивая на том, чтобы он «наполнялся только сибирскими уроженцами». В отношении будущих чиновников, которые, по мысли сибиряков, должны были воспитываться в местном университете, «Сибирский вестник» также не разделял опасений «Гражданина», считавшего, что это означает стремление «искоренить в Сибири русскую власть и заменить ее своею, "сибирскою"». То есть «Сибирский вестник», как и «Гражданин», обратился к обсуждению общественно значимых проблем: в дискуссии на первый план выдвинулись вопросы единства русского государства, сепаратизма, взаимоотношения центра и провинций, или метрополии и окраин, и т.д.

Так как до Сибири столичные газеты доходили с большим опозданием, статья «Сибирского вестника» с ответом на сентябрьский номер «Гражданина» вышла позже (21 октября 1888 г.), чем новый материал «Гражданина», вновь обращающийся к теме Томского университета (№ 275 от 3 октября 1888 г.). Статья «Гражданина» под названием «Праздные речи» (раздел «Странные вопросы») (Гражданин. 1888. № 275) была посвящена анализу обращения В.М. Флоринского, попечителя Западно-Сибирского учебного округа, к первым студентам нового университета - или, как пренебрежительно писал автор, «высших медицинских курсов в Томске, в здании, предназначенном для университета». Столичная газета высказывала мнение, что говорить было особо не о чем, ведь «все дело и вся будущность этого "рассадника" еще покрыты мраком» и «совсем неизвестно, послужит ли он на пользу или во вред государству и какие из него будут выходить люди и ученые». Поэтому «Гражданин» с особым интересом изучил речь Флоринского, процитировав в статье объемные выдержки из нее и выделив курсивом отдельные места, привлечшие наибольшее внимание столичных журналистов.

«Поздравляю вас, господа, первые студенты, а равно и всю университетскую коллегию, с новою духовною жизнью. Всем вам, *участникам этого исторического акта (!)* [курсив и восклицательный знак «Гражданина»], выпала завидная доля стать *во главе такого события (?)* [курсив и вопросительный знак «Гражданина»], которое невольно *связывает наши имена с историей народившегося университета* [курсив «Гражданина»]. Мы должны помнить это, и должны постараться сделать себя *достойными памяти потомства (!)* [курсив и восклицательный знак «Гражданина»]. <...> Много раз я участвовал и на главных праздниках наших университетов. Самым почетным гостем в этих случаях является старший по выпуску из бывших воспитанников университетской семьи. И чем больше является *таких корифеев (?)* [курсив и вопросительный знак «Гражданина»], тем выше стоят они в рядах просвещенного общества, тем больше славы и чести воспитавшему их учебному заведению.

И для вас, господа первые студенты Томского университета, придет такое время, как бы оно не казалось теперь отдаленным. Поэтому не забывайте, что *вам предстоит выступить в роли первых представителей воспитанников нашего университета* [курсив «Гражданина»]. Покажите себя достойными этого *исторического положения (!)* [курсив, вопросительный и восклицательный знаки «Гражданина»], поддержите честь и историческую память первого университетского курса! [курсив «Гражданина»]».

Речь В.М. Флоринского «Гражданин» охарактеризовал как «образец парламентского витийства», в котором «так много лести, много самохвальства и так мало скромности и дела». Столичный автор считал, что «в том-то и беда была всех наших университетов, то есть нашего студенчества, что оно само себя воображало призванным к какой-то *исторической роли* [курсив «Гражданина»]». С этим, по мнению «Гражданина», были связаны и студенческие волнения 1860-х годов – студенты считали, «что на нас мол *смотрит вся Европа*», и что поэтому мол нам нужно требовать и себе самим, студенчеству, да и *кстати уж* и всей России – *Конституции!* [курсив «Гражданина»]». Однако автор «Гражданина» имел свое видение задач, стоящих перед студен-

чеством: «Нет, не ради *исторической* роли может и *должна* учиться молодежь – а ради своей обязанности готовиться к тому, чтобы служить *Государю своему, народу и ближнему!* [курсив «Гражданина»]». Поскольку этого не говорится молодежи, то, считал «Гражданин», они считают свое обучение «историческим подвигом», и «немудрено, что многим, послушавшим таких речей, может показаться, что, для приобретения *исторической* [курсив «Гражданина»] славы гораздо лучше заниматься государственными переворотами?!...» (Гражданин. 1888. № 275).

Впечатления от приветствия Флоринского легли и в основу очередной записи в «Дневнике» князя Мещерского, который он вел на страницах «Гражданина» (№ 246 от 4 октября 1888 г.). Речь попечителя Западно-Сибирского учебного округа, признавался Мещерский, привела его в настроение «псамурно-насмешливое»: издатель «Гражданина» оценил ее как «болтовню», вредную для высшей школы, поскольку она «отнимает у всякого учебного заведения его характер строго дисциплинированной школы, где не мнениями обменивается учитель и ученик, а где учитель учит, а ученик слушает и учится». Но все-таки основной упрек князя в отношении приветственной речи заключался в том, что, по мнению Мещерского, «погрузившись в странное размышление о том, что потомство скажет про пятьдесят студентов, присутствующих на открытии томского университета», Флоринский «совсем забыл, что на нем лежал долг <...> в ясных и точных словах указать молодежи ее обязанности: 1) относительно науки; 2) относительно поведения; 3) относительно начальства, и затем поставить новый университет с духом смирения и скромности и с чувством патриотизма с первого дня его существования в правдивые отношения ко всему государственному учебному строю, к местному быту, к правительству и к церкви, чтобы получишь впечатления верные, теплые и назидательные». Князь с возмущением писал о том, что «самым сильным местом в речи г. Флоринского явилась мысль, что эти первые студенты томской коллегии, в виде корифеев, должны быть достойны внимания потомства... Что это за фальшь... Что это за идеалы – внимание потомства...» (Гражданин. 1888. № 246).

Получив очередные номера газеты князя Мещерского и обнаружив в ней статьи, резко критикующие сибирский университет в целом и попечителя Западно-Сибирского округа в частности, Томск приготовил подробный ответ на выпады столицы, опубликованный в № 77 от 4 ноября 1888 г. «Сибирский вестник» снова подчеркнул, что он не обратил бы никакого внимания «на эти злостные нападки и подкапывание под новое, молодое учреждение, если бы более умная, толковая и правдивая печать дала своевременный отпор нелепым инсинуациям, нашедшим себе гостеприимный приют на страницах "Гражданина"». Поскольку же этого отпора нет, то томская газета считала, что на ее прямой обязанности «лежит на первых же порах разоблачить недостойную клевету и умышленное искажение фактов в деле развития русского просвещения и русской культуры в далекой, мало еще кому ведомой окраине» (СВ. 1888. № 77). По мнению «Сибирского вестника», князь Мещерский «прямо и смело объявил себя противником нашего университета и воспользовался первыми дошедшими до него сведениями о деятельности нового университета, чтобы перетолковать эти сведения в пользу своего предубеж-

дения, не справляясь с действительным положением дела и не церемонясь с фактами». Томские публицисты отмечали малочисленность источников информации, существующих у Мещерского, – это статья собственно «Сибирского вестника» об открытии университета и текст речи, произнесенной Флоринским перед началом учебного года, однако этого хватило «Гражданину», чтобы обрушиться на «Вестник» и на попечителя учебного округа «с целым арсеналом самых диких обвинений». Главным из них «Сибирский вестник» считал упрек в том, что попечителем «не было указано студентам на их обязанности перед Государем и Россией». Чтобы опровергнуть это обвинение, томская газета опубликовала обширную выписку из речи Флоринского:

«Как истинно русские люди, как будущие слуги отечества, они должны сохранить в себе и вынести в жизнь теплую любовь ко всему тому, что составляет святыню русского народа, чем живет и славится наша великая русская земля, что составляет наше драгоценное национальное достояние. Эти основные русские начала выражаются: *в православной христианской вере, в безграничной преданности самодержавному монарху, в единстве, целостности и нераздельности Русского государства и в уважении к историческим преданиям, задачам и стремлениям русского народа* [курсив «Сибирского вестника»]».

Этот и другой отрывки из речей Флоринского, считал «Сибирский вестник», «служат лучшим ответом на выходку князя Мещерского», и «только больной, расстроенный галлюцинациями ум» может интерпретировать по-другому слова попечителя. Томская газета напоминала читателям, что «ни один русский университет не возбуждал таких предубеждений и противодействий, какие выпали на долю первого университета в Сибири», и только «та сильная поддержка, которую, к счастью для Сибири, нашла неутомимая и убежденная в правоте защищаемого дела энергия В.М. Флоринского в высших правительственных сферах, только полное доверие Государя Императора к русским просветительным задачам на востоке создали здесь прочный умственный центр, все дело которого еще впереди». Именно поэтому, указывал «Сибирский вестник», Флоринский счел необходимым напомнить студентам об их «исторической ответственности за судьбу вновь созданного рассадника научного знания», ведь «враги Томского университета не спят и всегда готовы искать в нем Ахиллесову пяту». Высоко оценивая деятельность и достижения Флоринского, томская газета завершала свое выступление словами: «Надо удивляться, что еще находятся люди, подобно В.М. Флоринскому настолько сильные волею, настолько убежденные в правоте задуманного дела, что смело идут вперед к намеченной цели и не смущаются раздающимся вокруг карканьем злобных ворон и равнодушным молчанием более порядочной части общества» (СВ. 1888. № 77).

Мысль о «равнодушном молчании» по отношению к сибирским проблемам была повторена «Сибирским вестником» более развернуто в передовой статье «Отношение столичной печати к внутренним делам»: «"Большая" русская печать совсем забыла, по-видимому, что есть на белом свете такая страна, которая именуется Сибирью. Целые месяцы проходят, и вы не встретите в главных столичных газетах ни одной строчки, посвященной нашей окраине. Крупнейший факт последнего времени – открытие Томского университета,

факт, имеющий, бесспорно, общегосударственное значение, вызвал лишь обычные "приличные случаю" приветствия и, затем, вся печать дает "Гражданину" князя Мещерского полную свободу подкапываться под новое учреждение, едва отвоеванное во имя просветительных задач русского народа на востоке» (СВ. 1888. № 79). Этот отрывок подтверждает уже высказанное «Сибирским вестником» положение о том, что он сознает свою обязанность встать на защиту первого сибирского университета как единственный представитель частной томской периодики.

Анализ газетной полемики, продолжавшейся в течение почти полугода между «Гражданином» и «Сибирским вестником», позволяет сделать некоторые выводы.

Открытие Императорского Томского университета, первого высшего учебного заведения за Уралом, не стало предметом внимания центральной российской прессы, что само по себе свидетельствовало об индифферентном характере отношения «центра» к «провинции». Исключением стала газета «Гражданин», «специализировавшаяся» на проблемах российского образования. Позиция «Гражданина» носила консервативный, антидемократический характер, подогреваемый страхом регионального «сепаратизма».

«Сибирский вестник», отстаивая права Сибири на экономическое и общественное развитие, опирался на идею государственной значимости этого важного российского региона и связывал будущее Сибири с развитием просвещения. Открытие Императорского Томского университета газета приветствовала как событие общероссийского значения, поскольку рассматривала процессы развития Сибири в диалектически сложном и органически целостном единстве с «центром».

Полемика продемонстрировала высокий уровень культуры томской прессы, соответствующий городу, выбранному для основания первого за Уралом высшего учебного заведения. Методы ведения газетной полемики со стороны «Гражданина» оценивались томской газетой в таких выражениях, как «произвольно передергивая факты», «подыскивая невозможные догадки для уразумения того, что нами высказано вполне определенно», «искажены наши мысли и слова». В полемическом запале и публицисты «Сибирского вестника» позволяли себе такие характеристики столичной газеты и ее авторов, как «постная физиономия плакальщицы», «люди с безнадежно больным воображением и расстроенным умом» и ряд других, однако в целом томские публицисты выглядели более корректными, владеющими точной информацией и не бросающимися голословными обвинениями, так как в основе стратегии газеты по проблемам образования и развития регионального сознания лежала идея нерасторжимой связи Сибири с общероссийской историей и культурой.

Таким образом, полемика двух газет – петербургского «Гражданина» и томского «Сибирского вестника» – представляет собой интересный документ общественного и историко-культурного содержания, дающий дополнительный материал для истории открытия Императорского Томского университета и для исследования процессов формирования и становления сибирского регионального сознания.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI 10.17223/19986645/17/12

РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Взаимодействия в поле культуры: преемственность, диалог, интертекст, гипертекст». Кемерово, КемГУ, 29 июня – 2 июля 2011 г.

Посвященная двадцатилетию отделения журналистики Кемеровского государственного университета, научная конференция «Взаимодействия в поле культуры: преемственность, диалог, интертекст, гипертекст» имела и печальный повод. В августе 2010 г. факультет филологии и журналистики КемГУ понес невосполнимую утрату – после тяжелой и продолжительной болезни ушел из жизни декан, руководитель отделения журналистики, заведующий кафедрой журналистики и русской литературы XX в., кандидат политических наук **Анатолий Владимирович Клишин** (1956–2010). Почтить его память на конференции собрались близкие, друзья, коллеги и ученики. Выпускники факультета в память о своем преподавателе подготовили видеофильм.

Выпускник филологического факультета КемГУ, опытный журналист, А.В. Клишин после защиты диссертации возглавил отделение журналистики (1992), а в 1994 г. стал заведующим кафедрой журналистики и русской литературы XX в., в 2006 г. он был избран деканом факультета филологии и журналистики. Благодаря усилиям А.В. Клишина в Кузбассе сформирована школа по подготовке профессиональных журналистов, и в памяти коллег и студентов он остался опытным руководителем, профессиональным наставником, отзывчивым человеком. Анатолий Владимирович много сделал для формирования научного направления, которое бы объединило филологию и журналистику.

Работа конференции была организована по трем секциям: **«Интертекстуальные связи русской литературы»**; **«Текст, интертекст, концепт в лингвистике»**; **«Проблемы интертекста в современной журналистике»**. В конференции приняли участие литературоведы, лингвисты и исследователи журналистики из Кемеровского государственного университета, Томского государственного университета, а также Уральского федерального университета (Екатеринбург). Открывая конференцию, с приветственным словом к участникам обратился декан факультета филологии и журналистики КемГУ, заведующий кафедрой журналистики и русской литературы XX века канд. филол. наук, доц. **А.В. Чепкасов**.

На **пленарном заседании** конференции было представлено 5 докладов.

Л.А. Ходанен, д-р филол. наук, проф., академик Славянской академии культуры (Кемерово) представила доклад *«Скульптурный миф в контексте европейской и русской культуры последней трети XVIII в.: миф о Пигмалионе и Галатее»*), посвященный различным интерпретациям этого сюжета. Во французском искусстве и литературе были отмечены пасторальная традиция (Карл Ванлоо), библейские коннотации (Якопо Понтормо) и философская трактовка в связи с идеями сенсуализма и деизма (Ж.-Ж. Руссо). Представлены

возможные литературные источники, через которые русская культура последней трети XVIII в. знакомится с этим мифом. Содержание и поэтика «драмы с музыкою в одном действии» В.И. Майкова «Пигмалион, или Сила любви» соотнесены с идеями масонской философии и масонской символикой.

Д-р филол. наук, проф. **Н.Д. Голев** (Кемерово) выступил с сообщением «*Современная медийная коммуникация в манипулятивном аспекте*», изложив результаты исследования телепроекта «Имя Россия», полученные в рамках проекта МИОН «Ностальгия по советскому в коммуникативном контексте современной России».

В докладе д-ра филол. наук, проф. **Л.Г. Ким** (Кемерово) «*Вариативно-интерпретационный потенциал высказывания*» было обосновано положение, согласно которому текст обладает множественным смысловым потенциалом, реализуемым в процессе интерпретационного функционирования в пространстве адресата. Представлена модель, отражающая взаимодействие участников коммуникативного процесса. Выявлены сильные и слабые текстовые и персонологические позиции функционирования текста. На примере одной фразы доказано, что текст в сильной персонологической позиции реализует, а в слабой позиции нейтрализует множественный смысловой потенциал.

Доклад канд. филол. наук, доц. **Т.Л. Рыбальченко** (Томск) «*“Фельетонная эпоха” в романах Г. Гессе “Игра в бисер” и А. Черчесова “Вилла Бель-Летра”*» был посвящен осмыслению судьбы искусства писателями XX – конца первой половины XX в., когда иллюзии модернизации завершились наступлением тоталитарной культуры в Европе, и конца второй половины XX в., времени постмодернистской свободы искусства как игры. Г. Гессе в 1942 г. в мифе о Касталии искусства прозрел опасность чистого эстетизма. Современный писатель в романе 2005 г. угадывает новый виток эстетизма, проявляющийся в литературе как имитация искусства. Второй аспект доклада – сопоставление поэтики романов, которое обнаружило и влияние классика (структура «текст в тексте», мифологизация персонажей, символизация сюжетных линий), и отталкивание от модернистской поэтики предшественника (интертекстуальность, поэтика гиперреализма, использование приемов «массовой литературы»). Было обращено внимание, что А. Черчесов предполагает разные варианты развития национальных литератур, что указывает на его критическое отношение к идее мультикультурализма.

Доклад (стендовый) д-ра филол. наук, проф. **О.В. Зырянова** (Екатеринбург) «*О возможностях кластерного подхода к проблеме лирического интертекста*» носил теоретико-методологический характер. Автор представил системный взгляд на возможности применения феноменологического подхода к интертексту. Этот подход способен обеспечить стабильность существования художественного произведения как некой «смысловой монады» и сохранить адекватность его понимания в процессе литературной эволюции. Особое внимание было уделено феномену сверхтекстового единства: кластер как система формально-содержательных признаков позволяет в реальной практике литературоведческого анализа идентифицировать те или иные сверхтекстовые единства, за которыми приоткрывается смысловой универсум целой серии текстов, по сути, некий устоявшийся в поэтической традиции рецептивный цикл.

На секции «**Интертекстуальные связи русской литературы**» (рук. Л.А. Ходанен, Т.Л. Рыбальченко) были заслушаны и живо обсуждены 16 докладов, затрагивающих различные аспекты диалогических и интертекстуальных взаимодействий в русской литературе XVIII–XXI вв.

Теоретический план проблемы в сообщении «*О понятии инкарнации в ранних философских работах М.М. Бахтина*» обозначил канд. филол. наук, доц. **Ю.В. Подковырин** (Кемерово). В докладе реконструирована «диалогическая» концепция художественного смысла, представленная в работах философа 1920-х гг. Раскрыто понятие инкарнации (воплощение), с помощью которого М.М. Бахтин описывает способ бытия смысла в «мире познания и поступка», а также в эстетическом мире. Обосновано утверждение о наибольшей продуктивности бахтинского понятия «инкарнация» для проявления природы художественного смысла как специфическим образом воплощенного.

Другие доклады на литературном материале XVIII–XXI вв. показывали конкретное текстуальное воплощение разных форм культурных взаимодействий. В докладе **Е.А. Кумпель** (Кемерово) «*Поэтика весенних образов в русской лирике рубежа XVIII–XIX вв.*» были рассмотрены особенности идиллического пейзажа в лирике Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, К.Н. Батюшкова. Несколько докладов представили результаты изучения интертекстуальной поэтики в русской литературе XIX столетия. В сообщении **Е.Ю. Сидорина** (Кемерово) «*Религиозные мотивы в сборнике В.К. Кюхельбекера “Песни отшельника”*» был рассмотрен крупный лирический цикл поэта, включающий 91 поэтический текст: лирика времени заключения, отрывки из написанных в этот же период поэм («Давид», «Юрий и Ксения», «Сирота»). Канд. филол. наук, доц. **О.В. Пичугина** (Кемерово) в докладе «*Возраст героев и “загадки” внутренней хронологии романа Л.Н. Толстого “Воскресение”*» обратилась к диалогу двух великих русских писателей-современников: роман «Воскресение» был рассмотрен в плане творческой полемики Л.Н. Толстого с Ф.М. Достоевским. В докладе **Т.Н. Флегентовой** (Кемерово) «*Евангельский эпизод “несения креста” в романах Ф.М. Достоевского*» был выявлен целый ряд отсылок произведения классика к евангельским текстам.

Предметом доклада канд. филол. наук, доц. **В.В. Палачевой** (Кемерово) стал диалогизм в литературе Серебряного века – «*Вяч. Иванов и М. Волошин: творческий диалог поэтов*». «Разговоры» Волошина и Иванова, организованные по модели древнегреческих «диалогов», выявляют портреты внешнего и внутреннего лика «Зевса Отриколивского» (Волошин) и «поэта – Иерофанта» (Иванов). Жизненный любовный триумвират (Волошин – Сабашникова – Иванов) на фоне сходных историософских воззрений о происшествии русской трагедии порождают творческого демона (фигура «Пленного» героя). Модель творческого диалога поэтов представляет их в лирике следующим образом: «вопрос» («Двойник» Иванова) – «ответ» («Кровь» Волошина). **К.В. Синегубова** (Кемерово) в сообщении «*Легенда о Тангейзере в “Шарманке” Е. Гуро*» рассмотрела, как преломляется средневековая легенда в стихотворениях Е. Гуро «Готическая миниатюра» и «Из Средневековья». Образ Тангейзера, воспринятый через призму одноименной оперы Р. Вагнера, становится отправной точкой в формировании образа Рыцаря, одного из важнейших героев Е. Гуро. Два доклада были посвящены творчеству Л. Андрее-

ва. Канд. филол. наук, доц. **А.М. Павлов** (Кемерово) выступил с сообщением «*Поэтика монодрамы “Черные маски” Л. Андреева*», уделив основное внимание различиям в поведении зрителя традиционной (классической) драмы и монодрамы. Изучение пьесы Л.Н. Андреева в этом ракурсе позволило говорить о креативно-рецептивном потенциале монодрамы как актуальной для литературы XX в. художественно-коммуникативной стратегии. **И.В. Бушмина** (Кемерово) представила доклад «*Пolemика с идеей Спасительной любви В. Соловьева в романе Л. Андреева “Дневник Сатаны”*».

Литературу русского зарубежья вводили доклады канд. филол. наук, доц. **Г.И. Карповой** (Кемерово) «*Поэтика вставных жанров в рассказах И.С. Шмелева*», где рассмотрен межтекстовый диалог в рассказах писателя 1900–1930-х гг. с использованием вставных жанров (фольклорных, литературных, духовно-религиозных), и канд. филол. наук, доц. **А.С. Сваровской** (Томск) «*Семантика обращений в поэзии русского зарубежья 1920–1930-х гг.*», выявившей на примере анализа стихотворений Г. Иванова, Н. Оцупа, А. Присмановой, Г. Адамовича, Ю. Одарченко и др. разные типы смыслового функционирования обращений поэтов-эмигрантов к именам поэтов и писателей, а также к литературным персонажам.

Доклад канд. филол. наук, доц. **Н.В. Налегач** (Кемерово) «*А. Кушнер и И. Анненский: к вопросу о поэтическом диалоге*» был обращен к проблеме поэтической преемственности. В стихотворении А. Кушнера «Размашистый совхоз Темрюкского района...» (1986) выявлен реминисцентный слой поэзии И. Анненского. Определено, что основной смысл поэтического диалога заключается в утверждении мотива связи времен и поколений и в неистребимости культуры как сферы реализации человеческой личности. Как показал сопоставительный анализ, ядром поэтического взаимодействия этих двух систем может быть назван феномен человечности, становящийся в их поэзии основой тематики и проблематики. Доклад канд. филол. наук, доц. **А.Н. Губайдуллиной** (Томск) «*Символика трамвая в детской литературе XX в.*» продемонстрировал смысловые вариации образа трамвая в поэзии для детей, связав их с развитием литературной ситуации XX столетия: от урбанистической символики в теме будущего (начало столетия) до семантики уходящего прошлого (конец XX в.).

В трех докладах рассматривались вопросы современной русской литературы. Так, канд. филол. наук, доц. **И.В. Ащеулова** (Кемерово) в докладе «*Философия Н.Ф. Федорова в контексте русской литературы XXI в.*» обнаружила как актуализацию философии «общего дела», так и деконструкцию утопической идеи философа о воскрешении человечества в прозе В. Сосноры, В. Шарова, А. Бородыни, А. Волоса. В докладе канд. филол. наук, доц. **Т.А. Рытовой** (Томск) «*Поколенческий аспект в современном русском романе 1990–2000-х гг.*» был раскрыт универсальный архетипический мотив «отцы и дети» и его коннотации (деды и внуки, ученики и учителя) в многообразии современного русского романа (Ю. Буйда, А. Уткин, А. Чудаков, В. Аксенов, Е. Чижова и др.). **В.А. Александрина** (Кемерово) в сообщении «*Интертекст в современной женской прозе*» рассмотрела аллюзии на А.С. Пушкина и А.П. Чехова в рассказах Л.Е. Улицкой, выявив их важную роль в структуре.

На секции «Текст, интертекст, концепт в лингвистике» (рук. Н.Д. Голев, Л.Г. Ким) было заслушано 8 докладов.

Доклад «*Взаимодействие дискурсивных моделей в американском публицистическом дискурсе о России XIX в.*» канд. филол. наук **О.Г. Орлова** (Кемерово) посвятила обоснованию возможностей дискурс-анализа в выявлении дискурсивных моделей, в совокупности формирующих дискурс. Медиа-дискурс было предложено рассматривать на материале публицистического текста, обладающего ярко выраженным авторским «Я». Рассмотрены такие дискурсформирующие категории, как топик, время и место, способ передачи информации, жанр, интертекстуальность. Установлено, что различные модификации этих категорий в текстах американского публицистического политического дискурса формируют дискурсивные модели, «подсказывающие» направления интерпретации текста.

В докладе канд. филол. наук, доц. **Е.В. Кишиной** (Кемерово) «*Динамические языковые процессы в современной публицистике*» были рассмотрены динамические процессы, происходящие в последние десятилетия в языке средств массовой информации. Выделены факторы, влияющие на современное состояние языка СМИ, отмечены социальные причины происходящих изменений. Путем анализа языковых особенностей региональных СМИ определены активные процессы, характеризующие публицистический стиль в целом: стремление к свежей выразительности, к обновлению языка; размывание границ между коммуникативными сферами; расшатывание строгой нормы; активизация процессов заимствования, процессов неологизации и архаизации лексики, и т.д.

Канд. филол. наук, доц. **Т.Я. Костюченко** (Кемерово) представила сообщение «*Повседневная реализация социокультурных кодов*». Социокультурный код был рассмотрен как знаково-символическая система, информационная целостность, обеспечивающая коммуникативную деятельность, процессы социального взаимодействия, идентификацию культуры.

Д-р филол. наук, проф. **Г.И. Лушников** (Кемерово) в докладе «*Пародийная картина мира в художественном тексте*» показала, как пародия взаимодействует с прототекстом, изменяя общепринятые представления о фактах языка, литературных произведениях, жанрах, направлениях, а также о социально-политических явлениях.

В докладе канд. филол. наук, доц. **С.В. Омеличкиной** (Кемерово) «*Лексическая и фразеологическая объективация межкультурного феномена money / деньги*» были проанализированы языковые средства концептуализации феномена «деньги», важнейшей составляющей антропоцентрического пространства. Стереотипизированные представления англоязычного сообщества изучены на материале толковых и фразеологических словарей и систематизированы на основе выделенных смысловых конститuentов (богатство, бедность, алчность, драгоценности, взятка и т.д.). **Е.О. Омеличкина** (Кемерово) доклад «*Лингвокультурный типаж heros / герой в художественном дискурсе*» посвятила исследованию базовых категорий семиотики («образ», «символ», «концептуальные признаки героя»), эксплицированных как в узусе (словарных дефинициях), так и в культурном контексте. Материал анализа составил роман французского писателя XX в. Алена-Фурнье «Le Grand

Meaulnes». В результате анализа были выявлены наиболее яркие характеристики лингвокультурного типажа «романтический герой».

Т.В. Старцева (Кемерово) в сообщении *«Специфика объективации концепта EMIGRANT в ирландской и русской лингвокультурах»* представила результаты анализа языковых средств, используемых для воплощения концепта «Эмигрант» в романах С. Тойбина «Бруклин» и М.Р. Каллагана «Сны эмигранта». В докладе канд. филол. наук, доц. **С.В. Стеванович** (Кемерово) *«Особенности понимания свободы в русской рок-поэзии»* представлен краткий обзор толкования понятия «свобода» в русской философии, истории и филологии. На основе изучения контекстной семантики концепта «свобода», сопоставительного анализа с данными толковых словарей и психолингвистического эксперимента раскрыты особенности понимания данного понятия в поэзии русского рока.

На секции **«Проблемы интертекста в современной журналистике»** (рук. канд. филол. наук, доц. Н.Г. Гордеева) было заслушано 7 докладов.

Канд. филол. наук, доц. **Ф.С. Рагимова** (Кемерово) в докладе *«Стилистическая адаптивность пресс-релиза: модификация или трансформация?»* обозначила проблему интеграции журналистского и PR-текста, как своеобразных феноменов коммуникативной культуры, рассмотрев ее в связи с усложнением идентификации типов медиатекста в современной социокультурной ситуации.

В докладе канд. филол. наук, доц. **П.П. Каминского** (Томск) *«Наука и литература: синтез стратегий познания в методологической программе С.П. Залыгина»* были представлены гносеологические принципы писателя, реконструированные в его публицистических высказываниях 1960–1980-х гг. Критика научной рациональности (нео)позитивистского типа, как парадигмы мышления эпохи научно-технической революции становится основой для формирования методологической и нормативно-ценностной программы С. Залыгина, содержание которой сводится к выработке нового идеала научности, сочетающего в себе естественно-научный и гуманитарный идеалы познания.

М.В. Литке (Томск) выступила с сообщением *«Дискурсные взаимодействия в научно-популярном журнале (на примере “Науки из первых рук”, г. Новосибирск)»*. Анализ типологии известного научно-популярного журнала Сибирского отделения РАН позволил сделать выводы о своеобразии его гносеологических и коммуникативных механизмов. На основании полученных данных был обоснован исследовательский подход к научно-популярной журналистике (литературе) как к дискурсивной деятельности особого рода.

Доклады представили молодые преподаватели кафедры журналистики и русской литературы XX в. КемГУ. **О.А. Носкова** в докладе *«Аргументативная логика текста как параметр описания идиостиля журналиста (на примере художественно-публицистических эссе)»* проанализировала эссеистику В. Шендеровича, А. Кончаловского и Д. Зубова, выявила и сопоставила особенности лингвокогнитивного стиля авторов. **Н.В. Обелюнас** в сообщении *«Конфликтологический анализ журналистского текста (на примере телепередачи “ЧП. Расследование. Свидетели Иеговы”)*» рассмотрела предпосылки и причины возникновения языковых конфликтов в публицистическом тек-

сте – изначальная субъективность, экспрессивность, оценочность публицистической речи, сложность разграничения фактов и мнений и т.д. **С.В. Мохирева** в докладе *«Интерпретационный потенциал новостного события (на примере заголовков российской прессы)»* оттолкнулась от идеи, что в массмедийном дискурсе сообщение о новостном событии, несмотря на кажущуюся объективность, всегда получает различную оценочную «упаковку». На материале газетных заголовков рассмотрены механизмы интерпретационной деятельности, акцентировано внимание на «автороцентричной» модели.

В завершение заседания секции **Н.Г. Гордеева** (Кемерово) озвучила полемический доклад, подготовленный совместно с А. Федотовой, – *«Интертекстуальность как главная особенность публицистики В. Чельшиева»*.

В рамках культурной программы конференции были организованы экскурсии по городу Кемерово к мемориальному комплексу «Красная горка», посещение музея археологии, этнографии и экологии Сибири КемГУ.

По итогам конференции издан сборник материалов «Взаимодействия в поле культуры: преемственность, диалог, интертекст, гипертекст».

П.П. Каминский,
канд. филол. наук,
доцент кафедры теории и практики журналистики
Томского государственного университета
E-mail: kelagast@yandex.ru

Н.В. Налегач,
канд. филол. наук,
доцент кафедры журналистики и русской литературы XX в.
Кемеровского государственного университета
E-mail: nalegach@list.ru

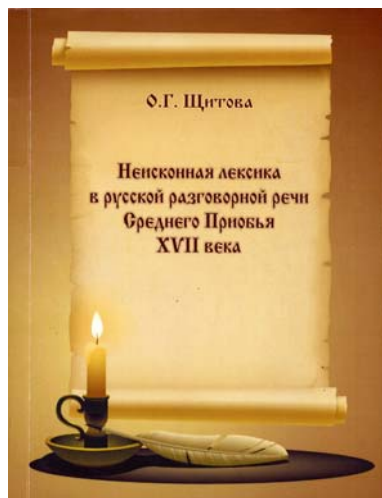
РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI 10.17223/19986645/17/13

Щитова О.Г. Неисконная лексика в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII в. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. – 480 с.

Монография посвящена исследованию заимствований в русских говорах Среднего Приобья XVII в. на раннем этапе их становления в условиях пограничья русской культуры с культурой исконного сибирского населения. В книге представлен анализ иноязычных слов на лексическом, словообразовательном, морфолого-синтаксическом уровнях языка в комплексе синхронно-диахронных взаимодополняющих аспектов: динамическом, генетическом, семантическом, тематическом, системном, семасиологическом, грамматическом, функциональном (парадигматическом и синтагматическом), ареальном, культурологическом, источниковедческом.

Книга адресована филологам и всем интересующимся вопросами истории языка.

Предмет исследования О.Г. Щитовой – заимствование, т.е. сложный феномен, который наиболее ярко по сравнению с другими языковыми явлениями представляет синтез лингвистических, исторических, социокультурных, психических данных. Повышенный интерес к заимствованиям, характерный для целого ряда эпох, проявляемый со стороны как рядовых носителей языка, так и различных специалистов гуманитарной направленности многих стран мира, можно назвать всеобщим. Это объясняется тем, что заимствования отражают в определённой мере смысл человеческого бытия – развитие, развитие путём культурного и языкового контакта, обмена опытом, взаимного обогащения накопленными знаниями.

В фокусе внимания автора монографии – Ольги Григорьевны Щитовой, потомственного лингвиста, сложившегося учёного в области истории русского языка, исторической и современной диалектологии, общей и частной лексикологии, региональной лексикографии – находится неисконная (иноязычная) лексика в составе русского языка XVII в. Автор неоднократно отмечает, что обращение к этому времени продиктовано чрезвычайной важностью и уникальностью допетровской эпохи в истории русского языка в целом и в истории русских среднеобских говоров в частности.

Актуальность работы О.Г. Щитовой обусловлена насущной потребностью в исследовании особенностей, условий и механизмов формирования русского национального языка сквозь призму его отдельной языковой территории. Она связана с необходимостью дальнейшей разработки одного из продуктивных направлений Томской диалектологической школы – истории сложения русского языка на территории Томского уезда XVII в., развитием которого определилось существование в современном языковом пространстве Сибири ряда типологически единых среднеобских говоров.

В рецензируемой монографии лингвистическая реконструкция лексического уровня русского разговорного языка Сибири и Среднего Приобья XVII в. с точки зрения пополнения его иноязычными словами основывается на обширных материалах, извлечённых из опубликованных и хранящихся в архивах томских деловых документов XVII в., в значительной степени ориентированных на разговорную речь того времени, исторических словарей Сибири, историко-лингвистической картотеки Томского государственного университета.

Особенно большое значение для реконструкции и изучения неисконного фрагмента лексики разговорной речи Сибири XVII в. имеют томские таможенные книги, позволяющие судить об экспорте и импорте того времени. По наблюдениям О.Г. Щитовой, иноязычные номинации служат для наименования различных товаров, ввозимых в Россию из зарубежных стран: оружия, тканей, пряностей, – а также предметов, полученных от местного населения в качестве ясака: шкурки животных, украшения и другие продукты местных промыслов [с. 22].

Для большей доказательности и объективности интерпретации корпуса лексики неисконного происхождения по принципу межсистемной дополненности привлекаются в указанной книге также источники широкого ареала, отражающие языковое состояние метрополии и Сибири как колонизованной территории.

Основное содержание монографии раскрывается в пяти главах и входящих в них двенадцати разделах, в которых русская языковая история Сибири предстаёт в аспекте взаимодействия русских диалектов с различными неродственными и родственными языками. В них рассматривается ряд проблем, важных для теории формирования среднеобских говоров в связи с их обусловленностью материнскими говорами и языковым контактированием русских с аборигенным населением Сибири. Это источники и хронология лексических заимствований, их генетическая стратификация и территориальная приуроченность, особенности системно-семантического вхождения иноязычных слов в русский язык и его сибирские говоры. Убедительное их разрешение не только определяется обширностью источников, из которых извлекается иноязычный материал или в которых даётся какая-либо его интерпретация, но и во многом обуславливается тем, что автор работы твёрдо следует сложившимся в гуманитарных науках передовым идеям: пониманию языка как динамического образования, проявляющегося через единство синхронного и диахронного, системного и функционального подходов к её изучению, рассмотрению заимствования как культурно-исторического явления, признанию диалектики внешних и внутренних факторов, обуславливающей проникновение иноязычных элементов в принимающий язык, и др.

Эти теоретико-методологические установки помогают исследователю сформировать гибкую методику лингвистической реконструкции иноязычного лексикона как части исходного состояния русского языка в Сибири, раскрыть полнокровную картину конкуренции эквивалентных единиц в оппозиции «свой – чужой».

В монографии осуществлено всестороннее рассмотрение иноязычных слов в проявлении таких параметров, которые, будучи подведены под те или

иные классификационные решения, высвечивают разные черты неисконной лексики, иллюстрирующие картину их живого освоения языком-реципиентом. Многочисленные классификации, предпринятые автором исследования, непротиворечивы, отличаются очевидной эвристичностью. Особенно это касается интересной и глубоко разработанной проблемы, связанной с системной ассимиляцией заимствованных слов.

Научная новизна работы О.Г. Щитовой заключается в обосновании и апробировании модели полиаспектного и многоуровневого исследования неисконной лексики, функционирующей не в книжной, а в обиходно-бытовой речи малоизученного в лингвистическом отношении хронотопа.

Рецензируемая монография характеризуется совокупностью результатов, представляющих научный интерес. Назовём наиболее весомые из них.

В работе, во-первых, сформулирована и реализована теория комплексного рассмотрения иноязычной лексики формирующегося разговорного языка замкнутой территории – региолекта, ещё не заявленная в других историко-лингвистических исследованиях; осуществлён анализ ассимиляции неисконной лексики в семантическом, словообразовательном, лексико-грамматическом аспектах при совмещении синхронических и диахронических подходов к рассмотрению материала.

Во-вторых, реконструирован корпус лексики, заимствованной из западных языков (греческого, латинского, германских, романских, литовского, славянских), а также тюркских, монгольских, финно-угорских, самодийских и других языков в составе разговорной речи населения средней части бассейна реки Оби XVII в. Существующая методика реконструкции исходного состояния вторичного говора дополнена в книге возможностью восстановления иноязычных единиц, не обнаруженных в документах, из зафиксированных в них дериватов, а также с привлечением памятников иной территориальной принадлежности и материалов современных сибирских говоров.

В-третьих, определён состав неисконной лексики досибирского периода, унаследованной томскими говорами от материнских говоров, в аспекте хронологии и источников заимствования. Выявлены генетическая стратификация иноязычной лексики, пополнившей русские говоры Среднего Приобья в сибирский период их существования, и особенности состава сибирского пласта неисконной лексики.

В-четвёртых, автором произведены хронологические коррективы и/или выявлено время первой фиксации в русской письменности 22 иноязычных слов (*пистолет, шкатула, инурок, караулить, киргиз, чай, кандык, чувал* и др.); зафиксированы 6 иноязычных номинаций, не отмеченных в исторических словарях других регионов, например: *урак, катун(я)*; предложена этимология отдельных сибирских заимствований. На основании контекстного анализа томских деловых документов XVII в. определена или уточнена семантика 36 иноязычных номинаций и/или их дериватов, имеющих сомнительные или недостаточные дефиниции в исторических словарях. Таким образом, получены значительные результаты, комплементарные к историко-этимологическим разысканиям, к исследованиям, воссоздающим исходное состояние вторичных говоров или раскрывающих проблему лексического заимствования как следствия языкового контактирования разных этносов.

В-пятых, введена в усовершенствованном виде методика анализа лексико-грамматической валентности слов, ранее не адаптированная к изучению слов иноязычного происхождения. Выявлены особенности валентных способностей иноязычных номинаций сибирского периода на разных этапах лексико-грамматической ассимиляции.

В-шестых, установлен ареальный статус 319 неисконных номинаций до-сибирского и сибирского периода вхождения в русский язык и его говоры; произведена классификация регионально ограниченной лексики Сибири и Среднего Приобья.

Достоверность и обоснованность выводов работы О.Г. Щитовой обеспечивается анализом добротного фактического материала (картотека объединяет более 6 тысяч словоупотреблений), полученного в результате тщательного исследования рукописных и опубликованных источников объёмом в 35 тысяч страниц текста, широтой привлечения разнообразных способов исследования, многочисленностью надёжных классификационных выкладок, рождённых автором монографии при творческом осмыслении достижений современной лингвистики и сосредоточенности на многих её узловых проблемах.

Хотелось бы обратить внимание и на такую черту обсуждаемого исследования, как доказательность. В частности, О.Г. Щитова приводит в монографии (оформленные другим шрифтом) фрагменты исторических рукописей, имеющих самостоятельное научное значение, обобщает полученные результаты в филигранно выполненных 19 таблицах, данных в приложении.

Теоретическая значимость работы О.Г. Щитовой определяется серьёзным вкладом в изучение истории русского языка и в освоение проблем теории заимствования. Содержание данной работы также представляет интерес для развития междисциплинарных сфер знания – лингвистической контактологии, лингвокультурологии, теории и практики межкультурной коммуникации, этнолингвистики, области знания, посвящённой проблемам пограничных районов, и др. Автор удачно развивает идею фронта, идею евроазиатского диалога на сибирском языковом материале: «В XVII в. на территории бассейна реки Оби происходит начало становления нового культурного сообщества, наблюдаются начальные этапы формирования фронта. Наиболее показательным в аспекте исследования культурно-языкового пограничья является внимание к проникающим в сибирскую разговорную речь иноязычным новациям XVII в., а также тем особенностям, которые приобрела в новых условиях сибирского фронта неисконная лексика, унаследованная от материнских говоров тыла, метрополии, европейской части России. Отличительные признаки порубежного идиома XVII в. не отличаются массовостью, они только намечаются, и каждая находка – это удача, поскольку кристаллизацию пограничного языкового континуума на территории Сибири мы наблюдаем спустя столетия, на современном этапе развития сибирских старожильческих говоров» [С. 19–20].

Полученные в рецензируемом исследовании результаты могут найти разнообразное практическое применение: а) дополняют новыми сведениями историко-лингвистические дисциплины; б) послужат необходимым материалом для словарей различных типов и жанров; в) позволят на новом витке научного знания организовать преподавание основных и специальных дисциплин в

вузе, имеющих отношение к истории сложения и развития лексического фонда русского языка, а также обогатить школьное представление о словах-заимствованиях в связи с региональным компонентом образования; г) могут применяться в краеведческой деятельности.

О практической реализации результатов исследования О.Г. Щитовой свидетельствует использование их в учебном и научном процессах высших учебных заведений, в частности методической разработки автора монографии «Аспекты изучения иноязычной лексики» (Томск, 1996), а также введение в научный оборот лексических заимствований путём их фиксации в лексикографических трудах, в частности в словарях Томской диалектологической школы.

Главная же практическая ценность рецензируемой работы видится в следующем: созданная О.Г. Щитовой модель комплексного исследования неисконной лексики русского языка XVII в. может стать основой дальнейшего изучения этого пласта лексики в истории русского языка в другом территориальном и временном преломлении.

Таким образом, обсуждаемая монография имеет теоретическое, методологическое и практическое значение.

Она соответствует традициям и инновациям мировой и отечественной науки, характеризуется признаками, свойственными Томской школе лингвистов: это одновременная разработка инструментария и теории исследования, превалирование индуктивно-дедуктивного подхода в изучении языка, общетеоретическое, а не узкорегionalное значение полученных результатов и др. И это закономерный итог, поскольку О.Г. Щитова – ученица двух лидеров сибирской диалектологии (проф. В.В. Палагиной и проф. О.И. Блиновой), достойный продолжатель исторического, диахронного русла исследования русского языка, представленного в изысканиях доц. С.И. Ольгович, проф. Л.А. Захаровой, проф. Л.И. Шелеповой и др.

С одной стороны, монография «Неисконная лексика в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII в.», отвечающая всем критериям фундаментальной работы, демонстрирует научную перспективность лингвистического направления, обозначенного её автором. С другой стороны, это занимательная книга, адресованная читателям, интересующимся вопросами взаимоотношения России и Азии, диалогом разных культур, историей русского национального языка во всей её сложности и красоте.

З.М. Богословская,
д-р филол. наук,
профессор кафедры иностранных языков
Томского политехнического университета.
E-mail: zefarija@mail.ru

В.П. Васильев,
канд. филол. наук,
доцент кафедры общего языкознания и славянских языков
Кемеровского государственного университета.
E-mail: wwpetrovich@rambler.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЩЕУЛОВА Ирина Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета.

E-mail: asheulova@mail.ru

ГОЛУБ Владимир Александрович – канд. техн. наук, доцент кафедры рекламы и дизайна Воронежского государственного университета.

E-mail: v.a.golub@yandex.ru, vgol@list.ru

ЕФАНОВА Лариса Георгиевна – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета.

E-mail: efanova@sibmail.com

ЖИЛЯКОВА Наталья Вениаминовна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики журналистики Томского государственного университета.

E-mail: retama@yandex.ru

ИНЮТИНА Людмила Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры древних языков Новосибирского государственного университета.

E-mail: ljudina@yandex.ru

КАРАБЫКОВ Антон Владимирович – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Омского юридического института.

E-mail: meavox@mail.ru

КИСЕЛЕВ Виталий Сергеевич – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: kv-uliss@mail.ru

КОВТУН Наталья Вадимовна – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

E-mail: nkovtun@mail.ru

СЕДЕЛЬНИКОВА Ольга Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Томского политехнического университета.

E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

СКРИПНИК Алена Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Филиала Байкальского государственного университета экономики и права в г. Якутске.

E-mail: blackstrawberry@mail.ru

СОЛОПОВА Ольга Александровна – канд. филол. наук, доцент, кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург).

E-mail: solopovaolga@narod.ru

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH

LINGUISTICS

P. 5. *Yefanova Larissa G.*, Tomsk State Pedagogical University. NORM CATEGORY SEMANTICS IN MEANINGS OF LEXICAL UNITS. The article contains analysis of the norm concept in the base of the semantic category of the same name. The research is carried out on the material of Russian lexical units and derivatives. In the article the norm concept and the norm semantic category are considered in the aspects of quantity and quality. Some category characteristics and certain varieties of norms are described. The article consists of four parts.

In the beginning of the article the norm category semantics is described and conditions for its formation are indicated. The universal category characteristics of the norm are described and the main principles of the norm semantic category are given. The universal category characteristics are system's organization, distribution, formal definition, stability, reproducibility, optimality and bilaterality. The main principles of the norm semantic category organization are employment of antonyms and evaluation. Accounting for these principles, it is possible to select four groups, indicating the norm and anomalies of lexical units. Each group is discussed in the article.

In the first part of the paper the semantics of the word *норма* (norm, standard) and its derivatives is analysed. It is established that the norm concept has quantitative and qualitative aspects. The word *норма* and its derivatives acquire evaluation semantics when naming anomalies or when parts of phraseological units.

The second part of the article is devoted to the analysis of the semantics of the word *порядок* (order) and its derivatives. In this part of the paper, synonyms of this word are studied. These lexical units are actively used for naming anomalies. It is conditioned by this word's meaning.

In the third part of the paper a comparative analysis of synonyms *правильный* (correct) and *верный* (right) and its derivatives is carried out with the purpose of revealing reasons of their evaluative meanings formation. The word *правильный* and its derivatives indicate mainly technical norms; the word *верный* is more connected with logical truths.

The fourth part of the article contains a description of the semantics of the word *лад* (harmony, concord) and its derivatives. The derivatives generally have evaluative semantics of positive connotation and an ability to indicate a large number of various situations.

In the article some types of norms are named and the role of the analysed words for these norms indications is described.

In the final part of the paper specific features of the norm category characteristics in word meanings are described.

Keywords: norm, universal category, semantic category, concept.

P. 14. *Inyutina Lyudmila A.*, Novosibirsk State University. SEMANTIC FIELD OF SPACE IN LEXICAL REPRESENTATION OF SIBERIAN CHRONICLES OF 17–18 CENTURIES AS A FRAGMENT OF THE LANGUAGE MODEL OF SPACE. The article studies the conceptualisation of space in the Russian language in Western Siberia of the 17th–18th centuries. The semantic field of space reconstructed on the base of the Siberian chronicles texts (namely, the text of *The Esipov Chronicle* as the official and most authoritative historical work on subjugation of Siberia) is examined as a fragment of the spatial picture of the world. Specific features of the lexical representation of the nuclear semantic paradigm 'Space – kingdom' are defined.

The article specifies the author's theoretical position on the following matters: 1) the idea of space and place; 2) the linguistic spatial picture of the world; 3) the 'field' method of lexicological analysis and relevant features of a semantic field; 4) the peculiarities of diachronic reconstruction of a semantic field.

From the texts of the original version of *The Esipov Chronicle* we have chosen and analysed lexical units with the following meanings: 1) place; 2) objects occupying some room or extent; 3) movement of subjects and objects in space. The whole sample consists of 653 lexical units fixed in 3593 uses.

The semantic field of space in the texts under consideration is reconstructed as containing a nucleus and three peripheral semantic spheres: 1) the kingdom of Moscow, Siberia; 2) space and spaciousness as physical categories; 3) movements in space.

The semantic dominant of the annalistic texts under analysis is interpretation of space as of centralized state or kingdom ('Space – kingdom'). Its explication is meanings of common nouns 'царство' ('kingdom', 11 uses), 'государство' ('state', 8), 'страна' ('country', 7), 'держава' ('state', 5), et alias, and also proper nouns *Русь* (10), *Русия* (6), *Россия* (4) (all meaning 'Russia'), *Москва* ('Moscow', 28), et alias.

Thus, we have the nuclear semantic paradigm 'Space – kingdom' structured by synonymous lexemes meaning country or state (*царство, государство, страна, держава, отечество, отчина*). Synonyms are used in contact. The typical combinative power of these lexical units is realized in determinative attributive syntagmas including adjectives and pronouns *московский, российский, свой, его* and in determinative nominal syntagmas including proper names *Сибирь, Сибирская земля*, et alias. A sovereign – *царь, государь, князь* – is often mentioned and even named in the context.

It is possible to say that in the texts under consideration proper names *Русь, Россия, Российское царство, Московское царство, Москва* make a synonymic row with the same denotations as common nouns analysed above.

Historians and language experts who analysed *The Esipov Chronicle* note that in this work, integral ideologically and historically, the facts of Siberian history are regarded as of national importance, being evidence of Moscow's authority.

Keywords: chronicle, semantic field, lexical unit.

P. 23. *Karabykov Anton V.*, Omsk Law Institute. MEANING AND FATE OF RHETORIC IN THE CHRISTIAN MEDIEVAL CULTURE. The observed article is devoted to the analysis of the attitude towards rhetoric art, which was formed in the elite culture of the Middle Ages.

Beginning the research, the author claims that it is necessary to take into consideration those socio-cultural conditions, in which the considered attitude was being formed. Only in that case it will be possible to perceive it properly. The point is that early Christian intellectuals characterizing rhetoric negatively often meant mainly its contemporary condition aside from its timeless essence.

If we try to distinguish the medieval perception of that essence we will be to accept that it was not different from the perception of art as such. According to it, eloquence was treated as at least ethically neutral phenomenon. There is no evil in its nature. Harm is done exclusively from its undue usage. St. Augustine, the founder of the church rhetoric, argued that misapplication of eloquence proper to the pagans should not be deemed as an obstacle for its right use by Christians.

Nevertheless, discredit of rhetoric in late Antiquity, as well as specifics of its essence, determined an ambivalent attitude towards it. Consideration of that attitude occupies the rest part of the paper. Its negative aspect manifested itself in postulating of refusal from rhetoric. However, it is necessary to admit that the mentioned refusal was declared more often, than it was fulfilled in practice.

The positive aspect of that attitude was connected with understanding of rhetoric importance in Church teaching. The author finds its core in the tendency to bring about Christian adaptation of eloquence, which was characteristic of the medieval culture. The adaptation consisted in conformation of rhetoric art to the imperatives of Christian speech ethics. In order to accomplish that aim it was needed to enter eloquence in the context of the Christian world-view, to set it on the new ideological foundation.

Keywords: rhetoric, Christianity, patristic, the Middle Ages.

P. 34. *Solopova Olga A.*, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg). TO STAY WITH THE DYING EMPIRE? (COGNITIVE-DISCURSIVE MODEL OF RUSSIA'S FUTURE). Nowadays the problem of future has emerged with the utmost urgency. Faced with the complexities and challenges of the times, much effort has gone into the development of models and scenarios through which to comprehend the future of our country and to guide the navigation of policy-makers. In the world of forecasts the object of our analysis is political predictions, with the political system and political processes being its main targets. The advantage of the cognitive approach is the ability to determine mental schemes or cognitive models underlying any political text. The structure and content of these cognitive models are important to effectively study the mode of thinking of those who represent political and non-political institutions in a particular historical period; they also allow to build predictive models in political science.

The discussed approach (cognitive-discursive future studies) is supposed to be a systemic junction of theories and conceptions of future suggested in philosophy, future studies, political science and political linguistics. Using tools of future studies and cognitive linguistics, this approach studies models of future, which are based on exploratory forecasts made by authors of political texts.

The metamodel used in this approach is a matrix "methodology of forecasting and historical models" covering the evolution of various parameters of Russian socio-political system. A cognitive-discursive model is used as a tool to get the idea of possible options for future development of the society, helps to better understand the driving forces that shape it.

The main force abroad that forms the image of Russia and its possible political future is Russian-sensitive mass media. The process of constructing the metamodel (which in fact is a system of parameters) includes creating a conceptual model of political future, its basic components being domestic and foreign policies. Basic parameters (domestic policy and foreign policy), in their turn, can be divided into subsets (factors most frequently addressed in mass media when referring to the image of Russian future): politico-economic situation, population, natural resources, armed forces, relations with the USA, relations with Europe, relations with CIS ("the near abroad"), relations with Asian countries.

The present article deals with the problem of modelling Russia's future in political discourse. The material for the analysis is "Russia Crumbles" from the National Review (April 20, 2007), which "predicts" the way our country will be developing in the first quarter of the 21st century. The paper presents a scenario, which is meant for further conceptual analysis of the model. It also gives a detailed description of basic components and their subsets, and analyses linguistic means used to create the image of pessimistic future.

Keywords: cognitive-discursive model of future, image of future, political discourse, cognitive-discursive approach, metaphor.

LITERATURE STUDIES

P. 46. *Ashcheulova Irina V.*, Kemerovo State University. HISTORICAL TALES BY V. SOSNORA: THE ISSUE OF UNDERSTANDING AND INTERPRETATION OF HISTORICAL TEXTS. Historical tales by V. Sosnora: "Derzhavin to Derzhavin", "The Saviour of the Homeland", "Two Masks" were published in 1968 and collected in the book "Lords and Fates: Literary Variants of Historical Events", 1986, the first prose book of the poet. These tales are integrated in the context of 1960–1970s' historical prose, but they are different from the official (illustrating) and parallel (interpretive) lines of historical narration. Sosnora's task is, first, to shake readers' confidence in knowing the truth; second, to change readers' views on the historical event, and, finally, to present his own interpretation of the meaning of the document, thus, the meaning of the historical event that happened. Sosnora's author strategy is the reference to autobiographic ("Memoirs" of Derzhavin, "Notes" of Ekaterina), memoirs and documentary sources (poetry by V. Mirovich, reports of Shliesselburg commandant Ovtzyn, archives of Shliesselburg fortress, court records, evidences of contemporaries). On the one hand, these texts do not raise doubts in their authenticity; on the other hand, they contain "passion for self-description" and involuntarily place readers in the circle of subjective mythologization. Sosnora offers the reader a chance to interpret, investigate the event. He raises the problem of understanding this document-text, which needs decoding, not the problem of its authenticity (which he does not doubt). The process of investigation reveals additional, earlier hidden variants of understanding the event and the historical person's behaviour, which in the conclusion changes the semantics of Russian historical events. V. Sosnora uses the method of historical prose of the 1970s in solving the problem of the relation between the event-fact and the document-text, but comes to post-modernist conclusions about history falsification in texts. The avant-garde poet, anticipating Russian post-modernists, spoke about the role of the word, document in keeping historical memory, and found devaluation of documents, necessity of reading document by side vision revealing variations of historical senses, even historical events. Person's self-determination in the world of texts is a global problem but this problem is associated with the problem of the poet, who writes texts. In Sosnora's poetry system it is an important motive. Sosnora's inclination to historical versions is connected with his poetical thinking, which supposed allegory meaning in discovering the past, significance of spiritual insight in the definition of the truth and lies of the text. And, finally, Sosnora's author strategy shown in the tales about Russian history is important for understanding modern fiction historical prose for it does not neglect texts when understanding the possible meaning falsification in texts.

Keywords: V. Sosnora, historical variant, Russian history, sense, texts, memory.

P. 61. *Kiselev Vitaliy S.*, Tomsk State University. EVOLUTION OF COMMUNICATIVE AND NARRATIVE STRUCTURE OF *VESTNIK EVROPY* BY V.A. ZHUKOVSKY (1808–1811). During Zhukovsky's editorship in 1808–1811 *Vestnik Evropy* (Herald of Europe) passed several stages of development, having transformed from the author's literary magazine to an encyclopaedic poly-subject edition. The image of the author-publisher developing a panorama of the ethic and aesthetic ideals before the reader and resorting to forms of the subjective letter was the main feature of the magazine in 1808–1809. Zhukovsky proved the communicative strategy of "diary" cyclisation in a number of articles: orientation to aesthetic formation and education of the secular reader ("The Writer in the Society"), the account of readiness and interests of public to the universalism of material – literature, publicism, documentary-information genres, criticism ("The Letter from District to the Publisher"), clarity of the author's thought ("On the Critic"), complete ethic and aesthetic influence ("On Moral Advantage of Poetry").

This program was fully developed during the second period of editing of *Vestnik*, in autumn of 1808 – autumn of 1809, when the "diary" core of the magazine had already declared itself, having connected the issues by the intimate worldview semantics and the general image of the author, which allowed complicating the metatext structure. The essential role here belonged to M.T. Kachenovsky's return, first as an employee who was responsible for news and historical materials, later as a co-editor (November 1809 – the end of 1810), persistently developing magazine towards specialization, to transformation of the "secular" universalism into the genre and substance differentiated encyclopaedism.

As a result from the end of 1809 the magazine raised the role of documentary genres from the diary (the ethic and psychological essence) to the chronicle (the problem of the "external" life of the person). The informative component was expressed in regular sketches about trips, popular scientific notes and stories about well-known scientists, cultural figures, historical articles and documents (in the section "Sciences and Arts"). The specificity of an encyclopaedic magazine demanded response to topical public questions, which resulted in Zhukovsky's reference to new genres of publicism (section "Politician") and stories on social themes (section "Literature"). The last to appear was the section of criticism, which Zhukovsky long refused.

Thereby, the logic of the literary process put in the forefront the model of a poly-thematic and poly-subject journal ensemble. Kachenovsky realized this model making the magazine the forerunner of romantic journalism, when Zhukovsky left the post of the editor of *Vestnik Evropy* in 1811.

Keywords: Russian literature, Russian journalism, V.A. Zhukovsky, *Vestnik Evropy*.

P. 74. *Kovtun Natalya V.*, Siberian Federal University (Krasnoyarsk). IMAGE OF URBAN CIVILIZATION IN LATE STORIES BY V.M. SHUKSHIN: MIMETIC AND SEMANTIC ASPECTS. The article deals with the image of civilization as it appears in different periods of creativity of V.M. Shukshin. The advantage in the analysis is given to mature and late texts of the writer as most representative in terms of the stated theme.

The image of the city, which is created in the minds of the characters, the narrator and the author is analysed. The concept of modern civilization is seen in several ways: symbols of things that are present in the village and "contextually" refer to the image of the city (most often it is television, radio, abaci, books that establish relations or settle scores); stable motives and loci, which are filled unequally in different periods of art.

In the early texts the city is "a different world", the idea of which lives in the minds of all characters, it is only the background, shading the problems of rural life, preserving self-worth. A critical attitude to the city is formed by the mid-1960s, the question arises about the price of goods of civilization, the loss of the village's own face. The problem of "town – village" comes to be seen in the existential aspect of the person's choice not of the place to live, but life's journey. The criteria that guide the person are analysed. The town is an opportunity of testing, meeting with the different, through the relations with this comes self-knowledge. At the opposite axis are urban intellectuals associated with high achievements of progress, and officials of ministers, who found comfort in philistine. Between these extremes lies the road of the hero-traveller. The final period of Shukshin's work – the beginning of the 1970s – is marked by special concentration on the theme of civilization. Recent villagers quickly adapt to the culture media, follow someone else's models; the city casts a spell; the temptation becomes universal.

The paper analyses the major urban toposes in the art of Shukshin: bureau/office, pharmacy/hospital, shop/restaurant, house/apartment, hotel/hostel, exhibition and circus. In addition, loci were marked that are functionally identical to crossroads: buses, cars, airplanes. Movement within

a civilization is organised by using “wonderful things” – prescriptions, certificates, banknotes, which open the right door before the petitioner.

The conclusions are made that the town as a chronotope is implemented in the short stories by Shukshin in several directions: the arrival of a villager in the town and the related personality tests; methods of development of the anti-world in all the diversity of its representations. The projections of worlds are aligned in accordance with the spiritual experience, goals of the narrator and characters; the same space is given different characteristics. The author understands existence as the eternal movement of forms, dictating the absence of clear boundaries between phenomena and spaces. The secret character exists on the borders; he is in constant motion; he belongs to the element of time, and basically he has no roots. The key idea of the author is the idea of the unity of Russia, searching for methods of communication that would connect a villager, his fellow-countryman, who moved to the city, and a true intellectual.

Keywords: Shukshin, short stories, the image of the city.

P. 94. *Sedelnikova Olga V.*, Tomsk Polytechnic University. “ITALIAN PLAYWRIGHTS ARE EXCEPTIONAL...” ARTICLE 1. NOTES ON ITALIAN DRAMA IN A. MAIKOV’S TRAVELLER’S DIARY OF 1842–1843. Apollon Maikov’s traveller’s diary of 1842–1843, which became the reflection of what he “had seen and read during his first journey to Paris and Rome in 1842”, is an important document that characterizes the formation of the poet’s outlook and creative tenets. One of the fragments in the Roman part of the diary is devoted to the evaluation of Italian drama and translation of extracts from G.B. Niccolini’s tragedy *Antonio Foscari*.

Contemplations over Italian drama are an important indication of Maikov’s interpretation of the requirements to art posed by the contemporary life. Maikov began his journey round Europe with a clear task in mind: his works were to become modern in their content and touch upon the most pressing problems of the century. It is quite revealing that within the broad range of Italian literature Maikov chose to address the works of Italian playwrights of the 18th and 19th centuries, who were close to the ideological leaders of the liberation movement and strove to meet the real challenges of political life. Their experience is of great significance to Maikov in view of the pre-set creative task to explore the contemporary realities, select the factual material and develop a corresponding artistic perspective to it. When looking at the works of Italian tragedians as a man of today, Maikov identifies their principal drawbacks. In his opinion, these tragedies are lifeless and too simplistic, as their characters display an overtly facile psychological reaction to particular life situations. Therefore, the authors suggest a rhetorically one-sided interpretation, whereby the heroes invariably stick to realization of their main story line.

Maikov’s interest in G.B. Niccolini’s tragedy *Antonio Foscari* is due to its specific content that distinguished the tragedy from most of the Italian theatre tragedies of that time. Its plot is not based on one of the stories of Italian conspiracies, but is of a deeply intimate nature, a story thrown into the whirlpool of political events by some adverse chance, which made it possible for the author to expose the conflict between the tyrannical authority encroaching on people’s lives and the free personality asserting his rights and defying the terror of death brought by the zealotry of inquisition.

Contemplations on Italian drama allow looking into Maikov’s creative laboratory. At the same time, they reveal and specify the most important things in the system of the young poet’s aesthetic views, his understanding of the vital tasks that the contemporary art is called upon to solve, demonstrate the subtlety and depth of Maikov’s perception of the key cultural trends of the time.

Keywords: diary, literary translation, aesthetics, poetics, style.

P. 109. *Skiprik Alyona V.*, Yakutsk Institute of Baikal National University of Economics and Law. GOGOL’S DISCOURSE IN DOSTOEVSKY’S WORKS (BY GOGOL’S *DIARY OF A MADMAN* AND DOSTOEVSKY’S *NOTES FROM THE DEAD HOUSE*). The main idea of this work is researching of the problem of Gogol’s discourse in Dostoevsky’s novel *Notes from the Dead House*. We talk about the genre of “notes”, one of Dostoevsky’s favourite genres, which Gogol uses just once: in his “Diary of a Madman”. This genre makes the hero of “The Diary of a Madman” a new type of hero, self-analysing and thinking “little person”; that is why we can call him the prototype of Dostoevsky’s heroes. In *The Notes from the Dead House* Dostoevsky used not only the genre of “notes”, but also the semiosphere of madness, which Gogol created in “The Diary of a Madman” and which Dostoevsky re-created.

“The Diary of a Madman” is a phenomenon of literary process of the 1830s. Though this tale is not big, it becomes a specific semiosphere of madness, which includes different layers and creates a

new picture of the world. Gogol showed different aspects of Russian reality: department, the house of "His Excellence", the flat of an official, the psychiatric hospital; and all these aspects were absurd. Madness and absurd are very important categories in the context of the tale because the author needs them for making the absurd picture of the world. In the context of Gogol's tale the theme of madness becomes a "world-creating" theme.

Dostoevsky wrote a few novels in the genre of "notes" but in the context of "The Diary of a Madman" it is interesting to research *The Notes from the Dead House*. Special features of the genre are very important. Like Gogol's "Diary" Dostoevsky's genre of "notes" is a poly-genre type, which includes elements of physiological essay, self-biography, confession, short story, satirical article as inserting constructions. In Dostoevsky's novel there is also a self-analysing narrator, the author of notes, – Alexander Petrovich Gorjanchikov. His mind is the core of the work. Besides, the dominating motives are not only the motives of expiation and revival from the dead, but also the motives of madness and hell, which prevail in prison. With the help of Gorjanchikov, who is one of the many unknown victims of "the Dead House", Dostoevsky showed the absurd and futile system of punishment, which cannot improve and revive people's souls, but it can pervert and make them angry.

Thus, the stories of both writers discuss the same problem – the absurd of the Russian reality, which the heroes cannot escape.

Keywords: genre of "notes", semiosphere of madness, zoological theme, absurd of Russian reality.

JOURNALISM

P. 122. *Golub Vladimir A.*, Voronezh State University. PROBLEMS OF MODERN PHOTOJOURNALISM IN THE CONTEXT OF DIGITAL PHOTOGRAPHY TECHNOLOGIES PROGRESS. Modern digital technologies have radically changed the photographing process. Revolutionary changes in the technical sphere have led to radical transformations of everything connected with the photo. Computer processing of images has extraordinarily expanded the limits of the possible in modern photo, made almost any creative plan that sets the photographer really free in creation of photos as works of art realizable.

But technical progress in photography is accompanied with a variety of negative phenomena. The seeming ease of taking a digital photo in combination with an insufficiently high general level of culture promotes the fact that often neither photographers, nor consumers appear are capable to distinguish a good photo from the mediocre. Today an obviously expressed recourse of the aesthetic of the mass photo, the level of professionalism of photographers in whole and newspaper photographers in particular is observed. More often mass media publish photos that are of poor quality in the pictorial aspect. Good pictures dissolve in huge numbers of bad ones; diverse technical and creative tools of shooting and processing of pictures that have little in common with art are becoming trendy, such as camera tilting, leading to displacement of horizontal and vertical lines, vignetting, unreasonable local blurs of separate areas of the image, etc.

The tendency of spread of the specified negative tendencies among professional newspaper photographers especially appreciable in regional and corporate editions is observed. The fact that some small newspapers dismiss press photographers and assign their functions to writing journalists with no due training results in poor-quality photos on pages of most diverse editions. And, as they still are the aesthetic reference point for readers, it leads to a subsequent lesser quality of the mass photo. Thus, the process of interference of "popular" photos and photojournalism is observed.

Any edition participates in the formation of value reference points of readers, the aesthetic one being among the majors. The decrease in quality of photos promotes degradation of taste of the reading audience, decrease in mass cultural level, loss of value criteria.

Keywords: photojournalism, digital photography technologies.

P. 129. *Zhiyakova Natalia V.*, Tomsk State University. "IN SUPPORT OF INTELLECTUAL CENTRE": POLEMIC OF *THE SIBIRSKIY VESTNIK* AND *THE GRAZHDANIN* ON OPENING OF IMPERIAL TOMSK UNIVERSITY (1888). In 1888 the pages of a Moscow newspaper of conservative direction *The Grazhdanin* (*The Citizen*) and a private Tomsk newspaper *The Sibirskiy Vestnik* (*The Siberian News*) hosted a polemic, the reason of which consisted in the opening of the first Siberian Imperial Tomsk University. The discussion pronouncedly demonstrated the position of the Russian conservative circles not only in relation to the new university, but also to the Siberian society in whole. First, it was the aggressive hostility towards the attempts of self-determination of the

Siberian society, which was unanimously interpreted as “separatism”. In the polemical process *The Grazhdanin* refused to recognize Siberia’s cultural and economic significance. Talks about the historical importance of the opening of the first university behind the Urals caused central publishers’ indignation, hints on the regional identity immediately started charges in striving for opposition of Siberia and Russia, for separation.

From July to November of 1888 *The Grazhdanin* published about ten materials of various genres (the telegram, correspondence, front article, *The Diary* of Prince V.P. Meshchersky), which raised the subject of a university in Tomsk. The publishers of the central newspaper expressed doubts in the necessity of opening a university behind the Urals; they were convinced that the university would become the seat of students’ actions and place for the development of Siberian separatism.

The Sibirskiy Vestnik in its publications logically defended the right of Siberia for university education. It drew the readers’ attention to the fact of urgency of higher education not only for the young of Siberia, but for European Russia as well, which the first intake of students demonstrated. Another argument in favour of the Siberian University consisted in the thought about government economy – the university was supposed to train future official workers for the region, personnel for administrations and authorities, so that in the future there would be no need of sending personnel from the capital to Siberia. The Tomsk newspaper considered separatism a bare fantasy of the author of *The Grazhdanin*, because it had long been outdated in Siberia. *The Sibirskiy Vestnik*, like *The Grazhdanin*, discussed important public problems: the unity of the Russian government, separatism, relations of the centre and the provinces, etc.

The polemic with *The Grazhdanin* shows the high level of culture of Tomsk press, which corresponded to the city that had been chosen for opening of the first higher educational institution behind the Urals. *The Sibirskiy Vestnik* was quite a worthy defender in the polemic, reasonably and precisely pointing at *The Grazhdanin*’s extremes. History proved the correctness of the Tomsk newspaper, which predicted the leading role of the university in the growth and flourishing of education, science, culture and economy of Siberia.

Keywords: university, polemic, *The Grazhdanin*, Tomsk journalism.

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит ежеквартально и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединённом каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/philology>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Факс 8(382-2)52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2012. № 1(17)

Редактор *Т.В. Зелева*

Редактор-переводчик *В.В. Кашиур*

Оригинал-макет *Г.П. Орловой*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 14.02.2012 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.

Печ. л. 10,25; усл. печ. л. 13,16; уч.-изд. л. 13,56.

Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, Никитина, 4
Учебно-производственная типография ТГУ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 66